

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ПУШКИН

ПУШКИН

С

Q

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана
М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ленинград

ленинград

1 9 5 4

А.С. ПУШКИН

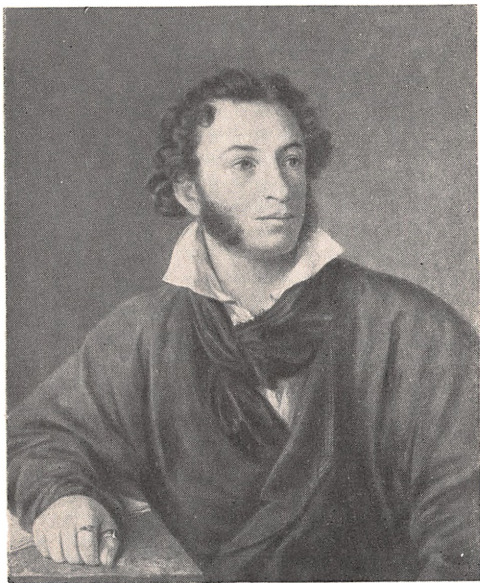
СТИХОТВОРЕНИЯ

1

т т т т т

советский
писатель

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Б. Мейлаха*

А. С. ПУШКИН

Гением Пушкина начата новая эпоха в истории русской национальной культуры. Пушкин — родоначальник новой русской литературы, основоположник русского литературного языка. В своем творчестве он отразил подъем национального самосознания русского народа периода Отечественной войны 1812 года и декабристского освободительного движения. Произведения Пушкина пронизаны страстным патриотизмом и свободолюбием. «Только революционная голова... может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке», — написал поэт в одной из своих тетрадей.

В пушкинском творчестве поставлены острейшие вопросы общественной жизни его времени, решительно осуждены социальные порядки, основанные на рабстве и угнетении, воплощены могучие силы русского народа, в которых поэт видел залог великого будущего своей страны.

Пушкину было свойственно характерное для передовой русской литературы понимание огром-

ной роли художественного слова в идейном воспитании народа. «Пушкин — первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял значение литератора на высоту, до него недостижимую: в его глазах поэт — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни» (М. Горький). Как художник Пушкин явился зачинателем и ярчайшим представителем реалистического направления в литературе.

Творческое наследие Пушкина является живым достоянием нашей социалистической современности, оно раскрывается в наши дни во всем своем богатстве и многообразии. По словам Белинского, «Пушкин принадлежит к вечно движущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающих развиваться в сознании общества».

I

Пушкин родился в конце восемнадцатого века, 26 мая 1799 года, в Москве. Отец его, Сергей Львович, происходил из старинного, когда-то богатого дворянского рода. Мать Пушкина, Надежда Осиповна (рожд. Ганнибал), была внучкой «арапа Петра Великого». Уже в ранние детские годы Пушкин страстно любил литературу. По воспоминаниям брата Пушкина, Льва Сергеевича, «страсть к поэзии проявилась в нем с

первыми понятиями». В восьмилетнем возрасте он умел читать, писать и сочинял маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Маленький Саша чувствовал себя хозяином в богатой отцовской библиотеке. По словам того же Льва Сергеевича, он «проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другой». Родители почти не уделяли внимания воспитанию ребенка, проводившего время за чтением или же в обществе няни Арины Родионовны, ставшей для него одним из самых родных, близких друзей. Через няню и дворовых людей Пушкин знакомился с русскими народными сказками и обычаями.

В 1811 году Пушкин поступил в Царскосельский лицей. Это учебное заведение сыграло большую роль в формировании его мировоззрения и в развитии его литературного дарования. Лицей был задуман правительством как школа для «юношества, особо предназначенного к важным частям службы государственной», но превратился на деле в один из центров воспитания молодежи в духе политического вольномыслия. Директор лицея В. Ф. Малиновский и профессор нравственных и политических наук А. П. Куницын внушали воспитанникам критическое отношение к самодержавно-крепостническому строю. Под влиянием Малиновского и Куницына в близком им духе строили свои лекции и другие профессора. В лицейских лекциях осуждался деспотизм и пропагандировались идеи политической свободы как необходимого условия

расцвета культуры, науки, искусства. Одной из основ лицейского быта являлось равенство воспитанников независимо от происхождения и от чинов их родителей. Большое распространение среди лицейстов имела потайная политическая литература. Все это придавало особый характер лицейской среде: не случайно воспитанники именовали это заведение в письмах и рукописных журналах «Лицейской республикой». «Лицейская семья» не была единой: в ней были люди разных взглядов. Пушкин был уже там предводителем самой передовой группы молодежи, выступавшей против консервативно настроенных преподавателей и воспитанников. Кружок друзей Пушкина (в нем были Дельвиг, будущие декабристы Пущин и Кюхельбекер) проявлял живой интерес к общественным вопросам.

С особенной охотой Пушкин занимался политическими науками, которые преподавал Кунин. Пушкин впоследствии сказал о нем: «Он создал нас, он воспитал наш пламень».

Однако для формирования взглядов юного Пушкина имела значение не только система лицейского воспитания. Одним из источников лицейского вольномыслия было общение воспитанников с будущими декабристами. Пушкин часто бывал в среде вольнолюбивой офицерской молодежи, служившей в лейб-гусарском гвардейском полку, расположенном в Царском Селе. Ближе других были Пушкину офицеры Чаадаев, Каверин, Н. Н. Раевский.

Огромное значение в созревании Пушкина как

великого поэта и патриота сыграли события Отечественной войны 1812 года. «Мы были дети 1812 года», — говорил декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Эти слова характеризовали все передовое поколение этой эпохи. Отечественная война была войной национально-освободительной. Победив иноземного врага, задумавшего поработить Россию и лишить ее независимости, русские патриоты не могли, конечно, примириться с внутренним порабощением, с деспотизмом самодержавия и крепостничества.

Впечатления великих событий 1812 года остались у Пушкина на всю жизнь. В своих воспоминаниях И. И. Пущин впоследствии писал: «Эти события сильно отразились на нашем детстве... мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого лицея; мы всегда были тут при их появлении, напутствовали воинов... обнимались с родными и знакомыми; усатые гренадеры из рядов благословляли нас... Не одна слеза тут пролита». Сам Пушкин с гордостью и любовью писал об этом времени:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

(«Была пора...», 1836)

И в юношеских лицейских стихотворениях и в произведениях зрелых лет Пушкин восхищался

героизмом русского народа, его пламенным патриотизмом, высокими моральными качествами, предопределившими историческую роль России — освободительницы Европы от деспотизма Наполеона.

Героизм двенадцатого года оказал решающее влияние на характер Пушкина. Мужественность, стойкость, готовность к суровым испытаниям в борьбе за высокие идеи — все эти черты будущего великого поэта сказались уже в обращении Пушкина к своему другу Кюхельбекеру при окончании лицея:

...Где б ни был я: в огне ли смертной
битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я!

Уже в лицейских стихах начинает звучать одна из основных тем всего пушкинского творчества — тема противоречий между личностью и окружающей средой. В лицейских посланиях 1815—1816 годов, носящих еще следы ученического подражания Батюшкову и Жуковскому, поэт противопоставляет круг «друзей», чуждых «этикету», презирающих суету «столиц, забот и грома», — кругу вельмож и прислуживающих им «высоко, тонко и хитро» «придворных философов». В посланиях этих содержится и прославление идиллической, уединенной жизни вдали от жизненных бурь («Нашел в глуши я мирный кров и дни веду смиренно...»). Но в этом ска-

зались скорее всего книжные влияния. Темперамент, характер, истинные стремления Пушкина выразились в его первом свободолюбивом политическом стихотворении «Лицинию» (1815).

В других стихах он критикует социальный и бытовой уклад России того времени, осуждает тяготение к карьере и ко двору: тот, кто «правдив и благороден», не может быть «мудрецом придворным». Для мировоззрения Пушкина-лицейста показательны послания своему сверстнику князю А. М. Горчакову — честолюбивому «питомцу мод», который еще на лицейской скамье сознательно готовился к будущей карьере, а также стихотворение «Товарищам» (перед выпуском из лицея). В этих стихотворениях, посвященных теме выбора жизненного пути, поэт защищает право на личную свободу и независимость.

В стихотворениях, посвященных теме войны 1812 года, Пушкин прославлял героизм и самоотверженность народа, поднявшего на защиту своей национальной независимости богатырскую силу «ратников». Вместе с тем в таких стихах Пушкина, как «Александру I» (1815), отразились иллюзии, свойственные в это время дворянскому обществу. Приветствуя Александра I после вступления русских войск в Париж, Пушкин, в соответствии с надеждами широких кругов либерального дворянства, напоминает царю о необходимости склонить «на свой народ смиренья полный взгляд», улучшить положение страны.

Ко времени окончания лицея Пушкин был хорошо известен в литературных кругах. В печати он впервые появился в 1814 году (стихотворение «К другу стихотворцу» в «Вестнике Европы»). В течение 1814—1817 годов (до окончания лицея) в журналах «Вестник Европы», «Российский музей», «Сын отечества» и др. было напечатано более двадцати стихотворений Пушкина. Хотя большинство стихотворений не было подписано его именем, тем не менее автора уже знали. В особенности способствовало распространению пушкинской славы стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», с большим успехом прочитанное им в 1815 году на лицейском экзамене, в присутствии Державина.

В июне 1817 года Пушкин окончил лицей и переехал в Петербург, где был определен в коллегию иностранных дел в чине коллежского секретаря.

II

Годы 1817—1820, проведенные Пушкиным в Петербурге, были годами большого общественного возбуждения после Отечественной войны. Мощный патриотический подъем, вызванный победой над врагом, сочетался в передовом русском обществе с горячим желанием видеть Россию преобразованной на новых политических началах. Бессмысленность надежд на царские реформы становилась все более очевидной. Организация реакционного Священного Союза во

главе с Александром I для подавления революционного движения в Европе, а внутри страны чудовищная крепостническая эксплуатация, цензурный гнет, военные поселения — все это способствовало росту оппозиционных настроений и привело к образованию тайных политических обществ. Программы декабристов заключали в себе требования уничтожения крепостного права и самодержавия. Значение декабристов в общей цепи освободительного движения становится ясным из ленинской характеристики трех поколений, трех классов, действовавших в русской революции:

«Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году». (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 18, стр. 14—15.)

Сам Пушкин не входил в тайное общество, но общался со многими из его членов. Пушкин не был вовлечен в число членов тайного общества прежде всего потому, что декабристы не хотели подвергать опасности жизнь гениального поэта. Так, во всяком случае, обстояло дело в период южной ссылки поэта. Сын декабриста С. Г. Волконского М. С. Волконский в одном из своих писем указывает: «...моему отцу было поручено принять его (Пушкина.— Б. М.) в Общество. Но отец этого не исполнил. «Как мне решиться было на это, — говорил он мне не раз, — когда ему могла угрожать плаха...», — вспоминает далее М. С. Волконский. По словам Вяземского, «хоть Пушкин и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в этой жгучей, вулканической атмосфере». В литературном обществе «Арзамас» он встречался с декабристами Н. Тургеневым, М. Орловым, Никитой Муравьевым. Живое участие принял Пушкин в литературном кружке «Зеленая лампа», возникшем в 1818 году в качестве своеобразного ответвления декабристского «Союза Благоденствия».

С многими активнейшими деятелями тайного общества (в частности с Пестелем) Пушкин сблизился впоследствии, в южной ссылке.

Политические стихи, написанные Пушкиным в Петербурге («Вольность», «К Чаадаеву», «Деревня», «Сказки» и др.), распространялись в сотнях рукописных копий. В оде «Вольность»

(1817) Пушкин отвергал «изнеженную лиру» и утверждал путь высокой гражданской поэзии:

Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

В стихотворении «Деревня» Пушкин страстно заклеил основы существовавшего строя — беззаконие, произвол, рабство, обнажил «страдание народов». Эти замечательные стихи, будившие политическое сознание современников, несли на себе, тем не менее, и печать исторической ограниченности: ода «Вольность» оканчивалась поучением царям, а стихотворение «Деревня» — надеждой на возможность падения рабства «по манию царя». Но обличительное содержание и художественно-эмоциональное воздействие этих стихов были сильнее их умеренно-оппозиционной политической программы. К тому же в других своих стихотворениях (например, «Сказки» — Noël) Пушкин сам высмеивал либеральные надежды на то, что самодержец может добровольно ввести коренные реформы.

Жизненная программа всего поколения передовой дворянской молодежи воплощена в послании «К Чаадаеву». Мирным «надеждам, тихой славе» — этим обманчивым мечтам — противопоставляется активная революционная самоотверженная борьба с «самовластьем», за благо родины.

Впоследствии декабристы писали в мемуарах, что Пушкин, и не будучи членом тайного общества, служил своим творчеством революционному

делу не только не меньше, но даже больше, чем литераторы, состоявшие в тайном обществе. «Звезда пленительного счастья», звезда свободы была путеводной звездой Пушкина и декабристов. В 1826 году Жуковский упрекал поэта: «В бумагах каждого из действовавших (т. е. декабристов. — Б. М.) находятся стихи твои».

В Петербурге Пушкин продолжал работать над поэмой «Руслан и Людмила», начатой еще в лицее в 1817 году. Опубликование этой поэмы (весной 1820 года — отрывки в журналах, в августе — отдельное издание) приобрело характер демонстративного выступления против установленных литературных правил. По определению Белинского, «причиной энтузиазма, возбужденного «Русланом и Людмилой», было, конечно, и предчувствие нового мира творчества, который открыл Пушкин всеми своими первыми произведениями. В этой поэме было ново... и стих, и поэзия, и шутка, и сказочный характер вместе с серьезными картинами».

Критические отклики на «Руслана и Людмилу» вышли за пределы чисто литературных споров. Литературные старожилы (как, например, критик «Вестника Европы») восприняли враждебно и полемическую направленность этой поэмы (в частности пародирование тематики «героических» ложноклассических «эпопей»), и «простонародность» образов, и «мужицкий язык». В своей поэме Пушкин по-новому подошел к проблеме народности: он отказался от условной стилизации «народной старины» и фольклора.

В «Руслане и Людмиле» Пушкин выступил новатором в области и содержания и формы русской поэмы. Материалом здесь послужила не устная народная поэзия, а литературные обработки русских сказок. Тем не менее пушкинская поэма резко отличалась от существовавших в русской поэзии «богатырских поэм» (например, «Ильи Муромца» Карамзина или «Бахарианы» Хераскова). Ее своеобразие, простота и точность языка были особенно заметны по сравнению с мистико-фантастической поэзией Жуковского. «Руслан и Людмила» — этап на пути к созданию подлинно народной поэмы, соединяющей эпическую тему с лирическими мотивами. Боевой дух поэмы, направленный против ханжества и мистицизма, свидетельствовал о просветительской настроенности автора.

Молодое поколение русских читателей оценило в поэме и ее идейную направленность и живой энергичный стих.

Между тем возрастающая слава Пушкина как автора политических стихотворений возбуждала резкое недовольство правящих кругов. Александр I решил «обезвредить» вольнолюбивого поэта. Только вмешательство друзей — Карамзина и Жуковского — спасло поэта от Сибири или Соловков. В мае 1820 года его высылают в Екатеринослав в распоряжение главного попечителя колонистов Южного края Инзова. Высылка Пушкина вызвала возмущение в прогрессивных литературно-политических кругах Петербурга.

Ожидания царского правительства, что Пушкин в ссылке «исправится», не оправдались. Через четыре месяца после выезда из Петербурга, совершив путешествие по Кавказу и Крыму, поэт приехал в Кишинев, куда была переведена из Екатеринослава канцелярия Инзова. Кишинев в то время был одним из центров декабристского движения.

Живя в Кишиневе, Пушкин горячо интересуется национально-освободительным движением в Европе (особенно греческим восстанием). В ссылке Пушкин тесно сближается с членами «Южного общества» декабристов, бывает в центре их совещаний — Каменке, знакомится с руководителем этого общества, виднейшим вождем декабризма П. И. Пестелем. «Утро провел я с Пестелем — умный человек, во всем смысле этого слова... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю», — записал в своем дневнике Пушкин. Под воздействием декабристских идей Пушкин задумывает историко-политическую драму «Вадим» (1822), пишет «Исторические замечания», где дает резкую характеристику Екатерины II и Павла I.

В стихотворениях этого периода у Пушкина отчетливо звучат мотивы революционного действия. Стихотворение «Кинжал» (1821), по позднему признанию декабристов, использовалось ими для агитации за революционный переворот. Стихотворение, обращенное к члену

«Южного общества» В. Л. Давыдову (1821), оканчивается символическими строками, выражающими надежду на успех дела революции:

Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся...

Пушкин усиленно следил за ходом освободительного движения в Европе (восстания в Италии и Испании, брожение в Португалии, Франции, Германии). Священный Союз при активном участии Александра I всюду восстановил старые порядки. Итальянская революция была подавлена австрийскими войсками, испанская — французскими. Вождь испанского революционного восстания Риго был казнен. В ряде пушкинских стихотворений и набросков 1823—1824 годов («Свободы сеятель пустынный», «Кто, волны, вас остановил», «Недвижный страж дремал...», «Сказали раз царю») отражены тяжелые переживания поэта, вызванные неудачами освободительного движения в России и на Западе.

О настроениях Пушкина в кишиневский период весьма красноречиво свидетельствует эпизод, записанный его знакомым, П. И. Долгоруковым, в 1822 году:

«Пушкин ругает правительство, помещиков. Говорит остро, убедительно... Полетели ругательства на все сословия.

Штатские чиновники — подлецы и воры, генералы — скоты большею частью, бдин класс

земледельцев — почтенный. На дворян русских особенно нападал Пушкин».

Пребывание Пушкина на юге России было ознаменовано важными переменами в его художественном развитии. Размышления о современной действительности и ее противоречиях, о роли литературы в общественной борьбе были тесно связаны с его поисками новых творческих путей и явились почвой для разработки романтических тем и образов. Созданию романтических произведений способствовало и знакомство с южной природой. Путешествие по Крыму и Кавказу с семьей генерала Раевского произвело на Пушкина сильное впечатление.

Внимательно присматриваясь к новым краям и новым людям, Пушкин создал новый жанр в русской поэзии — оригинальную русскую романтическую поэму. К этому жанру относятся «Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы». Эти поэмы, задуманные Пушкиным на юге, написаны в течение 1821—1824 годов.

«Романтизм — вот первое слово, огласившее пушкинский период», — заметил Белинский. Романтизм сыграл огромную революционную роль в развитии русской литературы, в ниспровержении догматических «правил» классицизма, в расширении содержания и обновлении форм поэзии, драматургии, художественной прозы.

В русском романтизме были различные социальные и эстетические направления. Среди романтиков находились и революционно настроен-

ные писатели и приверженцы старых порядков, идеализировавшие средневековые и призывавшие к уходу в мир мистического «откровения». Романтизм последнего типа по своему идейному содержанию остался совершенно чуждым Пушкину; его интересовала иная, социально-устремленная, бунтарская струя романтизма. В этом романтизме Пушкина привлекала борьба за народность литературы, за освобождение от правил, стеснявших ее развитие, стремление к раскрытию внутреннего мира человеческой индивидуальности, отстаивание прав личности, обращение к источникам народного творчества. Такой романтизм был формой борьбы за правдивое изображение жизни. Вот почему в романтических произведениях Пушкина отчетливо ощущаются тенденции реалистические, выражающие стремление постигнуть закономерности действительности. Эти черты резко выделяют своеобразие пушкинского романтизма. Не случайно Пушкин впоследствии разумел под «истинным романтизмом» те принципы, которые критика, несколькими десятилетиями позже, именовала реализмом (самый термин «реализм» в пушкинское время еще не существовал). Романтический период в пушкинском творчестве, по существу, являлся переходным этапом на пути к реализму, а не выражением попыток ухода от жизненных противоречий. Пушкину был чужд и мистицизм, в котором обретали путь к примирению с действительностью многие поэты романтического направления. Его ум передового просветителя не мог видеть за пределами

«земной жизни» ничего иного, кроме «ничтожества».

Реалистические тенденции в пушкинском романтизме обусловили и своеобразие задач, которые поэт ставил перед собой, создавая романтические поэмы. Уже в первой из них — в «Кавказском пленнике» (1820—1821) он хотел воспроизвести некоторые типические черты современного героя. «...Я в нем хотел изобразить равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX века», — писал Пушкин в письме 1822 года. Идейная настроенность «пленника» была выражена в словах (в прижизненных изданиях не печатавшихся):

Свобода! он одной тебя
Еще искал в подлунном мире.

Разочарованный пленник, «отступник света», гордо начавший «пламенную младость», но затем вкушивший «грозное страданье», герой, оказавшийся жертвой «неприятни двуязычной» и покинувший родной предел «с веселым призраком свободы», — был близок свободолюбивой молодежи 20-х годов. Наиболее удавшейся частью поэмы Пушкин считал изображение обычаев и нравов черкесов. Правдивость и естественность этих описаний отмечались и в современной поэту критике.

Творческое своеобразие и новаторство Пушки-

на в период романтизма нашли еще более яркое выражение в поэме «Братья разбойники» (1821—1822). Поэма эта целиком основана на материале русской действительности. Посылая Вяземскому «Братьев разбойников», Пушкин писал: «Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок». Поэма была задумана как произведение из быта волжских разбойников, крепостных крестьян, бежавших от помещика в «зеленую дубраву». С этим замыслом связано введение в поэму элементов фольклора и «просторечия». В 1823 году Пушкин сжег поэму. Дошедший до нас отрывок (первоначально напечатанный в «Полярной звезде» за 1825 год) позволяет предполагать, что она отличалась острой идеологической направленностью (преступление разбойника мотивировано социальными условиями).

В 1823 году, во время пребывания в Одессе, Пушкин написал поэму «Бахчисарайский фонтан». Экзотичность материала, некоторая неровность в развертывании сюжета, загадочность, которой окутаны действия героев, — все эти особенности сделали «Бахчисарайский фонтан» самой романтической из всех поэм Пушкина.

Следуя в развитии сюжета преданию о польской красавице Марии Потоцкой, похищенной крымским ханом Керим-Гиреем, Пушкин создал произведение, насыщенное драматизмом и страстностью, овеянное поэзией Востока.

«Бахчисарайский фонтан» был напечатан отдельной книгой в 1824 году с предисловием

Вяземского, озаглавленным: «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского Острова». Предисловие явилось своеобразным «манифестом» романтической школы и вызвало оживленную полемику о сущности романтизма и народности. Поэма имела огромный успех. При жизни Пушкина она была дважды переведена на иностранные языки. В 1825 году она шла в театре в переложке А. Шаховского.

Создавая «Бахчисарайский фонтан», наиболее романтическую из его поэм, расцвеченную всеми красками восточной экзотики, Пушкин в то же время был занят уже совсем иными замыслами. «Бахчисарайский фонтан» был завершен в конце 1823 года, а 9 мая этого же года поэт начал работать над «Евгением Онегиным». Первая глава романа, над которым Пушкин работал в общей сложности более восьми лет (1823—1831), закончена 22 октября, вторая — 8 декабря 1823 года. В этих двух главах «Евгения Онегина», ознаменовавших совершенно новый этап в пушкинском творчестве, была изображена широкая реалистическая картина русской жизни. Но и «южные» поэмы связаны со всей поэзией Пушкина не только по своим темам, но и чертами, предсказывавшими укрепление и победу реалистических тенденций в его творчестве.

В критических отзывах о Пушкине встречались утверждения, что романтические поэмы Пушкина — это результат влияния западноевропейской литературы. Особенно много писалось некоторы-

ми критиками и литературоведами на тему о том, что Пушкин подражал Байрону. О ложности этой точки зрения, которая имела хождение еще при жизни Пушкина в консервативных журналах, писал в свое время Белинский. Возражая Н. И. Надеждину, который сравнивал Пушкина с Байроном, Белинский критически замечал: «Этому ученому критику и в голову не входило, что Пушкин так же точно не был обязан быть Байроном, как Байрон — Гомером, и что Пушкина должно рассматривать как Пушкина, а не как Байрона... Этому ученому критику еще менее входило в голову, что между Пушкиным и Байроном не было ничего общего в направлении и духе таланта и что, следовательно, тут неуместно было какое бы то ни было сравнение». А в другом месте Белинский сказал о Пушкине: «Он заботился не о том, чтобы походить на Байрона, а о том, чтоб быть самим собою и быть верным той действительности, до него еще непечатой и нетронутой, которая просилась под перо его». И в самом деле, Пушкин в юности «зачитывался Байроном», восхищался протестующей, «богатырской» стороной его творчества, но остался чужд и безграничному индивидуализму этого поэта и его беспросветному пессимизму. Герои Пушкина не похожи на гордых, надменных, эгоистичных героев Байрона, презирающих простых смертных. Образ парящего над миром героя-титана, в котором Байрон воплотил черты своей собственной личности, несвойствен творчеству Пушкина. Он шел своим путем, а не

путем подражания Байрону или кому бы то ни было.

Оригинальность, национальное своеобразие — отличительные черты пушкинского творчества. Борьбой против подражания иноземной словесности, в частности французской придворной литературе — «салонной и жеманной», была проникнута вся деятельность Пушкина. «Французская болезнь умертвила б нашу отроческую словесность», — писал он Вяземскому.

Резко выступая против подражательности, Пушкин в то же время высоко ценил достижения художественной культуры человечества. Для передовых русских людей всегда было характерно уважение к прогрессивным деятелям других наций. В то время как Байрон своей обличительной и протестующей деятельностью вызывал ярость правящих классов у себя на родине, передовые люди России его ценили как раз за эти стороны. Когда Байрон в борьбе за независимость Греции умер и его гибель вызвала ликование реакционеров всего мира, Рылеев в оде «На смерть Байрона» восклицал:

Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады.

Но тот же Рылеев был последовательным борцом против подражательности русских писателей кому бы то ни было. Такую же позицию занимал также Пушкин по отношению к передовым писателям и мыслителям Западной Европы — Бай-

рону и Шекспиру, Вольтеру и Руссо, ко всем, кого ненавидели враги прогресса в Западной Европе и ценили деятели русской культуры.

IV

Жизнь Пушкина в Одессе, куда он переехал в 1823 году, осложнилась конфликтом с его начальником Воронцовым, новороссийским генерал-губернатором. «Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое», — писал Пушкин Тургеневу. Воронцов посылал в Петербург доносы на Пушкина. К тому же полиция перехватила письмо поэта, где он писал о своем атеизме. В июле 1824 года он был уволен со службы и отправлен в ссылку, в село Михайловское, под надзор гражданских и духовных властей.

В Михайловском Пушкин много читает, изучает историю, собирает и записывает народные сказки и песни. В оживленной переписке с декабристами Рылевым и А. Бестужевым Пушкин делится своими творческими замыслами, ведет спор о путях развития русской литературы. Многообразные интересы Пушкина отразились в его поэзии, к этому времени достигшей исключительного художественного совершенства. В Михайловском он пишет стихотворения «Подражания Корану», «Андрей Шенья», «Жених», «К А. П. Керн», «Вакхическая песня», «19 октября», «Сцена из «Фауста» и др. Он продолжает также работать

над своими большими произведениями — поэмой «Цыганы», романом в стихах «Евгений Онегин», создает трагедию «Борис Годунов», поэму «Граф Нулин».

В поэме «Цыганы» (начата на юге в начале 1824 года, окончена в Михайловском в октябре того же года) с наибольшей полнотой отразился переходный характер пушкинского романтизма. И самая форма поэмы и трактовка сюжета, с точки зрения «правверных» романтиков, не были выдержанными до конца.

Содержание поэмы проникнуто отрицанием светской жизни и страстной защитой вольности. Главный герой Алеко изображен как «беглец» из высшего света, протестант, ненавидящий «неволюдушных городов».

Спасительная для человека «естественная близость» к природе противопоставлена в поэме развращающему влиянию цивилизации. Но верность жизненной правде заставляет Пушкина отклонить романтическое разрешение конфликта между личностью и общественной средой. Яркая и свежая по сравнению со светской жизнью, «как песнь рабов однообразной», — «дикая доля» цыган. Однако Алеко, ненавидящий «неволюдушных городов», сам сложился под влиянием этой «неволи», он носит на себе ее клеймо. Он «для себя лишь хочет воли», и для него, добровольно покинувшего свет, неизбежен новый конфликт, на этот раз с «детьми вольности». Ему, воспитавшемуся в иной среде, нельзя «опроститься», отказаться от эгоизма, от желания утвердить

свое неписаное «право» хотя бы путем насильственного подавления воли других людей.

Этими «правами», сложившимися в обществе, основанном на угнетении человека человеком, психологически мотивировано совершенное Алеко убийство молодого цыгана и Земфиры. Без изменения глубочайших основ человеческого общежития не могут быть разрешены противоречия жестокой действительности — таков подсказываемый «Цыганами» вывод. И романтическая поэма, в которой с такой красочностью изображены картины вольной жизни людей, признающих лишь «естественные права», оканчивается пессимистическими строками:

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

По определению Г. В. Плеханова, поэма «Цыганы» «объясняет психологию целой исторической эпохи. Алеко громит нынешние общественные порядки, но попав в почти первобытную среду цыган, он в своих отношениях к любимой женщине продолжает руководствоваться взглядами, господствующими в покинутом им обществе. Он стремится восстановить то, что ему хотелось разрушить».

Творческое развитие Пушкина находилось в тесной связи с развитием его мировоззрения.

В стихотворениях начала 20-х годов — «Кто, волны, вас остановил», «Свободы сеятель пустынный», «Недвижный страж дремал...» —

Пушкин с горечью откликнулся на спад революционного движения, характерный для России и Европы этих лет. О том, что происходило в строго законспирированных, возникших после ликвидации в 1821 году «Союза Благоденствия», тайных обществах (и «Северном» и «Южном»), Пушкин тогда едва ли и знал. Поражение революционных восстаний и на Западе и в России (бунт семеновцев в 1820 году), поправление широких слоев либерального дворянства, усиление реакции — все это выдвигало перед Пушкиным новые вопросы. Вследствие политического расслоения среди либерального дворянства неустойчивые элементы порвали с оппозицией самодержавию.

Среди некоторых участников декабристского движения возникали сомнения в успехе переворота. Отмеченная Лениным слабость декабристов («страшно далеки они от народа») накладывала отпечаток на их идеологию во всех ее разновидностях. Большая часть декабристов боялась народной массовой революционности, «новой пугачевщины». Вместе с тем люди из той же декабристской среды скорбели о том, что народ тогда еще был склонен к патриархальной вере в царя. В своем горьком признании того, что «народы тишины хотят и долго их ярем не треснет», Пушкин не был одиноким. Один из активнейших декабристов юга — В. Ф. Раевский, арестованный в 1822 году за революционную пропаганду среди солдат, — определил «стон простонародный» как «ропот робкий под яр-

мом» (стихотворение «Певец в темнице», 1822). Все это обостряло сложность и противоречивость идеологии декабристов и близких к ним людей.

Трезво оценивая возможности революционного подъема народа в условиях российской действительности 20-х годов, Раевский мечтал о пробуждении народа. Мечтал об этом и Пушкин. Он не был, разумеется, сторонником крестьянской революции, но тем не менее уже в 1825 году понял важность вопроса о роли народа как деятеля истории.

В Михайловском, в уединении, весь поглощенный своими занятиями, Пушкин размышлял о закономерностях исторического развития России. Эти размышления отразились в трагедии «Борис Годунов», ставившей с необычайной для литературы этого времени остротой проблемы взаимоотношения царя и народа, роли народа в истории. «Борис Годунов», ознаменовавший окончательный переход Пушкина на позиции реализма, явился произведением подлинного революционного новаторства, открывшим новую страницу в истории русской драматургии. Стремясь реформировать русскую трагедию, Пушкин решительно рвал со всеми существовавшими тогда, но уже устаревшими представлениями. Великий русский поэт выдвигал как главную задачу литературного развития — верность действительности, отражение особенностей русской истории и характера русского народа.

Не случайно Пушкин выбрал для трагедии, за-

думанной для реформы русской драматургии, одну из самых бурных эпох русской истории. Стремлением к демократизации театра определялись и содержание и форма «Бориса Годунова». Центральной идеей произведения является проблема отношений между народом и царем. Ситуация, положенная в основу построения сюжета «Бориса Годунова», была в ряде моментов типичной для русской истории и явилась актуальной также и для современности. Типичным был, в частности, образ царя, взявшего престол преступным путем. Проблема «законности» царской власти оживленно обсуждалась в 20-е годы в оппозиционных кругах. Понятен поэтому повышенный интерес Пушкина к материалу X и XI томов карамзинской «Истории Государства Российского», которые он называл в письме к Жуковскому «животрепещущими, как вчерашняя газета».

Общая идейная направленность «Бориса Годунова» определила и характер использования материала «Истории Государства Российского». Пушкин заимствовал у Карамзина почти всю чисто фактическую основу для своей трагедии, но он решительно отверг консервативную историческую концепцию историографа.

Совсем иначе, чем у Карамзина, разрешена Пушкиным проблема отношений между Борисом и народом. В «Истории Государства Российского» трагедия Бориса ограничена «наказанием свыше» за преступный захват престола. По Карамзину в характере Бориса сплелись религиоз-

ность и преступные страсти. Пушкин же, по собственному признанию, смотрел на Бориса «с политической точки зрения». Претворяя в работе над образом Бориса свои теоретические установки, Пушкин следовал принципу раскрытия характера в его противоречивости. Борис показан как правитель, умевший «и страхом, и любовью, и славою народ очаровать», но он наделен и чертами общечеловеческими, среди которых подчеркнуты отцовские чувства («...но чувствую, мой сын, ты мне дороже душевного спасенья»). Важно, однако, что, изображая царя Бориса человеком разнообразных страстей, Пушкин не остается на позиции летописца, который «добро и злу внимает равнодушно». В трагедии тонко вскрыта существеннейшая черта характера Бориса Годунова — стремление к деспотической власти. Наиболее ярко эта черта, типичная для всякого самодержца, проявляется в его предсмертном монологе. В этой речи раскрыта основная причина исторически сложившейся вражды между народом и царем.

Задача верховной власти — «удержать смятенье и мятеж». Различные «благodeяния» и «щедроты» должны служить именно этой цели, а не прямой заботе об улучшении положения народа. Именно такой тактикой деспотического правления и продиктованы предсмертные советы Бориса сыну.

В трагедии народ, который «всегда к смятенью тайно склонен», противостоит царю как грозная враждебная сила.

Судьбу отечества решает народ — таков смысл слов предка Пушкина:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою подмогой,
А мнением; да! мнением народным.

Хотя «Борис Годунов» и не дает ответа на вопрос о путях разрешения исторического конфликта между народом и царской властью, но сама постановка этого вопроса была политически острой. Родовитое боярство, враждебное Борису, показано здесь как сила, чуждая народу. Резко осуждены в трагедии предательские планы Дмитрия Самозванца. Пушкин, в противовес Карамзину (в представлении которого Самозванец осуществлял волю бога), рисует его как поверхностного, легкомысленного карьериста, являвшегося лишь «предлогом раздоров и войны». Каждый из других образов трагедии представляет собой шедевр реалистического письма: своеобразными, жизненно непосредственными, по-своему неповторимыми являются образы Марины, Шуйского, летописца Пимена, Гаврилы Пушкина, Мисаила и Варлаама.

Жуковский, зная о работе Пушкина над «Борисом Годуновым», требовал от него произведения в «благонамеренном» духе, которое помогло бы исправить «светлым будущим все темное прошедшее» и освободиться от ссылки. Однако советы Жуковского Пушкин отверг и по этому по-

воду писал Вяземскому: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию, навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого — торчат!»

«Борис Годунов» был закончен Пушкиным 7 ноября 1825 года, почти через год после окончания поэмы «Цыганы». Быстрота творческого развития Пушкина является беспримерной в истории мировой литературы. Сам Пушкин считал «Бориса Годунова» важнейшей вехой на своем пути.

Художественные принципы, выработанные Пушкиным в период создания «Бориса Годунова», во многом определили дальнейшую его работу над всеми жанрами: лирикой, поэмами, прозой. Стремление к строгому историзму, к воспроизведению человеческих переживаний во всем их многообразии, к раскрытию сущности явлений, глубокое изображение типических характеров, действующих в типических обстоятельствах, — все это отныне определяет творческую деятельность Пушкина.

Новый поворот Пушкина — от романтизма к реализму — стал известен публике по первой главе «Евгения Онегина», появившейся в 1825 году. Смысл этого поворота не был понят современниками. Даже А. Бестужев и Рылеев признали «Онегина» ниже пушкинских романтических поэм. Между тем реалистическое новаторство Пушкина имело громадное историческое значение. Достоянием искусства становились

обыденные люди с их мыслями и чувствами, окружающий быт поднимался поэтом до уровня подлинной поэзии. Вскоре после окончания «Бориса Годунова», в декабре 1825 года Пушкин написал стихотворную повесть «Граф Нулин» с шуточным сюжетом и с намеренным обращением к описанию картин «низкой природы» и быта. «Граф Нулин» появился в печати в 1828 году и вызвал резкие нападки «Вестника Европы» (статья Надеждина), осудившего повесть за «ничтожность предмета», избранного автором. Между тем поэма имела не только невинное задание — вышутить неудачную любовную попытку молодого повесы. Граф Нулин (ничтожество которого подчеркивается самой фамилией — от слова «нуль») — это злая карикатура на аристократию, которой было чуждо все русское и милы только иноземные нравы. С едкой сатирической насмешкой говорит Пушкин о Нулине, который

Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в ее снегах,
Жалеет о Париже страх. . .

В образе Нулина узнавали себя многие враги Пушкина, ненавидевшие яркий национально-самобытный характер его творчества.

В своей лирике 20-х годов Пушкин продолжал разрабатывать тему вольнолюбивого героя. Верность традициям, восходящим ко времени войны 1812 года и лицея, была подтверждена Пушки-

ным в его стихотворении «19 октября 1825 г.». О силе пушкинского оптимизма в особенности свидетельствует написанная одиноким поэтом в михайловской ссылке «Вакхическая песня» с ее победно звучащим призывом:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

v

После поражения декабрьского восстания Николай I жестоко расправился с его участниками. Главные деятели движения — Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский — были повешены, 120 человек сосланы в Сибирь на каторгу. Правительство Николая I, не получив данных о непосредственном участии Пушкина в тайном обществе, решило обезоружить его иным путем. Царь вернул Пушкина из ссылки. В сопровождении жандарма поэт был привезен в Москву и доставлен во дворец. По словам современника, Николай I спросил у Пушкина: «Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге?» — «Стал бы в ряды мятежников», — отвечал поэт. Хитрый лицемер, Николай I сумел, очевидно, произвести на поэта благоприятное впечатление. От Пушкина

требовали политической «благонадежности». В виде особой «милости» царь обещал ему, что он сам будет цензором его произведений. Смысл этой коварной «милости», которая, как оказалось, еще больше затруднила Пушкину работу, раскрывается в донесении Бенкендорфа Николаю I от 12 июля 1827 года, где о поэте сказано: «...если удастся направить его перо и его речи, в этом будет прямая выгода».

Не зная, разумеется, о планах Николая I и Бенкендорфа, Пушкин готов был, по его собственному выражению, «уславливаться» с правительством. С устранением декабристов с политической арены исчезла та общественная сила, на которую он мог рассчитывать и которой помогал словом поэта. Тяжело переживал он неудачу восстания и глубоко скорбел о судьбе декабристов, среди которых было много его друзей и знакомых. «Повешенные повешены, — писал он, — но каторга ста двадцати друзей, братьев, товарищей ужасна». Понимая, что самодержавие победило, Пушкин, однако, не отказался от своих убеждений.

В годы жестокой реакции и общественного индифферентизма Пушкин не видел иных путей, кроме воздействия словом писателя на общественное мнение. Вместе с тем он попытался склонить Николая I на путь реформ. Подобного рода попытки русских писателей и общественных деятелей влиять на царей были известны в прошлом, особенно в первые годы александровского царствования. Эти попытки отражали сла-

бые стороны дворянской оппозиционности и никакого успеха, конечно, не имели. Теперь Пушкин, обманутый лицемерно-обнадеживающим отношением царя, решил повлиять на него в таком же направлении. Ходившие в то время слухи о задуманных правительством реформах убеждали поэта в правильности занятых им позиций. О предстоящих преобразованиях Николай I говорил Пушкину во время свидания с ним.

Попытка Пушкина воздействовать на царя нашла выражение в стихотворении «Стансы» («В надежде славы и добра...»), в котором великая преобразовательная деятельность Петра I ставилась в пример Николаю I. В конце «Стансов» указывалось, что новый царь, подобно Петру, должен быть «памятью незлобен» (намек на необходимость смягчения участи осужденных декабристов).

Но «Стансы», не оправдав надежд поэта, в то же время вызвали среди различных кругов русского общества разговоры о «лести» Пушкина царю, об отступлении поэта от своих идеалов. На эту тему распространилась клеветническая эпиграмма. Ответом на обвинения в лести явилось стихотворение «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...»). Попытка Пушкина «договориться» с Николаем I была ошибочной. Надежды на реформаторскую деятельность царя оказались тщетными, и иллюзии Пушкина, отразившиеся и в «Стансах» и в стихотворении «Друзьям», вскоре рассеялись. В «Стансах» поэт мечтал о том,

что Николай может быть схожим с «вечным работником» на троне — Петром I. А в дневнике 1834 года, который Пушкин писал как «историк строгий», былые иллюзии поэта опровергаются иронической формулировкой: «В нем много от прапорщика и немножко от Петра Великого». Но и слова «немножко от Петра Великого» были излишними.

Пытаясь повлиять на судьбы политического развития России в рамках легальности, Пушкин не переставал ощущать идейную связь с декабристами. В 1827 году он создал одно из популярнейших произведений русской революционной поэзии — послание в Сибирь и переслал его со сланным на каторгу декабристам через жену декабриста Н. М. Муравьева. Это послание явилось своего рода символической перекличкой между ссыльными декабристами и лучшими людьми, оставшимися верными передовым идеям 20-х годов. Пушкин выразил в этом стихотворении верность передового русского общества идеям свободы, уверенность в конечном торжестве дела декабристов:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Послание Пушкина вызвало ответное стихотворение поэта-декабриста А. И. Одоевского («Струн вещей пламенные звуки»). Пророческое предсказание поэта-декабриста: «Из искры возгорится пламя» стало лозунгом для последующих

поколений русского революционного движения. Эти слова были взяты в качестве эпиграфа для ленинской «Искры».

Стихотворение Пушкина «Арион», так же как и послание в Сибирь, явилось своеобразной декларацией верности поэта освободительным идеалам («Я гимны прежние пою...»). Мотивы близости поэта к декабристам, его кровной заинтересованности в их судьбе проходят и в ряде других стихотворений. В послании декабристу И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный») Пушкин вспоминает проезд к нему Пущина в Михайловское в 1825 году. В написанном к лицейской годовщине стихотворении «19 октября 1827 г.» вспоминаются друзья, находившиеся на каторге — «в мрачных пропастях земли».

Тема декабризма проходит также в десятой главе «Евгения Онегина». Пушкин набросал здесь широкую картину деятельности тайных обществ, начиная от «вольных разговоров» и кончая решительными действиями, вплоть до замыслов цареубийства. В одной из строф десятой главы Пушкин вспоминает о том, как он читал «свои ноэли» на декабристских сходках. Это воспоминание подтверждается только теперь обнаруженным показанием из следственного дела декабриста И. Н. Горсткина, который указал на то, что Пушкин «читывал свои стихи» на сходках членов «Союза Благоденствия» у Ильи Долгорукова.

В лирике Пушкина последекабрьского периода

отчетливо отразилось тяжелое положение поэта, оставшегося в социальном одиночестве, вынужденного жить в атмосфере постоянной подозрительности, под контролем царя и III отделения. Эти настроения проскальзывают в ряде стихотворений конца 20-х годов, окрашивают трагизмом даже такие интимные стихотворения, как, например, «Ек. Н. Ушаковой», с неожиданной концовкой:

Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

При всей, казалось бы, необоснованности этой концовки, все же она не была случайна. Через два года, в 1829 году, Пушкин почти дословно повторяет ее в четверостишии, посвященном А. П. Керн («Когда помилует нас бог...»). Тяжелое самочувствие Пушкина раскрывается в посланиях к друзьям. В одном из таких посланий, обращенном к Н. Языкову, тогда остро переживавшему события 1825 года, характерно признание о «неволе невских берегов», к которым «хоть не от охоты» остался «прикованным» поэт. Отчаяние Пушкина достигло высшей степени в 1828 году в связи с привлечением его к секретному следствию по делу об атеистической поэме «Гавриилиада». «Ты зовешь меня в Пензу, — писал он Вяземскому в сентябре этого года, — а того и гляди, что поеду я далее, прямо, прямо на восток». Настроения Пушкина в это вре-

мя нашли наиболее яркое отражение в стихотворении «Предчувствие»:

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Одним из наиболее трагических является стихотворение этого цикла «В степи мирской, печальной и безбрежной». Здесь симпатии поэта принадлежат не «быстрому и мятежному» ключу юности и не Кастаньскому ключу поэзии, а холодному ключу забвения: «Он слаще всех жар сердца утолит». Однако, как заметил еще Белинский, Пушкин видел выход из диссонансов жизни не в заоблачных мечтаниях, а «в опирающейся на самсе себя силе духа». Дикий реакционный режим николаевской России все же не мог задушить Пушкина, не смог побороть его воли к сопротивлению, его свободолюбия. Противоречия действительности Пушкин преодолевал благодаря историческому оптимизму, глубокому пониманию непрерывности исторического прогресса и, прежде всего, благодаря вере в могучие силы русского народа и в будущее родины. Именно поэтому в эти же годы он создает жизнеутверждающие произведения: «Каков я прежде был, таков и ныне я», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», элегию «Безумных лет угасшее веселье» с ее характерным лирическим признанием: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». В этом же

плане активного жизнеутверждения Пушкин разрабатывает даже и тему смерти: трагизм смерти преодолевается идеями непрерывности развития, преемственности поколений.

Исторический оптимизм Пушкина, его жизненная стойкость — типическая черта русского национального характера — особенно вырисовываются на фоне личной биографии поэта, полной тягчайших испытаний.

Уже во второй половине 20-х годов он очутился во враждебном кольце, оказался в изоляции. После возвращения Пушкина из ссылки Николай I и Бенкендорф усилили наблюдение за ним и цензурный контроль над его произведениями. В 1826 году Николай I запретил печатание «Бориса Годунова», издевательски предложив поэту переделать трагедию в «исторический роман наподобие Вальтер Скотта». В 1827—1828 годах против Пушкина возбуждаются политические процессы о стихотворении «Андрей Шенье» и поэме «Гавриилиада», кончившиеся установлением над ним секретного политического надзора. Ему отказывают в поездке на Кавказ, в действующую армию (где служили рядовыми некоторые из декабристов, его близкие знакомые). В 1829 году он, вопреки запрету, едет туда и сопровождает русскую армию в Эрзерум, но по возвращении в Петербург Бенкендорф делает ему строгое внушение. Репутация политической «неблагонадежности» препятствует осуществлению всех планов Пушкина. Из-за этой репутации он получил согласие Гончаровых на брак с Натальей Нико-

лаевой только в апреле 1830 года, после второго предложения (первое было сделано в мае 1829 года). При этом он был вынужден обратиться к Бенкендорфу с просьбой выяснить его «ложное и сомнительное положение», т. е. дать ему политическую характеристику. Эту характеристику он получил: Бенкендорф полагал, что женитьба «остепенит» поэта, никак не желавшего отказаться от своих «независимых позиций». В качестве милости ему было разрешено напечатать наконец «Бориса Годунова».

Политические преследования, которым подвергался Пушкин после возвращения из ссылки, дополнялись травлей со стороны реакционной критики, отвергавшей, а зачастую грубо бранившей его наиболее зрелые произведения — «Полтаву», «Евгения Онегина» и другие. В ответ на враждебные нападки светской и журнальной черни Пушкин написал в 1827—1830 годах ряд стихотворений, в которых отстаивал независимость искусства от вкусов и требований «толпы» («Чернь»,¹ «Поэт», «Поэту» и др.).

Позднее (и особенно в 50—60-х годах) консервативные литературные круги пытались тенденциозно истолковать стихотворения «Чернь», «Поэту» и др. для обоснования реакционной теории «искусство для искусства». Но ни эти стихотворения, ни творчество Пушкина в целом не дают для этого никаких оснований. Поэзию;

¹ Пушкин впоследствии озаглавил это стихотворение «Поэт и толпа».

далекую от жизни, от интересов народа, он всегда отвергал. Точно так же он не соглашался признать какую бы то ни было ценность за произведениями поэтов, видевших цель искусства в формальной изощренности. И если Пушкин в сонете «Поэту» восклицал:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум...

то этими словами он выражал свое презрение к «светской черни», а вовсе не преданность равнодушному к действительности «искусству для искусства». Выступая против реакционной тенденциозности литераторов, требовавших от поэтов восхваления гнусной николаевской действительности, он отказывался служить «толпе», «черни», «бессмысленному народу», т. е. правящей верхушке и царским холопам.

Насколько чуждыми были Пушкину идеи «чистого искусства», свидетельствует прежде всего его творчество того же периода, к которому относится цикл произведений на тему о «поэте» и «толпе». Достаточно вспомнить взгляды Пушкина на роль поэта как гражданина-обличителя (выраженные, например, в стихотворной декларации «О муза пламенной сатиры!..»).

Ко второй половине 20-х годов и к 30-м годам относится расцвет пушкинского реализма во всех жанрах — в поэмах («Полтава», «Домик в Коломне», «Медный Всадник»), в драмах («малень-

кие трагедии», замысел «Сцен из рыцарских времен»), в прозе («Повести Белкина», «Капитанская дочка», «Пиковая дама» и др.). Лирика Пушкина также достигает в эти годы высочайшей степени художественного реализма. Значительно расширяется тематический круг его поэзии, укрепляются связи с народным творчеством. В годы 1826—1836 им созданы такие шедевры, как послание в Сибирь, «К вельможе», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Полководец», как великолепные по реалистической трактовке темы стихотворения «Румяный критик мой», «Утопленник», «Бесы», «Анчар», цикл «Песен западных славян», как исключительные по своей эмоциональной насыщенности лирические миниатюры — «Для берегов отчизны дальней», «Не пой, красавица, при мне», «Безумных лет угасшее веселье» и др.

Защищая идею независимости искусства от «толпы», отказываясь преподавать «уроки» светской черни, Пушкин в то же время не прекращал работы над сатирическими произведениями. К ним относится одно из лучших стихотворений Пушкина «Румяный критик мой» (1830), во многом предвосхитившее стиль и мотивы революционно-демократической лирики Некрасова. Из сатирических «вольнолюбивых» (в прямом смысле этого слова) стихотворений Пушкина этого времени известна эпиграмма 1829 года «К бюсту завоевателя», задуманная как надпись к бюсту Александра I работы скульптора Торвальдсена. Ряд других эпиграмм и сатирических

стихотворений направлен против литераторов, с которыми Пушкин вел борьбу: Каченовского, Булгарина и других.

Из всего этого следует, что после крушения декабрьского восстания Пушкин не отказался от основных своих принципов. Он продолжал развивать и отстаивать их на новом историческом этапе, в новых условиях.

VI

Вторая половина 20-х годов была ознаменована для Пушкина новым шагом в области реформирования русской литературы — его обращением к художественной прозе.

Создание прозы, отвечающей по своим литературным и идейным заданиям потребностям русского общества, Пушкин считал важнейшей политической задачей. В сравнении с поэзией проза давала несравненно больше возможностей для выработки единого литературного языка, понятного различным слоям общества, языка точного, свободного от салонной условности, основанного на богатейших источниках народной речи. В наброске «О прозе» (1822) Пушкин указал, что «точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат...»

Демократизм, народность, изображение героев без приукрашивания и тенденциозного искажения, воспроизведение нравов и языка изображае-

мой эпохи — вот требования, которые Пушкин выдвигал перед прозаиками.

Первым опытом романа явился для Пушкина «Арап Петра Великого» (начат в 1827 г.). В шести написанных главах романа изображена та ломка старого общественного уклада, которую осуществлял Петр.

Теме Петра посвящена и поэма «Полтава», написанная в течение первой половины октября 1828 года. «Полтава» посвящена той поре,

Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

Выбор темы был так мотивирован Пушкиным в предисловии к поэме: «Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага, утвердила русское владычество на юге, обеспечила новые заведения на севере и доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем». В творчестве Пушкина «Полтава» явилась новым типом поэмы, отличавшимся от его произведений романтического периода. В ней нет ни лирических отступлений, ни отрывочности построения. «Полтава» представляет собой эпическую поэму с исключительной широтой истолкования образов, в ней нет ничего от «героических» поэм в духе классицизма. В «Полтаве» вскрывается лживость Мазепы,

оправдывающего свое предательство якобы защитой «вольности» Украины. И в самом факте измены Петру, и в отношениях с Кочубеем и Марией показаны двуличие и коварство гетмана. В образе Мазепы, названного в поэме «Иудой», Пушкин заклеил предательство с позиций высокого гуманизма и патриотизма.

Мазепе противопоставлен в поэме Петр. В эпилоге поэмы эти два героя олицетворяют совершенно противоположные типы поведения, практически приводящие к противоположным результатам. Мазепа осужден историей и забыт с «давних пор», в то время как «герой Полтавы» воздвиг «огромный памятник себе». В эпилоге кратко выражена глубокая философская идея поэмы. Исторически ценными, заслуживающими благодарность потомства оказываются лишь действия, преследующие благо родины, способствующие историческому прогрессу, свободные от каких бы то ни было корыстных эгоистических побуждений. Этому замыслу соответствуют принципы развития образов Мазепы и Петра. Образ Мазепы складывается в поэме из всей суммы его личных переживаний и мелких расчетов. Петр изображен как символ могущества России, ее военной славы, воплощение поступательного движения истории.

В течение всей второй половины 20-х годов Пушкин продолжал работу над своим романом в стихах «Евгений Онегин». Роман, начатый еще в кишиневской ссылке, был закончен в Болдине осенью 1830 года (получившей в пушкиноведении название «болдинской осени»).

Болдинская осень была ознаменована для Пушкина большой творческой продуктивностью: тогда были написаны «Повести Белкина», «маленькие трагедии» («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы»), «Домик в Коломне», неоконченная «История села Горюхина» и около 30 стихотворений. Но наибольшее удовлетворение принесло Пушкину завершение «Евгения Онегина». Этому событию своей жизни он посвятил стихотворение «Труд» («Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний...»).

В первые годы работы над романом «Евгений Онегин» Пушкин «еще неясно различал», к какому концу должна привести логика тематических и сюжетных линий, преследуя лишь цель правдивого рассказа. На протяжении восьми лет замысел претерпевал различного рода изменения. Эти изменения касались как сюжета (например, по одному из вариантов Онегин влюбился в Татьяну после первой встречи), так и общего направления романа. В письмах к друзьям он признавался, что «захлебывается желчью», и высказывал предположение, что цензура роман не пропустит. Однако в дальнейшем он предпочел более спокойный, эпический тон повествования, сочетаемый с целым рядом лирических отступлений. Принятому Пушкиным тону непринужденного рассказа соответствовала изобретенная им особая строфа в 14 стихов, дающая большой простор для всякого рода лирических отступлений и побочных движений сюжета. Оставаясь в пределах

цензурности, «Евгений Онегин» тем не менее является идеологически острым произведением, глубоко раскрывающим противоречия русской действительности. В процессе работы над романом у Пушкина часто прорывалось стремление дать волю перу: черновики рукописей отражают тщательную обработку ряда мест, цензурно неприемлемых.

Первое полное издание «Евгения Онегина» вышло в 1833 году. Много лет спустя И. А. Гончаров вспоминал: «Я узнал его (Пушкина. — Б. М.) с «Онегина», который выходил тогда... отдельными главами. Боже мой, какой свет, какая волшебная даль открылась вдруг — и какие струи правды и поэзии и вообще жизни, притом современной, понятной, хлынули из этого источника, и с каким блеском, в каких звуках!»

В своих знаменитых статьях о Пушкине, написанных в 1843—1846 годах, Белинский писал по поводу «Евгения Онегина»: «Онегина» можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением...», «Евгений Онегин» был «актом сознания для русского общества, почти первым, но зато каким великим шагом вперед для него!..» По широте охвата русской действительности первых десятилетий XIX века «Евгений Онегин» представляет собой явление исключительное. На фоне столичной и провинциальной жизни в романе представлена целая галерея типических образов. Образами и отдельными деталями романа может восполь-

зоваться для характеристики эпохи и историк, и экономист, и исследователь русского быта. Маркс высоко ценил «Евгения Онегина». Этот роман находился в числе книг, по которым он учился русскому языку.

Народность «Евгения Онегина» заключается в критическом изображении жизни, в постановке перед читателем острейших проблем современности. Уже в «Цыганах» Пушкин показал зависимость психологии своего героя от окружающего общества, осудил индивидуализм Алеко, воспитанный «неволей душевных городов». В «Евгении Онегине» с глубоким проникновением вскрыта социальная обусловленность взглядов, психологии, поведения героев. Показывая превосходство Онегина и Ленского над окружающей их средой, Пушкин изображает также их неполноценность, плод влияния той же среды. Судьба героев романа — гибель Ленского, душевная опустошенность Онегина, трагическое одиночество Татьяны, вынужденной примириться с «постылой жизни мишурой», — является приговором светскому обществу, которое терпит лишь людей посредственных, исполненных самолюбивой ничтожности. С едким сарказмом изображена в романе жизнь русского среднего и высшего дворянства. Бесцветной и пошлой предстает перед читателем жизнь провинциальных помещиков Пустяковых, Гвоздиных, Скотининых, героев фонвизинского «Недоросля». Но с еще большей ненавистью изображен поэтом высший свет с «необходимыми» глупцами, клеветниками, чопор-

ными «бальными диктаторами». На протяжении всего романа Пушкин показал, как эта общественная среда калечила лучшие, одаренные натуры, порывавшиеся освободиться из-под ее растлевающего влияния, как она превращала человеческое существование в унылый, не позволяющий никаких отклонений обряд. Легкая ирония лирических отступлений сменяется скорбной интонацией, когда поэт говорит о жизни, в которой «свежие мечтанья» истлевают, «как листья осенью гнилой». Обличительный пафос доходит до высшего напряжения в последних строках шестой главы, где изображается «омут» светской жизни.

В этом омуте находились и герои романа — Онегин, Ленский, Татьяна. В образе Онегина Пушкин показал двойственность мироощущения типичного для этой эпохи дворянского интеллигента. Человек высокой интеллектуальной культуры, враждебно относившийся к пошлости и лжи окружающей его среды, Онегин в то же время носит в себе характерные черты этой среды. Индивидуализм Онегина и те элементы его психологии, которые обобщены в формуле Пушкина «модный тиран», обусловлены теми же самыми общественными условиями, которым он, казалось бы, внутренне чужд. Роковая власть светских обычаев и нравов заставила Онегина принять вызов своего приятеля, ибо для Онегина, несмотря на весь его скептицизм, решающим явилось все же мнение таких людей, как сплетник Зарецкий:

И вот общественное мненье!
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!

Онегин как человек, самостоятельно мыслящий и критически относящийся к окружающей действительности, казалось бы, не мог остаться в стороне от политических проблем, волновавших передовую дворянскую молодежь. Несмотря на цензурные зашифровки, мы можем догадываться о содержании споров между Онегиным и Ленским: это были споры о религии («предрассудки вековые»), об «общественном договоре» («племен минувших договоры»), о политических преобразованиях, рассматривавшихся просветителями как результат прогресса культуры («плоды наук»). В одном месте (строфа XXXVII первой главы) имеется намек на бывшие политические интересы Онегина. Однако борцом-гражданином он не стал. Причина его общественного скептицизма прежде всего в окружающей среде. Онегин, наученный опытом, знал, что вольнолюбие в этой среде часто оказывается попросту пустой фразой (в рукописи об этом сказано: «Одни условные слова»), не верил он и дружбе.

Итак, скептицизм Онегина имел общественные причины. Скептицизм этот носил узкоиндивидуалистический характер и принял форму той «хандры», того «равнодушия к жизни», которое Пушкин, по его признанию, думал показать еще в образе «Кавказского пленника». Недаром о равнодушии говорится и в эпиграфе к «Евгению

Онегину». Это «равнодушие», культивированное Онегиным в течение многих лет, привело к полному опустошению его внутреннего мира. Лишний человек в обществе, «чужой для всех», он начинает своим существованием тяготить и самого себя. Для него, гордого в своем «равнодушии», не было дела, он «ничем заняться не умел». В отсутствии какой-либо «цели» или «труда», делающего жизнь осмысленной, — причина внутренней опустошенности, тоски Онегина, с таким блеском раскрытой в его размышлениях о своей судьбе в отрывках из «Путешествия» («Зачем я пулей в грудь не ранен» и т. д.).

Всесторонне раскрыто Пушкиным мироощущение другого, типичного для этого времени героя — романтика Ленского. В образе Ленского привлекательна та свежесть романтической мечтательности, которую в ранней юности пережил и сам Пушкин. С мягкой иронией Пушкин показал, однако, что свойственное Ленскому восприятие действительности вне ее конкретности и противоречивости, вера в «совершенство мира» были детски наивными. Как оказывается, Ленский «сердцем милый был невежда». При всей привлекательности Ленского, горячо преданного вольнолюбивым мечтам и трогательного в своей наивной восторженности, ложность его романтико-идеалистического взгляда на мир становится очевидной. В романе трезво намечены пути, по которым мог бы пойти Ленский. Первый путь — путь самоотвержения «для блага мира». В пропущенной и не дошедшей полностью до нас

XXXVIII строфе шестой главы Пушкин уточняет свою мысль: Ленский мог быть повешен, как Рылеев. Но могло случиться и другое. Может быть, «поэта обыкновенный ждал удел», и, с годами утратив «пыл души», он

Расстался б с музами, женился,
...Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел...

Таким образом, ни скептически-холодное мироощущение Онегина, лишенное активного жизнеутверждающего начала, ни романтический идеализм Ленского не могут указать выхода из мира лжи, лицемерия, пустоты, в котором находятся герои романа. Но широкое и правдивое изображение этого мира и судьбы попадающих в сферу его влияния людей с неумолимой логикой подсказывало единственно возможный вывод: «Человек рождается не на зло, а на добро, не на преступление, а на разумное законное наслаждение благами бытия, его стремления справедливы, инстинкты благородны. Зло скрывается не в человеке, но в обществе...» (Белинский). В этом заключается и гуманизм романа и народность его. «Евгений Онегин» будил сознание читателей благородством идей и глубоким художественным раскрытием противоречий действительности, направляя мысль к поискам путей освобождения от всякого рабства — морального и политического.

Положительный идеал романа намечен в образе Татьяны, замечательной русской женщины

«Татьяны милый идеал» принадлежит к числу наиболее поэтических женских образов, созданных классиками русской литературы. Живущая в той же среде, что и Онегин, и, однако, далекая от этой среды по всем своим мыслям и чувствам, Татьяна противопоставлена в романе не только Онегину, но и Ольге — рядовой провинциальной девушке с ограниченным кругозором.

Пушкин выделяет в образе Татьяны те черты, которые определяются словами «русская душою». Общение с крестьянскими девушками, любовь к няне, которая для Татьяны ближе всех в семье, живое восприятие русского фольклора — все это подводит к пониманию чисто народных особенностей психологии Татьяны: ее простоты, непосредственности, высокой моральной чистоты, враждебности к малейшим проявлениям фальши. Эти черты проявились с исключительной яркостью, когда Татьяна, выйдя замуж за князя, была вынуждена вести светскую жизнь.

Развитие образа Татьяны становится ясным при сопоставлении двух эпизодов романа: письма к Онегину (глава III) и монолога Татьяны (глава VIII). В письме Татьяна признавалась, что для нее Онегин — идеал любимого человека, что только он может понять ее. На страстное и смятенное письмо Татьяны Онегин ответил нравоучительной речью, он объяснил причины своего презрения к «розам Гименея», но остался равнодушным к ее внутреннему миру. Татьяна, еще до отъезда из деревни заподозрившая в Онегине «москвича в Гарольдовом плаще», дает в своем

монологе объективную характеристику Онегина. Не отрицая в нем ни «гордости», ни «прямой чести», она отвергает его запоздалую любовь. Татьяна осталась внутренне чуждой «постылой жизни мишуре», она готова отдать великосветский блеск, «ветошь маскарада», за «полку книг, за дикий сад», за прежнюю простую жизнь. Татьяна продолжает любить Онегина, но в ее глазах он уже не тот человек, о котором она мечтала.

«Евгений Онегин» — это роман без конца. Дальнейшая судьба героя остается неизвестной, но эта незавершенность произведения не является случайной: как отметил Белинский, «...есть романы, в которых мысль в том и заключается, что в них нет конца, потому что в действительности бывают события без развязки, существования без цели, существа неопределенные...» Решение поставленной в «Евгении Онегине» проблемы не могло быть дано в рамках этого романа. Да и самому Пушкину пути преодоления противоречий, изображенных в романе, еще не были ясны. Декабристское движение потерпело поражение, а новые силы, которым предстояло перестроить всю систему общественных отношений, еще не созрели.

Несмотря на трагический исход судьбы героев «Евгения Онегина», самый тон романа является жизнеутверждающим. Лирические отступления проникнуты романтической взволнованностью, верой в возможность иного, лучшего будущего; голос самого автора, отчетливо звучащий в романе,

придает этому произведению особую эмоциональную приподнятость.

До нас дошли отрывки десятой главы «Евгения Онегина». Десятая глава посвящена характеристике движения декабристов, в круг которых попадает Онегин. Повидимому, она содержала широкую панораму общественно-политической жизни России со времени войны 1812 года и до восстания декабристов включительно. Однако, опасаясь полицейских преследований, Пушкин осенью 1830 года сжег написанные им части главы (возможно, впрочем, что она была написана целиком). Сохранились лишь зашифрованные фрагменты. Однако и эти отрывки свидетельствуют об остром политическом содержании уничтоженной главы.

Отказавшись от продолжения «Евгения Онегина», Пушкин в заключительных скорбных стихах вспомнил о своих друзьях-декабристах, которым он читал первые строфы романа:

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
...О много, много рок отъял!

VII

В «Евгении Онегине» отразилось развитие самого Пушкина. Его «резвая муза» стала строже.

Другие дни, другие сны...

Содержание его творчества непрерывно расширялось. Проблемы исторического прогресса, реалистическое изображение разнообразных социальных и психологических типов, размышления о судьбе народной сменили воспевавшиеся им в юности

Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безымянные страданья.

Вслед за окончанием «Евгения Онегина», в ту же болдинскую осень 1830 года Пушкиным была написана поэма «Домик в Коломне», имевшая значение творческой декларации. Нарочито упрощенный сюжет поэмы, изображение в ней тех самых «ничтожных предметов», за которые брали Пушкина Надеждин и Булгарин, — все это являлось вызовом реакционной критике. Полемический замысел поэмы полностью обнаруживается в наброске ранней редакции, где Пушкин высмеивает предъявленные ему критикой упреки в «бесцелье» его поэзии и требования писать официозные стихи.

«Домик в Коломне» был написан в одно время с «Повестями Белкина», в которых Пушкин выступил родоначальником русской реалистической новеллы. По тончайшему мастерству сюжетного построения, по насыщенной глубоким идейным содержанием лаконичности стиля, по ясности и простоте языка эти повести не имели равных в русской литературе. По словам Л. Толстого, «их надо изучать и изучать каждому писателю».

Пушкин объединил повести общим заголовком, но каждая из них своеобразна по своему построению и замыслу. В «Метели» и в «Барышне-крестьянке» реалистические принципы утверждаются наряду с пародированием сюжетов и образов салонной сентиментально-романтической литературы.

В «Станционном смотрителе» изображены картины социального неравенства, узаконенного всем общественным строем.

Начало 30-х годов было отмечено в творчестве Пушкина не только усиленным вниманием к работе над прозой. Несмотря на то, что «Борис Годунов» по условиям времени не привел к реформе русского театра, Пушкин не оставлял мысли о создании народной драмы, посвященной «судьбе человеческой, судьбе народной». На пути к задуманной Пушкиным серии монументальных драматических произведений (в числе них остались неоконченные «Сцены из рыцарских времен») «маленькие трагедии» были своеобразной подготовкой. В системе немногих сцен Пушкин стремился дать в каждой из этих пьес типичский образ героя, наделенного противоречивыми человеческими страстями. Психологическое «разнообразие» характеров соединено здесь с глубоким философским содержанием.

В «Скупом рыцаре» глубоко раскрыта власть денег.

В «Моцарте и Сальери» ставятся проблемы художественного творчества и изображена другая человеческая страсть — зависть. В основу сюжета

положена легенда о том, что Сальери отравил Моцарта. В образе Моцарта дан тип «непосредственной гениальности, которая проявляет себя без усилия, без расчета на успех, нисколько не подозревая своего величия» (Белинский). Иной тип артиста представлен Сальери: он родился с любовью к искусству, сознательно достигал славы, но превратился в ремесленника. Некоторые психологические черты сближают Сальери с образом Скупого: оба они поэтически обожают предмет своей страсти и оба совершают преступления для того, чтобы достигнуть своих эгоистических целей. Сальери осужден самой логикой развития сюжета. Кристально чистый, поэтически возвышенный образ гениального Моцарта является резкой противоположностью Сальери. Сама трактовка образа Моцарта подсказывает отрицательный ответ на поставленный здесь вопрос о совместимости гения и злодейства.

Третья из «маленьких трагедий» — «Каменный гость» — посвящена одному из наиболее популярных образов мировой литературы — Дон-Жуану. На фоне многих произведений о Дон-Жуане Пушкин выделяется своей оригинальностью. Пушкин соединил в этом образе черты и расудительного обманщика-обольстителя и поэта подлинной страсти, человека, готового не раздумывая жертвовать жизнью за свою любовь.

Четвертая «маленькая трагедия» — «Пир во время чумы» — является (как указано Пушкиным в подзаголовке) переводом сцены из «Чумного

города» английского драматурга Вильсона. Работая над переводом, Пушкин, однако, изменил общую тональность произведения Вильсона. Идея «упоения на краю бездны» в трактовке Пушкина решительно отличается от вильсоновской. У Вильсона Председатель стремится рассеять страх перед смертью вялыми рассуждениями. У Пушкина же в гимне Председателя поэтизируются мужественность, бесстрашие «на краю бездны», преодоление смертельного ужаса собственной волей. Кроме того, Пушкин тщательно очищал текст своего перевода от мотивов мистицизма и патологии, свойственных «Чумному городу».

VIII

Мировоззрение Пушкина в 30-е годы испытывает существенные изменения. Прежде всего следует отметить углубление пушкинских взглядов на ход исторических событий, рост тенденций к дальнейшему преодолению слабых сторон просветительства. В мировоззрении и творчестве Пушкина все более укрепляется идея непрерывности и закономерности общественного развития. Он постепенно начинает осознавать, что в ходе истории сказываются многие объективные причины. Конечно, осознать движущие силы исторического процесса он в то время не мог: ответ на этот вопрос передовая русская общественная мысль получила много позднее. Но тем не менее характерно, что просветительская философия

истории в 30-е годы Пушкина уже не удовлетворяла. К этому же времени относятся его размышления над сущностью политического строя (как говорил Пушкин, «нового просвещения») стран Запада. Изучение материалов по истории Западной Европы (он внимательно следил за иностранной прессой) укрепило в нем критическое отношение к Америке и Англии. Пушкин был убежден в том, что феодализм являлся отжившей и реакционной системой, но в то же время понимал, что политический строй государств Европы и Америки вовсе не олицетворял собой действительной свободы народа. Резкой критике подверг Пушкин лживо-лицемерный американский демократизм (статья «Джон Теннер», 1836). Пушкин отметил, что внимательное изучение «нравов и постановлений американских» возбуждало снова вопросы, «которые полагали давно уже решенными». Подавление всего благородного, бескорыстного, возвышающего человеческую душу «неумолимым эгоизмом и страстию к доволъству», «рабство негров», «родословные гонения в народе» — все эти черты американского политического строя заставляли Пушкина признать, что действительной свободы и действительного равенства там не существует.

Пушкин понимал, что и в буржуазных государствах антагонизм между правительством и народом не исчезает: «В Англии правительство только тогда и показывается народу, когда приходит оно стучаться под окнами, собирая подати. Во

Франции — когда выводит оно свои пушки против площадного мятежа». Не прошло мимо внимания Пушкина и положение пролетариата на Западе. «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство, с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию...» («Путешествие из Москвы в Петербург»).

Гибель Пушкина оборвала кристаллизацию его политических взглядов. Он не оставил определенного ответа на вопрос о путях преобразования России: этот ответ тогда не мог быть дан в силу исторических условий. Но на основании творчества Пушкина последних лет можно сделать вывод, что путь капиталистического развития не казался ему выходом из противоречий российской действительности. Пушкинский идеал свободы исключал как феодальную, так и буржуазную систему угнетения, социального нера-

венства, господства меньшинства над большинством.

В оценках деятельности исторических личностей он выделял главные и существенные черты. Так, в «Материалах для Истории Петра Великого» Пушкин писал: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или, по крайней мере, для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика». Но прогрессивная деятельность Петра, направленная к укреплению русского государства, перекрывала для Пушкина черты «нетерпеливого самовластного помещика».

Пушкинская философия истории нашла вершинное воплощение в поэме «Медный Всадник» (1833). Проблематика «Медного Всадника» многообразна: созидательное и «тираническое» начала в деле Петра, взаимоотношения государственных и личных интересов, неизбежность жертв в процессе поступательного движения истории — таково философское содержание поэмы. Эти проблемы разрешены Пушкиным в двух планах. Петр изображен как «мощный властелин судьбы», как колоссальный исторический деятель, волей и трудом которого выполнена и такая государственная задача огромной важности, как выход России к морю. «Из тьмы лесов, из

топи блат» вырос город «под морем» — «военная столица»; мшистые, топкие берега стали «богатыми пристанями», к которым со всех концов земли стремятся «все флаги». Но в этой же поэме Петр — «кумир на бронзовом коне», «грозный царь», поднявший Россию на дыбы «уздой железной». Воспевая Петра как гигантскую историческую личность, Пушкин выразил в поэме сочувствие «безумцу бедному» Евгению, осмелившемуся грозить тому,

...чьей волей роковой
Под морем город основался...

тому, кто не принимал в расчет судьбы маленьких людей. Государственным идеям Петра, отмечавшего в осуществлении своих созидательных деяний все эгоистические расчеты, противопоставлена ничтожность жизненных целей Евгения. Мечты Евгения так охарактеризованы в отрывке, не вошедшем в окончательный текст поэмы, но находящемся в рукописи:

...я устрою
Себе смиренный уголок,
И в нем Парашу успокою.
Кровать, два стула; щей горшок
Да сам большой... Чего мне боле?

Стихийное бедствие, разрушившее мечты Евгения, пробуждает в нем сомнения в законности существующего на земле порядка:

...или вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

Протест Евгения доходит до столкновения с Петром: он грозит «строителю чудотворному» («Ужо тебе!»), но обращается в бегство и после этого больше никогда не осмеливается подымать на него «смущенных глаз».

В своем прославлении исторического дела Петра Пушкин следовал декабристской патриотической традиции. Этот патриотизм сказался и в политической направленности «Медного Всадника» против сатирического цикла стихотворений А. Мицкевича «Петербург», приложенного к третьей части поэмы «Дядя». Мицкевич утверждал, что Петр — жестокий деспот и что Петербург, возникший на трупах рабов, падет, как «проклятый Вавилон». В поэме Пушкина этому утверждению противопоставлен одически звучащий мотив:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.

«Медный Всадник» — поэма многопланная. Эта многопланность сказалась и в философской обобщенности образов и в самой композиции. Положенный в основу сюжета конфликт развивается в образах Медного Всадника и покоренной, а затем взбунтовавшейся стихии.

С редчайшим художественным совершенством

выдержана в поэме гармоническая взаимосвязь формы и содержания. Тональность поэтической речи и самый ее состав меняются в зависимости от развития темы. Тема Петербурга и Петра дана в духе классической традиции, восходящей к одической поэзии XVIII века с ее торжественным строем. С этой традицией связаны «Вступление» (с типичной для одических произведений об укреплении русского государства схемой — «где прежде... — ныне там») и все места, посвященные прославлению дела Петра, а также военной мощи и славы России. Другой тематической линии поэмы (судьба Евгения) соответствуют обычная повествовательная речь и воспроизведение конкретных деталей быта бедного чиновника. Однако эти два плана даны в тесном единстве, в незаметных переходах одного в другой.

При всем тематическом многообразии «Медного Всадника» основная его тема — социально-политическая. В 1833 году рукопись была представлена Николаю I и возвратилась с его многочисленными пометками. Особо отметил он, как неприемлемую, сцену, где Евгений угрожает памятнику. Пушкин не мог согласиться с замечаниями царя, и поэма увидела свет лишь после смерти поэта, да и то с вынужденными цензурными исправлениями Жуковского.

Новые черты России, типичные для начальной стадии ее капиталистического развития, были чутко отражены Пушкиным в повести «Пиковая дама» (1834). Старая Россия представлена здесь

образом графини, принадлежащей к высшей аристократии, приближенной ко двору. Герой повести — Германн — порожден новой Россией; выходец из мещанства, он отравлен жадой «стяжательства»: «деньги — вот чего алкала его душа».

Образ графини — «уродливого и необходимого украшения зал» — был типичным для аристократических салонов Петербурга. Отрицательная трактовка образов графини и Германна подтверждает, что для Пушкина неприемлемыми были как приверженцы старой, феодально-аристократической России, так и герои грядущего капиталистического века.

Мечтая о светлом будущем России, Пушкин черпал уверенность в великом историческом опыте русской нации, продемонстрировавшей перед всем миром свою творческую мощь. Характерно, в частности, что в 30-е годы Пушкин вновь и вновь обращается к теме 1812 года — этой героической эпопее русского народа. В неоконченном романе «Рославлев» (1831) Пушкин с гордостью говорит о пламенном патриотизме народа, противопоставляя его лжепатриотизму и космополитизму консервативного дворянства. В ряде своих выступлений Пушкин клеймил реакционеров, презиравших все русское и преклонявшихся перед всем иноземным. Так, в статье, обличавшей Булгарина, Пушкин с презрением писал о людях, для которых «где хорошо, там и отечество», для которых «все равно: бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить все русское — были

бы только сыты». Так Пушкин срывал маску с реакционеров, стремившихся принизить культуру и великие возможности России.

IX

Интерес к прошлому, возросший у Пушкина в 30-е годы, отразился не только в его специальных исторических изучениях, но и в художественном творчестве. Этот интерес был вызван стремлением постигнуть характер русского народа, извлечь из прошлого «уроки» для будущего. «Одна только история народа может объяснить истинные требования оного», — писал поэт незадолго до смерти. Хотя Пушкин до конца жизни не освободился от сословных, дворянских предрассудков (в частности защищал особое значение просвещенного родовитого дворянства), симпатии его были на стороне народа. Он видел, что без решения вопроса о народе не может быть осуществлено политическое переустройство государства. Он был убежден, что ликвидация крепостного права является исторической необходимостью, и утверждал еще в 1822 году: «политическая свобода наша неразлучна с освобождением крестьян». В неоконченной «Истории села Горюхина» (1830) картины обездоленной и разоренной крепостной деревни по остроте обличения предвосхищают позднейшие зарисовки Некрасова и Щедрина.

Рост крестьянских волнений в начале 30-х годов (холерные бунты 1830 года, восстания в военных поселениях Новгородской губернии) способ-

ствует возникновению у Пушкина интереса к народным бунтам и восстаниям. Он изучает исторические источники, связанные с крестьянским движением, с пугачевщиной.

Тема крестьянского движения нашла отражение в «Дубровском» (1832—1833), в «Капитанской дочке» (1833—1836) и в «Истории Пугачева» (1833).

В «Капитанской дочке» воспроизведены существеннейшие черты екатерининской монархии, общественные отношения и психология ее современников. Лучшими людьми дворянства оказываются Гринева и Мироновы, ограниченные в своем кругозоре, но проявляющие в минуту опасности стойкость и мужество, в то время как царские чиновники действуют робко и медлительно. В сравнении с оренбургским губернатором, проявившим полное равнодушие к судьбе Гринева и Маши, образ Пугачева — вождя крестьянского восстания — ярко выделяется своими обаятельными чертами.

Пушкинская трактовка крестьянского восстания возникла в итоге внимательного изучения исторических материалов и рассказов современников. Это изучение нашло свое отражение и в его «Истории Пугачева».

Наряду с интересом к темам народных мятежей и восстаний у Пушкина возрастал также интерес к народному творчеству. Во время путешествия он записывал «простонародные» сказки и песни, которые затем использовал в своих произведениях («калмыцкая сказка» и песни в

«Капитанской дочке», песни в «Дубровском», фольклорные мотивы в «Русалке» и т. д.). В 30-е годы Пушкиным написаны его сказки. По словам Горького, Пушкин «не искажал народного творчества в угоду государственной идее «народности», лицемерным тенденциям придворных поэтов, он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу». Пушкин не скрыл, не затушевал, а, напротив, оттенил еще более резко «насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям» («Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о царе Салтане» и др.).

Уделяя в 30-е годы главное внимание художественной и исторической прозе, Пушкин продолжал все же писать и в малых лирических жанрах. В ряде стихотворений Пушкина этих лет проходит тема национальной гордости, прославления военного могущества и созидательных сил русского народа («Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Перед гробницею святой», «Полководец»). В других стихотворениях («Чем чаще празднует Лицей...», «Из Пиндемонти», «Когда за городом задумчив я брожу...», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» и др.) отразились размышления поэта на темы о смысле жизни, о человеческих судьбах и историческом развитии. Однако большинство стихотворений Пушкина 30-х годов остались при жизни ненапечатанными, а частью и не были закончены. К 30-м годам относятся замечательные своим реализмом

и живописным народным языком баллады «Гусар», «Будрыс и его сыновья», «Воевода» (последние две — из Мицкевича), а также превосходные переводы из греческих и римских поэтов («Подражание древним», «Из Анакреона», «Из Катулла» и др.). В 1833—1835 годах Пушкин написал цикл «Песен западных славян». Мужественная суровость героев из народа, для которых «лучше пуля, чем голод и жажда» («Гайдук Хризич»), героические подвиги борцов за «вольный край» («Бонапарт и черногорцы») — таковы мотивы этих песен.

Литературная деятельность Пушкина сопровождалась постоянной борьбой с реакционными течениями русской литературы. В 30-е годы борьба эта обостряется. Поле журнальной деятельности в этот период завладели Булгарин и его клика, издававшие единственную частную политическую газету «Северная пчела», имевшую значительное распространение и проводившую реакционные политические и эстетические идеи. Булгарин, продажная личность, поляк, сражавшийся на стороне французов в 1812 году и потом перешедший на сторону русских, после поражения восстания декабристов завязал тесные отношения с III отделением. Шефа жандармов Бенкендорфа он снабжал политическими доносами и пользовался его безграничным покровительством. Борьба с булгаринской кликой, отстаивание передовых эстетических взглядов и противопоставление идей демократической народности идеям народности официальной (выраженной в триединой формуле:

«православие, самодержавие, народность») находят отражение на страницах «Литературной газеты», издаваемой друзьями Пушкина в 1830—1831 годах при горячей поддержке самого поэта. После запрещения газеты Пушкин неоднократно пытается добиться разрешения на издание своего журнала. Однако разрешение это он получает лишь в конце 1835 года. В апреле 1836 года издается первый номер «Современника», сборника, выходившего четыре раза в год. Активное участие принимает в нем молодой Гоголь. Пушкин хотел привлечь к участию в журнале Белинского, незадолго перед тем выступившего в печати с «Литературными мечтаниями» и другими статьями. Издавать журнал приходилось Пушкину в условиях жесточайшего цензурного гнета. Статья за статьей подвергались запрещениям или безжалостным искажениям. Но все же Пушкин не бросал журнальной работы, стремясь сплотить вокруг журнала передовые силы русской литературы 30-х годов.

Однако этот замысел, как и другие творческие планы Пушкина, был оборван его трагической гибелью.

Представители новой знати не могли простить Пушкину его резких выпадов, направленных по адресу ряда чиновных лиц в таких стихотворениях, как «Моя родословная» или «На выздоровление Лукулла». Положение поэта становилось невыносимым также в связи с обострением отношений со двором. Николай I дал Пушкину звание камер-юнкера; поэт, ненавидевший царский

двор, вынужден был посещать придворные балы и, являясь во дворец, соблюдать правила этикета. За малейшие нарушения этих правил он получал строгие выговоры, унижавшие его достоинство. Попытка добиться отставки не увенчалась успехом. Материальная зависимость, из которой не было надежды выпутаться, боязнь навлечь на себя новую опалу, которая лишила бы возможности печататься, издавать журнал и работать в архивах, — все это вынудило Пушкина забрать обратно прошение об отставке. Сознание безвыходности сложившегося положения и глубокая горечь звучат в пушкинских письмах и дневниках этого периода. «Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью, — записывает он в дневнике в 1834 году, — но я могу быть подданным... но холопом и шутом не буду и у царя небесного».

Конфликт между поэтом и «высшим обществом», обострившийся все более и более, нашел завершение в дуэли Пушкина с французом Дантесом, монархистом, эмигрировавшим в Россию после июльской революции. Дуэль была подготовлена придворными кругами путем мерзких интриг и оскорблявших Пушкина и его жену пасквилей. «Он в лице Дантеса искал или смерти, или расправы с целым светским обществом», — говорит один из современников — В. А. Сологуб. В самом деле, во второй половине 30-х годов Пушкин оказался в «гнусной западне» (выражение П. Вяземского), из которой

не было выхода. Все чаще жаловался он друзьям на невыносимость своего положения, все чаще посещали его мысли о смерти. Зажатый в тиски полицейского и цензурного надзора, он силой обстоятельств должен был писать Бенкендорфу вежливые письма и признавать себя «усыпанным милостями его величества». В этих условиях дуэль была для Пушкина не только актом защиты своей чести, но и вызовом всему аристократическому Петербургу. Дуэль, запрещенная законом, могла окончиться или смертью, или лишением звания камер-юнкера и ссылкой.

Дуэль состоялась 27 января 1837 года. Пушкин был смертельно ранен Дантесом и, проведя в мучениях почти двое суток, скончался 29 января (10 февраля нового стиля) в 2 часа 45 минут пополудни. Он умирал в тягчайших страданиях не только физических, но и моральных. Врачи сразу же открыто сказали ему о безнадежности положения. Мимо умиравшего проходили друзья, с которыми он обменивался последними прощальными рукопожатиями. . .

Царское правительство стремилось скрыть от народа обстоятельства смерти Пушкина. Только через десять лет — в 1847 году в печати было впервые упомянуто, что он погиб от раны, полученной на дуэли. Но попытки правительства предотвратить проявления народного негодования не удалась. «Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иногда даже в лохмотьях приходили поклониться праху любимого народного поэта, — сообщала дочь Карамзина в

своём письме. — Нельзя без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь думал и сожалел о краткости его блестящего поприща».

Смерть Пушкина была воспринята в стране как великое народное горе. Прусский посланник доносил в то время своему правительству: «Мне достоверно известно, что под предлогом горячего патриотизма уже в течение нескольких дней в Петербурге раздаются самые странные речи. причем, между прочим, утверждают, что г. Пушкин был чуть ли не единственной опорой, единственным выразителем идеи народной свободы». Опасаясь политических демонстраций, правительство неожиданно отменило назначенное ранее отпевание в Исаакиевском соборе, и гроб был перенесен в придворную церковь (Конюшенную). Это вызывалось также и желанием Николая I воспрепятствовать распространению слухов о свободолюбии Пушкина, продемонстрировать свое отношение к нему, как к своему верноподданному. На отпевание был приглашен весь дипломатический корпус и двор. После отпевания тайно, глубокой ночью, тело Пушкина было отправлено для погребения в село Михайловское. За гробом следовали лишь его друг А. И. Тургенев, слуга-крестьянин Никита Козлов и жандармы.

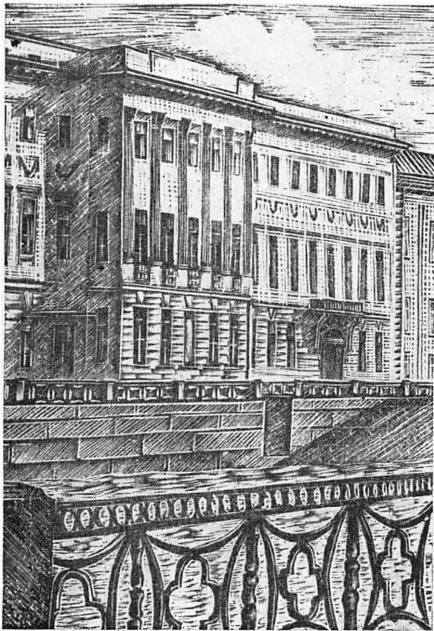
Так самодержавно-крепостническое правительство отомстило величайшему русскому поэту за то, что он служил народу силой правдивого художественного слова. В «Литературных прибавлениях»

к «Руссокому инвалиду» были напечатаны следующие строки: «Солнце нашей поэзии закатилось: Пушкин скончался... Более говорить о сем не имеем сил, да и не нужно, всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будет растерзано...» Для передовых демократических слоев русского общества политические причины убийства Пушкина были ясны.

Раздраженный известиями о возмущении общественного мнения, Николай I писал Паскевичу: «...смерть Пушкина занимает публику и служит пищей разным глупым толкам. Он умер от раны за дерзкую и глупую картель, им же писанную...» Такова же была реакция на гибель Пушкина и министра народного просвещения Уварова.

Всенародное возмущение убийством Пушкина нашло яркое отражение в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта», быстро распространившемся в многочисленных списках и гневно заклеившем «свободы, гения и славы палачей».

О популярности и агитационной силе этого стихотворения В. В. Стасов впоследствии вспоминал: «...Мы волновались, приходили... в глубокое негодование, пылали от всей души, наполненной геройским воодушевлением, готовы были, пожалуй, на что угодно, — так нас поднимала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар, пламеневший в этих стихах. Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное повсеместное впечатление».

В историю России Пушкин вошел как основоположник русского литературного языка и родоначальник новой русской литературы, литературы великих освободительных идей и высшего художественного совершенства. Это определяет значение Пушкина не только в литературном, но и в общественном развитии нашей родины.

В. И. Ленин, поставивший перед советскими учеными задачу составления словаря современного русского языка, подчеркивал, что современный русский язык начинается от Пушкина.

В своем труде «Относительно марксизма в языкознании» И. В. Сталин пишет:

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина».¹

Из этого положения Сталина следует, что

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 9.

язык Пушкина в своей основе сохраняет значение нормы для современного литературного языка.

Историческая необходимость реформы русского литературного языка осознавалась Пушкиным в полной мере. В понимании задач литературного развития Пушкин был передовым выразителем своей эпохи. Обостренный интерес к вопросам языка был характерен для декабристской среды.

Требования «ясности», «понятности», общедоступности, совпадающие с многочисленными высказываниями Пушкина на эту же тему, декабристы предъявляли и к политической публицистике и к художественной литературе. Создание единого, ясного литературного языка, понятного всем слоям общества, было задачей первостепенной исторической важности.

В эпоху, когда феодально-крепостнический строй сковывал даже слабые проявления общественной инициативы, литературе принадлежала особенно важная роль в распространении революционной идеологии, в постановке актуальнейших вопросов современности. Отсюда и характерная для начала XIX века острота споров по вопросам языка. Эта полемика выражала, с одной стороны, стремление антифеодальных группировок к известной демократизации государственного строя, а с другой — стремление консерваторов сохранить свои идеологические позиции. Борьба шла, таким образом, за одну из основ развития всей русской культуры.

Пушкин считал основой русского литературного

языка «разговорный язык простого народа». Защищая эту свою точку зрения, он резко выступал против реакционных измышлений о грубости народного языка. «Разговорный язык простого народа, — писал он в заметке 1830 года, — (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) — достоин также глубочайших исследований». И дальше замечал: «не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирным. Они говорят удивительно чистым и правильным языком». «Вслушайтесь в простонародные наречия, молодые писатели, — писал он в другом месте, — вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах... Читайте простонародные сказки, чтобы видеть свойства русского языка». Соединение языка разговорного и письменного Пушкин рассматривал как историческую задачу. В книжной словесности он ценил приобретенный в течение веков опыт, который необходимо обогащать из «живых источников народного слова».

О значении Пушкина в истории русского литературного языка Горький писал:

«Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его».

Историческая роль Пушкина как основоположника современного русского литературного языка заключается в том, что он разработал и закрепил в литературе общенациональную норму русского языка, обогатил достижения предшествующих ему выдающихся русских писателей сокровищами живой разговорной речи народа, закрепил в литературе правильное понимание многих слов и терминов. Выполняя эту грандиозную созидательную работу, Пушкин боролся против попыток реакционных групп дворянства извратить, задержать развитие русского литературного языка.

В начале XIX века в России дворянская аристократия, оторвавшаяся от народа, стремилась использовать язык в своих интересах, пыталась всячески воспрепятствовать тому, чтобы литературный язык служил оружием борьбы за разрушение феодально-крепостнического строя. С этой целью космополитические круги дворянства стремились утвердить в литературе свой салонный жаргон и засорить русский язык иностранными словами, обеднить его словарный состав, исказить правильное понимание важнейших терминов. Другая группа реакционного дворянства — националистическая — пыталась утвердить в качестве литературного языка книжный церковно-славянский, тем самым выступая против «общепонятности» (Пушкин) и желая воспрепятствовать обновлению словарного состава русского языка. Несомненно, что все эти попытки были направлены против национально-самобытной русской культуры

(формой которой является национальный язык) и мешали развитию литературы по реалистическому пути. Поэтому против подобных попыток решительно восстали передовые силы общества. Основной, магистральной линией развития русского литературного языка могла быть только та линия, которая исходила из общенациональной нормы русского литературного языка, которая считала, что литературный язык — это обработанная, наиболее совершенная форма общенародного языка. А этой линии были враждебны и космополитические и реакционно-националистические группы дворянства.

Огромная историческая заслуга Пушкина заключается в том, что он боролся в вопросе развития литературного языка на два фронта — и против космополитического дворянства и против лагеря реакционного национализма.

В упорной борьбе с такими реакционными защитниками старины, как Шишков, и с проповедниками сглаженного салонного стиля «паркетных дам» выработывал Пушкин гибкий и мощный русский литературный язык.

Как родоначальник новой русской литературы, Пушкин боролся с подражательностью иноземным «образцам», которая была свойственна консервативным, оторванным от народа писателям, и основал школу русского реалистического искусства, которую затем по-своему развивали Лермонтов и Некрасов, Гоголь и Щедрин, Тургенев и Гончаров, Л. Толстой и Горький.

Обычно пушкинский реализм определяется как

реализм критический. Конечно, сила реализма Пушкина — в критике современной ему действительности, во вскрытии несправедливости существовавшего строя, в обличении лжи, лицемерия, жестокости крепостнического дворянства. Но наряду с этим пушкинский реализм как и реализм всех передовых русских писателей, был также утверждающим. Величайшей заслугой Пушкина является создание целой галереи разнообразных положительных образов и героических характеров. Среди них: героический характер Пугачева, благородный мститель Дубровский, пламенная патриотка Полина («Рославлев»), Татьяна в «Евгении Онегине», простая русская девушка из драмы «Русалка» и другие.

Творчество Пушкина явилось итогом достижений всей предшествующей русской литературы и выражением нового всемирно-исторического этапа ее развития. В произведениях Пушкина нашли гениальное художественное воплощение те замечательные черты русского национального характера — стойкость, мужество, ясность ума, свободолюбие, оптимизм, которые позволили России разбить считавшиеся непобедимыми армии Наполеона. Непреходящее значение пушкинского творчества заключается в том, что оно воспитывает патриотические чувства величайшей ответственности перед родиной и утверждает веру в неиссякаемые творческие, созидательные силы народа, в его благородство и духовную красоту. Глубокой и нежной любовью к родине проникнуто все творчество Пушкина, его поэмы и сказки, стихо-

творения и повести, его описания народного русского быта и замечательные лирические пейзажи, раскрывшие неповторимую прелесть русской природы во всех ее чертах — и пышного, великолепного убора багряной осени, и торжественности посеребренных зимних равнин, и гордой неприступности Кавказских гор, и даже скромного одинокого деревца, растущего у задымленной деревенской избы.

Сколько гордости, сколько веры в неиссякаемую энергию народа, сколько динамики заключено в словах Пушкина: «Россия вошла в Европу как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек!» Великий поэт гордился и творческой и военной славой своей родины. Он еще в юности постиг мужественное бесстрашие своего народа, и его формула «война по гроб — наш договор» прекрасно воплотила презрение ко всем надеждам на мир с Наполеоном, надеждам, за которыми противник таил свое желание избежать разгрома. В пушкинской оценке великой войны с наполеоновской армией — «грозы двенадцатого года» — раскрыты типические черты народного патриотизма, готовности народа к любым жертвам и лишениям во имя чести и независимости родины.

Сколько свидетельств превращения рядового человека в героя-богатыря имеет славная история нашей родины за время войны гражданской и, в особенности, за время Великой Отечественной войны с немецкими захватчиками! Пророческими явились и огненные слова Пушкина о том,

что в минуту опасности подымается вся земля
русская — от Перми до Тавриды.

От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая...

Пушкин, будучи гениальным выразителем русской нации, вложил громадный вклад в мировую культуру. Именно потому, что он был носителем великих прогрессивных особенностей русской нации, он стал поэтом мировым. Сочетание глубочайшего чувства русской национальности и уважения к другим нациям сказалось в пушкинском понимании народности литературы. С реалистической верностью изобразив в своих произведениях русскую действительность, он создал также образцы художественного проникновения в жизнь и нравы других стран и народов.

Стремление к разработке острейших проблем современности, горячее желание постигнуть «особенную физиономию» России и оценить все в ней происходящее с точки зрения интересов народа, все это связывает Пушкина со всеми передовыми явлениями последующей русской литературы. Не случайно поэтому важнейшие этапы творческой биографии великих русских писателей связаны с именем Пушкина. Замысел «Мертвых душ» был предложен Гоголю Пушкиным. В «Казаках» Л. Толстого сказывается влияние поэмы «Цыганы». Но связь пушкинского творчества с классической русской литературой не ограничи-

вается примерами такого рода. Она сказала шире — в воспитательном воздействии всего его наследия на последующие поколения передовых русских писателей. Пушкинская широта в изображении действительности, идейно-философская глубина его творчества, искренность его лиризма — все это сказалось в развитии поэтов разных поколений — Лермонтова и Некрасова. Громадное значение Пушкина для нашей советской литературы признано ее лучшими представителями — Горьким и Маяковским. Маяковский в пору своей творческой зрелости считал необходимым учиться у него «максимально добросовестным творческим приемам, которые дают бесконечное удовлетворение и верную формулировку взятой, диктуемой, чувствуемой мысли». Учиться у Пушкина — «основоположника поэзии нашей» призывал советских писателей и родоначальник социалистического реализма М. Горький. «Уже в юности своей, — писал Горький о Пушкине, — он почувствовал тесноту и духоту дворянских традиций, понял интеллектуальную нищету своего класса, его культурную слабость и отразил все это, всю жизнь дворянства, все его пороки и слабости с поразительной верностью... В примере Пушкина мы имеем писателя, который, будучи переполнен впечатлениями бытия, стремился отразить их в стихе и прозе с наибольшим реализмом».

В письме к Д. Семеновскому Горький писал: «Читайте почаще Пушкина — это основоположник поэзии нашей и всем нам всегда учитель. Тем, кто кричит, что Пушкин устарел, не

верьте — стареет форма, дух же поэзии Пушкина нетленен, и в поэзии надо быть хоть немного историком, т. е. человеком честно и сознательно относящимся к своему историческому вчера».

Творчество Пушкина, многообразное по темам и жанрам, остается для нас художественно совершенным отражением одного из величайших этапов русской истории. Вместе с тем осуществилось предсказание Белинского: творения Пушкина образуют и развивают «не только эстетическое, но и нравственное чувство». Роль Пушкина — как учителя беззаветной преданности родине, проповедника активно-созидательного отношения к жизни, воспитателя благородных чувств и стремлений, певца свободы и разума — нашла яркое отражение во всенародном чествовании памяти поэта в связи с столетием со дня гибели (1937). Как всенародный праздник было отмечено в 1949 году во всех концах нашей многонациональной страны 150-летие со дня рождения поэта. Широчайшее по размаху проведение этого пушкинского юбилея является мощным подтверждением значения творческого наследия великого поэта в истории освободительного движения и культурного развития социалистической родины. Растет популярность Пушкина среди трудящихся всего мира. С особенным подъемом был отмечен пушкинский юбилей в странах народной демократии, где имя гения русской литературы становится родным, близким, любимым для широчайших читательских масс.

Сила и жизненность патриотических традиций, воплощенных в творчестве Пушкина, с исключительной яркостью проявились в годы Великой Отечественной войны против немецких захватчиков. В докладе И. В. Сталина 6 ноября 1941 года, в дни, когда враг стремился овладеть сердцем нашей родины, имя Пушкина было названо в ряду лучших людей России, олицетворивших собою несокрушимость и величие героического русского народа. Идеи, образы и мотивы, заключенные в творчестве Пушкина, делают его близким каждому человеку нашей страны. Вот почему в дни войны с немецкими фашистами бойцы хранили в походных сумках томики Пушкина на разных языках — и украинском, и белорусском, и узбекском, и казахском, и на языках народов, которые до революции не имели своей письменности. Вот почему артиллеристы-балтийцы осенью 1941 года посылали врагу свои смертоносные снаряды под лозунгом «За Пушкина!», а бойцы Калининского фронта зимой совершили рейд в село Михайловское (находившееся в глубоком немецком тылу) для того, чтобы привести в порядок могилу поэта.

* * *

Вся жизнь Пушкина была посвящена труду, без которого, как он говорил, «нет истинно великого». Окруженный толпой врагов, которые не могли простить ему смелую независимость, с каждым годом все острее ощущая социальное

одиночество, сдавленный железным контролем Николая I и дворцовой своры, он не сдался, не отступил и до конца продолжал следовать своей «дорогою свободной». Он знал, что его подвиг смогут оценить будущие поколения и с думой о них создавал свои бессмертные произведения. В начале своего творческого пути он восклицал в одном из стихотворений:

Мои летучие посланья
В потомстве будут ли цвести?

А незадолго до смерти, как бы подводя итог своего творчества, выразил твердую уверенность в том, что к нему «не зарастет народная тропа».

Мечта Пушкина о «нерукотворном памятнике» воплотилась в жизнь только после Великой Октябрьской социалистической революции. Пушкин — живой спутник советских людей, он вместе с нами в нашем победном шествии к коммунизму, в нашей борьбе за счастье и свободу всего человечества, в наших стремлениях и делах во славу великой советской родины.

Б. Мейлах

СТИХОТВОРЕНИЯ

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей,
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернилы.
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет.
Быть может и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединишь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды¹
Сокрыт другой отец второй «Тилемахиды».
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздных дань поэтам справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшися бесславия! — Что, если Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,

¹ Т. е. в школе.

С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит — спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;
«Пожалуй, — скажешь мне, — не трать излишних
слов;

Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне, как хочет, целый свет,
Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы плеть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштейну французов побеждать.
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь, и слава россом,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд взобравшись
счастливо,

Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?

Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камоэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что же, — говоришь, — судя о всех так строго,
Перебирая все, как новый Ювенал,
Ты о поэзии со мною толковал,
А сам, поссорившись с парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришел сюда стихами?
Что сделалось с тобой? В уме ли ты иль нет?»
Арист, без дальних слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,

Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»
«Послушайте, — сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне — не подражайте».

И мне то самое пришлось отвечать;
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихий век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит
И над экспромтами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнаса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руке Рамаков не страшит;
Спокоен, весел он. Арист, он — не пийт.

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель, умолкнешь или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — хорошо, спокойным — лучше
вдвое.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ

Друзья! досужный час настал;
Все тихо, все в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда, вино золотое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья! почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай изберем
Скорее президента.
В напраду пьяным — он нальет
И пунш и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой!
Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale!

Ты Эпикуров младший брат,
 Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
 Будь нашим президентом,
И станут самые цари
 Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
 Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой сидишь,
 Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей;
 Бутыль вином налита,
За здравье нашей музыки пей,
 Парнасский волокита.
Остряк любезный! по рукам!
 Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
 На недруга и друга.

А ты, красавец молодой,
 Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
 На прочее — завеса!
Хотя студент, хотя я пьян,
 Но скромность почитаю;
Придвинь же пенистый стакан,
 На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,
 Тряхнем рукою руку,

Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
И тотчас помиримся.

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышишь,
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо басни пишешь;
С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев, —
Рассудок! бог с тобою!

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В казачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова!..

Приблизься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется!..
Но мне ли страстью воздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется!

Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы
Теперь скрипеть тебе струной
Расстроенной скрипицы?
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли? — это не беда:
Для пьяных все ведь ладно!

Но что?.. я вижу всё вдвоем;
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком...
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради...
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради...
Писатель, за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее, —
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почил дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плещаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вѣли земные боги?
Не се ль Минервы русской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?

Промчались навсегда те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминая прежных лет;
Возрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
«Исчезло все, великой нет!»
И, в думу углублен, над злачными берегами
Сидит в безмолвии, склоня ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищеньи дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширясь крылами,
Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикратно обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен!
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страхась дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые и ужасы военные;
Страдать — есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре новой брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И селы мирные и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделоса вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Всё рушат, всё свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно,

Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. идут в дали туманной! —
Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных.
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу
сраженья
За Русь, за святость алтаря!

Ретивы кони бранью пышат,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет, все мезтью, славой
дышат,
Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный вседержитель
Лучом последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях галл кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоголавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак унылый
страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Все пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях берега и светлы рощи:
Все мертво, все молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,

Их кровь не престаёт в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть
сретают,
А с тыла гонит русский меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали. —
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу товарищей, с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас героям в честь прольется,
И струны гордые посыпят огонь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

(1814)

РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Все было тихо — лес и горы,
Все спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздохнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих,
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей.
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне вина моя.
Меня навеки ты забудешь;
Тебя не позабуду я;

Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня...

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца.
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца?
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи: «Ее на свете нет,
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет». —

Но что сказала я?.. быть может,
Виновную ты встретишь мать,
Твой скорбный взор меня тревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой...
Но, может быть, пройдешь ты мимо,
Навек рассталась я с тобой.

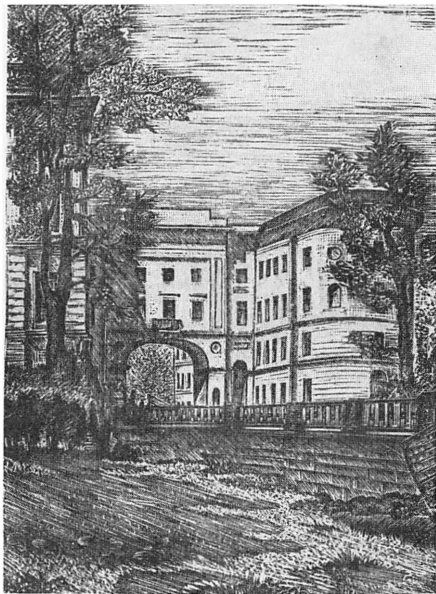
Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей,
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волненьем сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

ГОРОДОК

(К***)

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великий град Петра,
От утра до утра
Два года все кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах;
Не видел я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у налож
В великий четверток
Измученный дьячок.
Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь

Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной,
И в тишине святой
Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный;
Здесь грома вовсе нет;

Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожною клюкой
В калитку постучится...

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот;
Блажен, кто на просторе
В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест когда захочет,
О госте не хлопочет!
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;
Захочет — аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет — сладко спит,
На *Рифмова* склоняясь
И тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг
Навеки распростился;
Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет

С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.
Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Из детства стал пиит;
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук —
Скажу ль? .. отец Кандида —
Он всё; везде велик
Единственный старик!
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций

Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлечший в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя.
Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок.)
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин.
За ними, хмурясь важно,
Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу

Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полке
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глутона псалмопенья,
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенья
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненье...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненья,
Презревшие печать.
Хвала вам, чады славы,
Враги парнасских уз!
О князь, наперсник муз,
Люблю твои забавы;

Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знанье света,
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их туртом потопил;
И ты, замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игривой Талье дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я — с *Чернавкой*
Подщипа слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятенье
Плененные цари,
Забыв войну, сраженья,
Играют в кубари...

Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик — Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть, право, не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне
Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,
То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате

Последний луч зари
Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам,
Мой гений невидимкой
Летает надо мной;
И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьёю волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен ввек пиит!»

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертьем льститься? . .
До слез я спорить рад,
Не бьюсь лишь об заклад,
Как знать, и мне, быть может,
Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горним светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.

Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире воздохнет.

Покаместь, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижу я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию младой
Напрасно пламенею?
Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоли, где расцвел
Мой горестный удел?..
Певца согудник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвения тропой;

И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огонь в сердца,
И граций стан прелестный,
И снег ее лица;
Представь, что, на коленях
Покоясь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах!..
Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет — и пропал
Беглец невозвратимый!
Не слышит плач и стон,
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но всё ли, милый друг,
Быть счастья в упсеньи?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихою рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя знак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлечения,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Всё сведает, узнает:

Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку,
Играя, разломал, —
Старушка все расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает все свое;
А я сижу смиренно,
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда *Свистова*
В столице я внимал,
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал.
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откусать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,

За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел навстречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палашом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,
Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,
Служитслей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы,
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.

Но, друг мой, если вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;

Тогда, клянусь богами
(И слово уж сдержу),
Я с сельскими попами
Молебен отслужу.

1815

Ветулий римлян царь!.. О стыд, о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с поникшею главою,
В изорванном плаще, с дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идет?
«Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамет!» —
«Куда: не знаю сам; давно молчу и вижу;
Навек оставлю Рим: я рабство ненавижу».

Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
Смиренно поклонясь Фортуне и мечтам,
Седого циника примером научиться?
С развратным городом не лучше ль нам
проститься,

Где все продажное: законы, правота,
И консул, и трибун, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Неопытность других в наемну ловит сеть!
Нам стыдно слабости с морщинами иметь;
Тщеславной юности оставим блеск веселий:
Пускай бесстыдный Клит, слуга вельмож

Корнелий

Торгуют подлостью и с дерзостным челом
От знатных к богачам ползут из дома в дом!
Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных мудрецов, обманчивых красот!
Завистливой судьбы в душе презрев удары,
В деревню пренесем отеческие лары!

В прохладе древних рощ, на берегу морском,
Найти нетрудно нам укромный, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в глуши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Вспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенная венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

1815

ПЕВЕЦ

Слышали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слышали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

1816

ЖЕЛАНИЕ

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье —
Пускай умру, но пусть умру любя!

1816

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокой
Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мне вновь
Свои виденья,

И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

1816

ДРУЗЬЯМ

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утрайте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

1816

К КАВЕРИНУ

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой,
и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

1817

ТОВАРИЩАМ

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...

Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не фвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

1817

**К ОГАРЕВОЙ,
КОТОРОЙ МИТРОПОЛИТ ПРИСЛАЛ ПЛОДОВ
ИЗ СВОЕГО САДУ**

Митрополит, хвастун бесстыдный,
Тебе прислав своих плодов,
Хотел уверить нас, как видно,
Что сам он бог своих садов.

Возможно все тебе — харита
Улыбкой дряхлость победит,
С ума сведет митрополита
И пыл желаний в нем родит.

И он, твой встретив взор волшебный,
Забудет о своем кресте
И нежно станет петь молебны
Твоей небесной красоте.

КРИВЦОВУ

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы
Свежий выпросим венок,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд —
И толпою наши тени
К тихой Лете убегут.
Смертный миг наш будет светел;
И подруги шалунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров.

1817

ВОЛЬНОСТЬ

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;

Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главою
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою гибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий среди тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,

Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА

Откуда чудный шум, неистовые клики?

Кого, куда зовут и бубны и тимпан?

Что значат радостные лики

И песни поселян?

В их круге светлая свобода

Прияла праздничный венок.

Но двинулись толпы народа...

Он приближается... Вот он, вот сильный бог!

Вот Бахус мирный, вечно юный!

Вот он, вот Индии герой!

О радость! Полные тобой

Дрожат, готовы грянуть струны

Нелицемерно хвалой!..

Эван, эвое! Дайте чаши!

Несите свежие венцы!

Невольники, где тирсы наши?

Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Вот он! вот Вахх! О час отрадный!

Державный тирс в его руках;

Венец желтеет виноградный

В чернокудрявых волосах...

Течет. Его молодые тигры

С покорной яростью влекут;

Кругом летят эроты, игры —

И гимны в честь ему поют.
За ним теснится козлоногий
И фавнов и сатиров рой,
Плющом опутаны их роги;
Бегут смятенною толпой
Вослед за быстрой колесницей,
Кто с тростниковою цевницей,
Кто с верной кружкой своей;
Тот, оступившись, упадает
И бархатный ковер полей
Вином багровым обливает
При диком хохоте друзей.
Там дале вижу дивный ход!
Звучат веселые тимпаны;
Младые нимфы и сельваны,
Составя шумный хоровод,
Несут недвижимого Силена...
Вино струится, брызжет пена,
И розы сыплются кругом;
Несут за спящим стариком
И тирс, символ победы мирной,
И кубок тяжко-золотой,
Венчанный крышкою сапфирной, —
Подарок Вакха дорогой.

Но воеет берег отдаленный.
Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздем, обнаженны,
Бегут вакханки по горам.

Тимпаны звонкие, кружась меж их перстами,
Гремят — и вторят их ужасным голосам.
Промчались, летят, свиваются руками,

Волшебной пляской топчут луг,
И младость пылкая толпами
 Стекается вокруг.
Поют неистовые девы;
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышат вожделеньем;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастье лови!
Их вдохновенные движенья
Сперва изображают нам
Стыдливость милого смятенья,
Желанье робкое — а там
Восторг и дерзость наслажденья.
Но вот рассыпались по холмам и полям;
Махая тирсами, несутся;
Уж издали их вопли раздаются,
И гул им вторит по лесам:
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, в сей день благословенный
Забвенью бросим суеты!
Теки, вино, струею пенной
В честь Вакха, муз и красоты!
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

СКАЗКИ

NOËL

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ.

Мария в хлопотах Спасителя страшает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука — русский царь!»
Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.

О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я пил, и ел, и обещал —
И делом не замучен.

Послушайте в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;

Закон постановлю на место вам Горголи,
И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Расплакался дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»

А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Уснуть уж время наконец.
Ну, слушай же, как царь-отец
Рассказывает сказки».

К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

1818

ЖУКОВСКОМУ

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе, —
Ты прав, творишь ты *для немногих*,
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным.

1818

К ЧААДАЕВУ

Люби, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818

НА СТУРДЗУ

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу.

1819

НА Н. М. КАРАМЗИНА

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

1819

Н. Н.

(В. В. Энгельгардту)

Я ускользнул от Эскулапа,
Худой, обритый — но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.

Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного

1819

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
 На лоне счастья и забвенья.
Я твой — я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

 Я твой — люблю сей темный сад
 С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми окирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
 Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
 Везде следы довольства и труда...

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,

Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,

Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

1819

РУСАЛКА

Над озером, в глухих дубровах,
Спасался некогда монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренной
Себе могилу старец рыл —
И лишь о смерти вожденной
Святых угодников молил.

Однажды летом у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорет молился богу.
Дубравы делались черней;
Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.
На воды стал глядеть монах.

Глядит, невольно страха полный;
Не может сам себя понять...
И видит: закипели волны
И присмирели вдруг опять...

И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у берегов.

Глядит на старого монаха
И чешет влажные волосы.
Святой монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.
Она манит его рукою,
Кивает быстро головой...
И вдруг — падучею звездою —
Под сонной скрылася волной.

Всю ночь не спал старик угрюмый
И не молился целый день —
Перед собой с невольной думой
Все видел чудной девы тень.
Дубравы вновь оделись тьмою,
Пошла по облакам луна,
И снова дева над водою
Сидит, прелестна и бледна.

Глядит, кивает головою,
Целует издали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет, как дитя,
Зовет монаха, нежно стонет...
«Монах, монах! Ко мне, ко мне!..»
И вдруг в волнах прозрачных тонет;
И все в глубокой тишине.

На третий день отшельник страстный
Близ очарованных берегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

1819

СТАНСЫ ТОЛСТОМУ

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета
Златой Горациев фиал.

Поверь, мой друг, она придет,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины забот
И бесполезных размышлений.

Зевес, балуя смертных чад,
Всем возрастам дает игрушки:
Над сединами не гремят
Безумства резвые гремяшки.

Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

1819

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок незаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

1819

ДОРИДА

В Дориде нравятся и локоны золотые,
И бледное лицо, и очи голубые...
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

1819

НА АРАКЧЕЕВА

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести,*
. грошевой солдат.

1817—1820

К ПОРТРЕТУ ЧААДАЕВА

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарской.

1818—1820

ДОРИДЕ

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Все непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

1820

ЮРЬЕВУ

Любимец ветреных Лаис,
Прелестный баловень Киприды —
Умей сносить, мой Адонис,
Ее минутные обиды!
Она дала красы младой
Тебе в удел очарованье,
И черный ус, и взгляд живой,
Любви улыбку и молчанье.
С тебя довольно, милый друг.
Пускай, желаний пылких чуждый,
Ты поцелуями подруг
Не наслаждаешься, что нужды?
В чаду веселий городских,
На легких играх Терпсихоры
К тебе красавиц молодых
Летят задумчивые взоры.
Увы! язык любви немой,
Сей вздох души красноречивый,
Быть должен сладок, милый мой,
Беспечности самолюбивой.
И счастлив ты своей судьбой.
А я, шовеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,

Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний;
С невольным пламенем ланит
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядит.

1820

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.

1820

Погагло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам
дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,

Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.

Искатель новых впечатлений,

Я вас бежал, отечески края;

Я вас бежал, питомцы наслаждений,

Минутной младости минутные друзья;

И вы, наперсницы порочных заблуждений,

Которым без любви я жертвовал собой,

Покоем, славою, свободой и душой,

И вы забыты мной, изменницы молодые,

Подруги тайные моей весны златая,

И вы забыты мной. . . Но прежних сердца ран,

Глубоких ран любви, ничто не излечило. . .

Шуми, шуми, послушное ветрило,

Волнуйся подо мной, угрюмый океан. . .

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГИЯ

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей и славы был достоин.
Тебя, младенца, он ласкал
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой был кинжал —
Братоубийством изощренный...
Как часто, возбудив свирепой мести жар,
Он молча над твоей невинной колыбелью
Убийства нового обдумывал удар —
И лепет твой внимал и не был чужд веселью...
Таков был: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный век отца
Смиренной жизнью пред небом искупила:
С могилы грозной к небесам
Она, как сладкий фимиам,
Как чистая любви молитва, восходила.

1820

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Лягу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей;

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья... текущую кровь...
Погибла тречанка, погибла любовь!

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль.
И хладную душу терзает печаль.

1820

К***

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

1820

НЕРЕИДА

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел nereиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою — полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из волос струею выжимала.

1829

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1820

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет;
Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее —
И забываю песни муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут —
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы;
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый;
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины.
А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.

1821

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

1821

МУЗА

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой — и слегка,
По звонким скважинам пустого тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

1821

В. Л. ДАВЫДОВУ

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея, —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками аи
Сидят Раевские мои —
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь
И с горя на берегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь...
Тебя, Раевских, и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.

На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...

Я стал умен, я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.
Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец, — говорит, —
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит...
Иль кло-д-вужо, тогда б ни слова,
А то — подумай, как смешно! —
С водой молдавское вино».
Но я молюсь — и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю сатане...
А все невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине...

Вот эвхаристия другая,
Когда и ты и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлую струей
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали!..
Но *те* в Неаполе шалят,

А *та* едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чашй причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

1821

ЧААДАЕВУ

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.
Врагу стеснительных условий и оков,
Нетрудно было мне отвыкнуть от пиров,
Где праздный ум блесит, тогда как сердце
дремлет,
И правду пылкую приличий хлад объемлет.
Оставляя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел об них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Цевницы брошенной уста мои коснулись;

Старинный звук меня обрадовал — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще не знаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени.

Но дружбы нет со мной. Печальный вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
Ничто не заменит единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;
О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства — может быть, спасенные тобою!
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть,
Умел я презирать, умея ненавидеть.
Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде,
Или философа, который в прежни лета

Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, загладил свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картежный вор?
Оратор Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим безвредным лаем.
Мне ль было сетовать о толках шалунов,
О лепетаньи дам, зонлов и глупцов
И сплетней разбирать игривую затею,
Когда гордиться мог я дружбою твоею?
Благодарю богов: прешел я мрачный путь;
Печали ранние мою теснили грудь;
К печалям я привык, расчелся я с судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.

Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?..
Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим,
И счастлив буду я; но только, ради бога,
Гони ты Шеппинга от нашего порога.

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне: кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?

Златой предел! любимый край Эльвины,
К тебе летят желанья мои!
Я помню скал прибрежные стремнины,
Я помню вод веселые струи,
И тень, и шум — и красные долины,
Где в тишине простых татар семьи
Среди забот и с дружбою взаимной
Под кровлею живут гостеприимной.

Все живо там, все там очей отрада,
Сады татар, селенья, города;
Отражена волнами скал громада,
В морской дали теряются суда,
Янтарь висит на лозах винограда;
В лугах шумят бродящие стада...
И зрит пловец — могила Митридата
Озарена сиянием заката.

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волненье жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени?

1821

КИНЖАЛ

Мемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.

Везде его найдет удар нежданный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон;..
Но Брут восстал вольнолюбивый:
Ты Кесаря сразил — и мертв объемлет он
Помпея мрамор горделивый.

Исчадь мятежей подъямет злобный крик:
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник.

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.

В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе, —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

Умолкну скоро я!.. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный...
Но если я любим... позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной!..
Когда меня навек обмет смертный сон,
Над урною моей промолви с умиленьем:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен и любви последним вдохновеньем.

1821

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное течение.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
 Что я любил, что изменило мне.
Пускай я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная! ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поцелуев сладострастья;
Душа твоя чиста; унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
 Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви... быть может, ужаснешься.
Быть может, навсегда... Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

1821

НАПОЛЕОН

Чудесный жребий совершился;
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн...
Великолепная могила!
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила
И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упали
При громах силы роковой;

Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена?

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал, —

Тогда, в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
Пленный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Все пало с шумом пред тобой:
Европа гибла — сон могильный
Носился над ее главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) —
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливица душу волновал.

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал..

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!

Настали времена другие,
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб — наш договор!

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья!
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И все, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Вослед тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В уныньи горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

1821

ВОЙНА

Война! подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей!
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений! —
Все ново будет мне: простая сень шатра,
Огни врагов, их чуждое зыванье,
Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?
Венок ли мне двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судил мне жребий боев?
И все умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому стремленье,
Воспоминание и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное волнение,

И ты, и ты, любовь!.. Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой славы,
Ничто не заглушит моих привычных дум?

Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня, нет власти над собой,
И тягостная лень душою овладела...

Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?

Гречанка верная! не плачь — он пал героем,
Свинец врага в его вонзился грудь.
Не плачь — не ты ль сама ему пред первым боем

Назначила кровавый чести путь?
Тогда, тяжелую предчувствуя разлуку,
Супруг тебе простер торжественную руку,
Младенца своего в слезах благословил,
Но знамя черное свободой восшумело.
Как Аристокитон, он миртом меч обвил,
Он в сечу ринулся — и, падши, совершил
Великое, святое дело.

1821

К ОВИДИЮ

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображенье
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою!
Я видел твой корабль игралищем валов
И якорь, верженный близ диких берегов,
Где ждет певца любви жестокая награда.
Там нивы без теней, холмы без винограда;
Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там холодной Скифии свирепые сыны,
За Истром утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И по льду звучному бестрепетно идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе
превратной!),

Ты, с юных лет презрев волнение жизни ратной,
Привыкнув розами венчать свои власы
И в неге провождать беспечные часы,
Ты будешь принужден взложить и шлем

тяжелый

И грозный меч хранить близ лиры оробелой.
Ни дочь, ни жена, ни верный сонм друзей,
Ни музы, легкие подруги прежних дней,
Изгнанного певца не усладят печали.
Напрасно грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть,
Ни песни робкие Октавия не тронут;
Дни старости твоей в забвении потонут.
Златой Италии роскошный гражданин,
В отчизне варваров безвестен и один,
Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
Ты в тяжелой горести далекой дружбе пишешь:
«О, возвратите мне священный град отцов
И тени мирные наследственных садов!
О други, Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните,
Но если гневный бог досель неумолим
И век мне не видать тебя, великий Рим, —
Последнею мольбой смягчая рок ужасный,
Приблизьте хоть мой гроб к Италии

прекрасной!»

Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиления
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их; изгнанник самовольный,
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло втайне очи,
Привыкшие к снегам угрюмой полуночи.
Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних
бурь.

На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.
Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там — а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младую зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг;
Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
Едва прозрачный лед, над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижимые струи.
Я вспомнил опыты несмелые твои,
Сей день, замеченный крылатым вдохновеньем,
Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
Шаги свои волнам, окованным зимой...
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя и жалобные звуки
Неслися издали, как томный стон разлуки.

Утешься; не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный певец,
Безвестен буду я для новых поколений.
И, жертва темная, умрет мой слабый гений
С печальной жизнью, с минутною молвой...
Но если, обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой — участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на берега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

ПРИМЕТЫ

Старайся наблюдать различные приметы:
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай: завтра сонных дев разбудит дождь
ревучий,
Иль бьющий в окна град — а ранний селянин,
Готовясь уж косить высокий злак долин,
Услыша бури шум, не выйдет на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту.

1821

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремяшкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкий сон.
Ты отрока беспечно любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

1822

ДРУЗЬЯМ

Вчера был день разлуки шумной,
Вчера был Вакха буйный пир,
При кликах юности безумной,
При громе чаш, при звуке лир.

Так! Музы вас благословили,
Венками свыше осеня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослепляя наших глаз,
Она не суетной работой,
Не резьбою пленяла нас;

Но тем одним лишь отличалась,
Что, жажду скифскую поя,
Бутылка полная вливалась
В ее широкие края.

Я пил — и думою сердечной
Во дни минувшие летал
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминал;

Меня смешила их измена:
И скорбь исчезла предо мной,
Как исчезает в чашах пена
Под зашипевшею струей.

1822

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;

Правдив и свободен их вещей язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако челō
И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня,
Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег. —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? все так же ль лёгок его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!

Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

ИЗ ПИСЬМА
к Я. Н. ТОЛСТОМУ

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?
Всё те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
Попрежнему ль летят на зов
Свободы, лени и безделья?
В изгнании скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна;

И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.
Вновь слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык. .
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

1822

ИНОСТРАНКЕ

На языке тебе невнятном
Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

1822

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

1822

ГРЕЧАНКЕ

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной...
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи — когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальней стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенный
В его сердечной глубине?
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой,

И ты, склонясь к его плечу...
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу;
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно все, что мило.

1822

ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

У грюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью
ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У нас писатели, я знаю, каковы;
Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права.

Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Нередко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое встревожит:
Кто английский роман с французского преложит,
Тот оду сочинит, потя да кряхтя,
Другой трагедию напишет нам шутя —
До них нам дела нет; а ты читай, бесися,
Зевай, сто раз засни — а после подпишися.

Так, цензор мученик; порой захочет он
Ум чтеньем освежить; Руссо, Вольтер, Бюффон,

Державин, Карамзин манят его желанье,
А должен посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да поля,
Да, связь утратя в них, ищи ее с начала,
Или вымарывай из тощего журнала
Насмешки грубые и площадную брань,
Учтивых остряков затейливую дань.

Но цензор гражданин, и сан его священный:
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и нравов,
Не преступает сам начертанных уставов,
Закону преданный, отечество любя,
Принять ответственность умеет на себя;
Полезной истине пути не заграждает,
Живой поэзии резвиться не мешает.
Он друг писателю, пред знатью не труслив,
Благодарумен, тверд, свободен, справедлив.

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами;
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом.
Решил, а там поди, хоть на тебя проси.
Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видим книг доселе?
И если говорить задумают о деле,

То, славу русскую и здравый ум любя,
• Сам государь велит печатать без тебя.
Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы.
О варвар! кто из нас, владельцев русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?
Докучным евнухом ты бродишь между муз;
Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца *Пиров*, столь чистый,
благородный, —

Ничто не трогает души твоей холодной.
На все кидаешь ты косою, неверный взгляд.
Подозревая все, во всем ты видишь яд.
Оставь, пожалуй, труд, нимало не похвальный:
Парнас не монастырь и не гарем печальный,
И, право, никогда искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса не лишал.
Чего боишься ты? поверь мне, чьи забавы —
Осмеивать закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему;
Тот незнаком тебе, мы знаем почему —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шуточных од тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали.
Но ты свое несешь, и в наш премудрый век
Едва ли Шаликов не вредный человек.
Зачем себя и нас терзаешь без причины?

· Скажи, читал ли ты *Наказ* Екатерины?
Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем
· Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры;
Хемницер истину с улыбкой говорил,
Наперсник Душеньки двусмысленно шутил,
· Киприду иногда являл без покрывала —
И никому из них цензура не мешала.
Ты что-то хмуришься; признайся, в наши дни
· С тобой не так легко б разделались они?
Кто ж в этом виноват? перед тобой зеркало:
Дней Александровых прекрасное начало.
Проведай, что в те дни произвела печать.
На поприще ума нельзя нам отступить.
· Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Ужели к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел отечество назвать
И в рабстве ползали и люди и печать?
Нет, нет! оно прошло, губительное время,
Когда невежества несла Россия бремя.
Где славный Карамзин снискал себе венец,
Там цензором уже не может быть глупец...
· Исправся ж: будь умней и примирился с нами.

«Все правда, — скажешь ты, — не стану
спорить с вами:
· Но можно ль цензору по совести судить?»

Я должен то того, то этого щадить
Конечно, вам смешно — а я нередко плачу,
Читаю да крещусь, мараю наудачу —
На все есть мода, вкус; бывало, например,
У нас в большой чести Бентам, Руссо, Вольтер,
А нынче и Милот попался в наши сети.
Я бедный человек; к тому ж жена и дети...»

Жена и дети, друг, поверь — большое зло:
От них все скверное у нас произошло.
Но делать нечего; так если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно
И службу своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.

1822

Ф. Н. ГЛИНКЕ

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнании позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

1822

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

1822

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И душу бурную и младость
Дремотой лени усыпил?
Взыграйте, ветры, взойте воды,
Разружьте гибельный оплот.
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.

1823

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать — с боязнию и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор —
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..

В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.

Изыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремущками да бич.

1823

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистошимою клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

1823

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет
предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!.. И на жизнь гляжу печален
вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

1823

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит попрежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

1823

4

Давно ли ветхая Европа свирепела?
 Надеждой новою Германия кипела,
 Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
 За Пиренеями давно ль судьбой народа
 Уж правила свобода,
 И самовластие лишь Север укрывал?

5

Давно ль — и где же вы, зиждители свободы?
 Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы,
 Волнуйте, мудрецы, безумную толпу —
 Вот Кесарь — где же Брут? О грозные витии,
 Целуйте жезл России
 И вас поправшую железную стопу».

6

Он рек, и некий дух повеял невидимо,
 Повеял и затих, и вновь повеял мимо,
 Владыку Севера мгновенный хлад объял,
 На царственный порог вперил, смутясь, он очи —
 Раздался бой полночи —
 И се внезапный гость в чертог царя предстал.

7

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
 Свершитель роковой безвестного веленья,
 Сей всадник, перед кем склонилися цари,

Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

8

Ни тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламя бледное нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя,
Мучением покоя
В морях казненного по манию царей.

9

Нет, чудный взор его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдруг неотразимый,
Как боевой перун, как молния сверкал;
Во цвете здравия и мужества и мощи,
Владыке полунощи
Владыка Запада, грозящий, предстоял.

10

Таков он был, когда в равнинах Австерлица
Дружины Севера гнала его десница,
И русский в первый раз пред гибелью бежал;
Таков он был, когда с победным договором
И с миром и с позором
Пред юным он царем в Тильзите предстоял.

НА ВОРОНЦОВА

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

1824

ПРОЗЕРПИНА

Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла — и колесница
Уж к аиду их несет:
Мчатся, облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,

Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

. 1824

К. ЯЗЫКОВУ

(Михайловское, 1824)

Издrevле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз,
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.

Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И, муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит.
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

Книгопродавец

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...
О чем вздохнули так глубоко?
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал

И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья
Бывало музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья!..
Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шепот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;

Я был хранитель их скупой;
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы молодой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлись по рукам,
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил;

Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрямь, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В молодые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;

Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?..

Книгопродавец

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей,
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? какое дело свету?

Я всем чужой!.. душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?..

И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!..
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви!
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излишья,
Как божеству, не нужно ей!..

Книгопродавец

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,

Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век — торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:

•
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь — от вашей лиры
Предвижу много я добра.

П о э т

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись.
Условимся.

1824

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно среди зыбей;

Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы..
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещенье, иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твой скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

КОВАРНСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою, —
Не говори: «он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накиннул ты
И сонного врагу предал со смехом,

И он прочел в немой душе твоей
Все тайное своим печальным взором, —
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

1824

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла..

Все мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами..

Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами,

Теперь она сидит печальна и одна..
Одна.. никто пред ней не плачет, не тоскует:
Никто ее колен в забвеньи не целует;
Одна.. ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.

.
.
.
Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь...

я спокоен;
.
Но если

1824

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот вошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

**ФОНТАНУ
БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА**

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

1824

ВИНОГРАД

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

1824

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ ¹

Посвящено П. А. Осиповой

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой: ²

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В пареньи дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых.³

III

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье.⁴
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых:

Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его — по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды,
И вертоград, и холм, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV

С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;

Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все поднята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока,
С заката подыми его!

У

Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.⁵

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И не падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призывье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаяньи своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем.

VII

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.

Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут — господом отверженная дань.

IX

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладязь под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжело язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал,
Уж пальма истлела, а кладязь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу и радость;

В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

Примечания

¹ «Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих *нечестивых*, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

² В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

³ «Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромн; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

⁴ Из книги *Слепец*.

⁵ Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

ЧААДАЕВУ

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды;
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданием возгордилось.

.

Чадаев, помнишь ли бывшее?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиленьи вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

1824

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

На скользком поприще Тимковского наследник!

Позволь обнять себя, мой прежний собеседник.
Недавно, тяжкою цензурой притеснен,
Последних, жалких прав без милости лишен,
Со всею братией гонимый совокупно,
Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно,
Потешил дерзости бранчивую свербежь —
Но извини меня: мне было нестерпеж.
Теперь в моей глуши журналы раздирая
И бедной братии стишонки разбирая
(Теперь же мне читать охота и досуг),
Обрадовался я, по ним заметя вдруг
В тебе и правила и мыслей образ новый!
Ура! ты заслужил венок себе лавровый
И твердостью души и смелостью ума
Как изумилась поэзия сама,
Когда ты разрешил по милости чудесной
Заветные слова *божественный, небесный,*
И ими назвалась (для рифмы) красота,
Не оскорбляя тем уж господу Христа!
Но что же вдруг тебя, скажи, переменяло
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои послания хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою,

Но, подразнив тебя, я переменной сею
Приятно изумлен, гордиться не посмею.
Отнесся я к тебе по долгу моему;
Но мне ль исправить вас? Нет, ведаю, кому
Сей важной новостью обязана Россия.
Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленье восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил;
Осиротелого венца Екатерины
От хлада наших дней укрыл он лавр единый.
Он с нами сетовал, когда святой отец,
Омара да Гали прияв за образец,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно задушить старался просвещение.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша,
И помогал ему Магницкий благородный,
Муж твердый в правилах, душою превосходный.
И даже бедный мой Кавелин-дурачок,
Креститель Галича, Магницкого дьячок.
И вот, за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были вверены, печальные науки!
Цензура! вот кому подвластна ты была!

Но полно: мрачная година протекла,
И ярче уж горит светильник просвещения.
Я с переменною несчастного правленья
Отставки цензоров, признаться, ожидал,

Но, сам не зная как, ты, видно, устоял.
Итак, я поспешил приятелей поздравить,
А между тем совет на память им оставить.

Будь строг, но будь умен. Не просят
у тебя,
Чтоб, все законные преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.
Права свои храни по долгу своему.
Но скромной истине, но мирному уму
И даже глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты в плодах досужного пера
Порою не найдешь великого добра,
Когда не видишь в них безумного разврата,
Престолов, алтарей и нравов супостата,
То, славы автору желая от души,
Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

1824

НА ФОТИЯ

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких, —
Полу-благих, полу-святых.

1824

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сдает;
На девственных устах улыбка замирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и, как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными? .. Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

1824

Шускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты
И письма тайные, награды долгой муки,
Но в тихие часы томительной разлуки
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной,
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.

1824

НА ВОРОНЦОВА

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удушен.
«Я очень рад, — сказал усердный льстец, —
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сторяча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

1825

ПРИЯТЕЛЯМ

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

1825

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои! ..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту! .. вспыхнули! пылают — легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

1825

ОДА

ЕГО СПЯТ. гр. дм. пв. хвостову

Султан ярится. ¹ Кровь Эллады
И резвоскачет ² и кипит.
Открылись грекам древни клады, ³
Трепещет в Стиксе лютый Пит. ⁴
И се — летит продерзко судно
И мечет громы обоудно.
Се Бейрон, Феба образец.
Притек, но недуг быстропарный, ⁵
Строптивый и неблагодарный
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет.
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть. —
Никак! Ты с верною супругой⁶
Под бременем судьбы упругой
Живешь в любви — и наконец
Глубок он, но единообразен,
А ты глубок, игрив и разен,
И в шалостях ты впрям певец.

А я, неведомый пиита,
В восторге новом воспою
Вослед пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит кушу,⁷
И да блюдут твой мирный сон⁸
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

Примечания

¹ Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

³ Под словом *клады* должно разуместь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

⁴ Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник свободы.

⁵ Горячка.

⁶ Графиня А. И. Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последн. замеч. к оде: «Заздравный кубок»).

⁷ Подражание его высокопр. действ. тайн. сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу гр. Хвостова:

К тебе я руки простирал
Уже из отческия куши,
Взирая на суда бегуши.

⁸ Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет пред ним продерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспослет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лже-пророка; Зевес улыбается ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подымлет кубок за здравие его; Псиша, в образе Иполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вакх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного пииты.

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

Как! жив еще Курилка журналист?
— Живехонек! все так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Все тискает в свой nepотpeбный лист,
И старый вздор и вздорную новинку.
— Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

1825

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

В лесах, во мраке ночи праздной
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!

1825

EX UNGUE LEONEM

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

1825

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Посвящено Н. Н. Раёвскому

*Ainsi, insie et captif, ma lyre
toutelois s'éveillaît...*

Меж тем как изумленный мир
На урну Байрона взирает
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира,
Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет.¹

Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

«Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.

Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщением и славой, —
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Завтра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах
И место наших урн заране назначали.
Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленья:

О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни,²
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой недозрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и *Узница* моя,³
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовью, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи —
Все вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспаясь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гневе;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала, —
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный
Ты, слово, звук пустой. . .

О нет!

Умолкни, ропот малодушный!
 Гордись и радуйся, поэт:
 Ты не поник главой послушной
 Перед позором наших лет;
 Ты презрел мощного злодея;
 Твой светоч, грозно пламенея,
 Жестоким блеском озарил
 Совет правителей бесславных;⁴
 Твой бич настигнул их, казнил
 Сих палачей самодержавных;
 Твой стих свистал по их главам;
 Ты звал на них, ты славил Немезиду;
 Ты пел Маратовым жрецам
 Кинжал и деву-эвмениду!
 Когда святой старик от плахи отрывал
 Венчанную главу рукой оцепенелой,
 Ты смело им обоим руку дал,
 И перед вами трепетал
 Ареопег остервенелый.
 Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
 Моей главой играй теперь:
 Она в твоих когтях. Но слушай, знай,
безбожный:
 Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
 Пей нашу кровь, живи, губя:
 Ты все пигмей, пигмей ничтожный,
 И час придет... и он уж недалек:
 Падешь, тиран! Негодование
 Воспрянет наконец. Отечества рыданье
 Разбудит утомленный рок.
 Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
 Я жду тебя».

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

⁵ Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера.

⁶ На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)

⁷ На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose là.

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленапреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, все на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:

Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

1826

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

ЖЕНИХ

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица — и вот
Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.

Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит
И гонит всех и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! — говорит. —
Он, точно он! держите,
Друзья мои, спасите!»

Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова.
И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
Нежданная приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.

Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,

А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?»
Она сидит за пирогом
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен, — говорит отец, —
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не все касатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет и хохочет.
В смятеньи сваха к ней бежит,
Водой студеную поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,
Пеките хлеба на весь мир,
На славу мед варите,
Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» — И пир горой;
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Все шумно, гости пьяны.

Ж е н и х

«А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь на удачу.
Душе моей покоя нет,
И день и ночь я плачу.

Недобрый сон меня крушит».
 Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
 Скажи нам, что такое,
 Дитя мое родное?»

«Мне снилось, — говорит она, —
 Зашла я в лес дремучий,
 И было поздно; чуть луна
 Светила из-за тучи;
 С тропинки сбилась я: в глуши
 Не слышно было ни души,
 И сосны лишь да ели
 Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
 Изба передо мною.
 Я к ней, стучу — молчат. Зову —
 Ответа нет; с мольбою
 Дверь отворила я. Вхожу —
 В избе свеча горит; гляжу —
 Везде серебро да злато,
 Все светло и богато».

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?
 Знать, жить тебе богато».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
 На серебро, на злато,
 На сукна, коврики, парчу,

На новгородскую камчу
Я молча любовалась
И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп,
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшей,
По леву голубица
Красавица девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье...»

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,

Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну это, — говорит жених, —
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?» —
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит бледнея;
Смутились гости. — Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен,
И скоро смертию казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

1825

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святоё, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

1825

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

1825

19 ОКТЯБРЯ

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?

Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы,
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты постирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных выюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья?
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг, —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.

Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Доучный гость, и лишний и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

ДВИЖЕНИЕ

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить, —
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

1825

ПРОЗАИК И ПОЭТ

❶ чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую —
И горе нашему врагу!

1825

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена;
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

1825

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

1825

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было все милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где все блистает
Нетленной славой и красотой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,

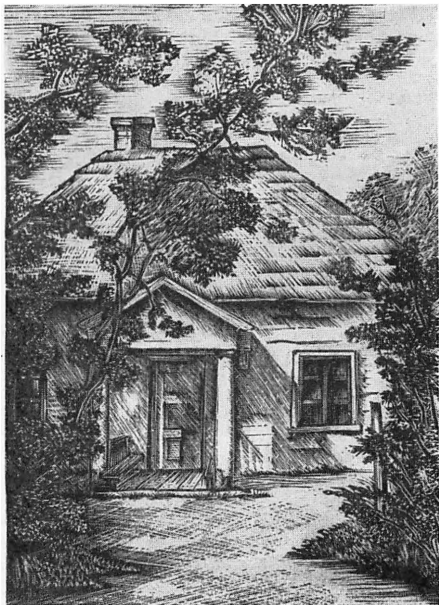
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я? .

1825

БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

1825

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1825

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

1825

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

Берег моря. Фауст и Мефистофель

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст

Сухая шутка!

Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

Мефистофель

Доволен будь

Ты доказательством рассудка.

В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies: скука,
Отдохновение души.
Я психолог... о, вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Виргилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но — помнится — тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? всё по пустякам.
Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Ф а у с т

Перестань,
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знаньи жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,

А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бесмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...

М е ф и с т о ф е л ь

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Ф а у с т

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи, —
Там, на груди ее прелестной
Покою томную главу,
Я счастлив был...

М е ф и с т о ф е л ь

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Как вы вдвоем, — все помню я

Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Что́ думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Ф а у с т

Говори. Ну, что?

М е ф и с т о ф е л ь

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал!
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистой?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решаешь на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело;
Так на продажную красу,
Насытись ею торопливо,

Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключение...

Фауст

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Мефистофель

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст

Всё утопить.

Мефистофель

Сейчас.

(Исчезает)

Ⓢ муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные клеветы,
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы, —
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

1823—1825

НА АЛЕКСАНДРА I

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел —
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел!

1823—1825

ДРУЖБА

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

1824—1825

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

1825

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и, верно, надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

1826

К ВЯЗЕМСКОМУ

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

1826

К ЯЗЫКОВУ

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

1826

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1

Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казачи, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет' меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли, молодца, не дремала,
Казачков моих добром наделила.
Что ничем еще тебя мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

Ходил Стенька Разин
 В Астрахань-город
 Торговать товаром.
 Стал воевода
 Требовать подарков.
 Поднес Стенька Разин
 Камки хрущатые,
 Камки хрущатые —
 Парчи золотые.
 Стал воевода
 Требовать шубы.
 Шуба дорогая:
 Полы-то новы,
 Одна боброва,
 Другая соболья.
 Ему Стенька Разин
 Не отдает шубы.
 «Отдай, Стенька Разин,
 Отдай с плеча шубу!
 Отдашь, так спасибо;
 Не отдашь — повешу
 Что во чистом поле,
 На зеленом дубе
 Да в собачьей шубе».
 Стал Стенька Разин
 Думати думу:
 «Добро, восвода,
 Возьми себе шубу.
 Возьми себе шубу,
 Да не было б шуму».

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

ПРИЗНАНИЕ

Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —

Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетесь в даль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечером?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня нетрудно!..
Я сам обманываться рад!

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, --
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

1826

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1826

В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадою старик
Читает библию. Седые
На книгу падают власы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая.
Сидит в другом углу, головой
Поникнув, молодой еврей,
Глубоко в думу погруженный.
В печальной хижине старушка
Готовит позднюю трапезу.
Старик, закрыв святую книгу,
Застежки медные сомкнул.
Старуха ставит бедный ужин
На стол и всю семью зовет.
Никто нейдет, забыв о пище.
Текут в безмолвии часы.
Уснуло все под сенью ночи.
Еврейской хижины одной
Не посетил отрадный сон.
На колокольне городской
Бьет полночь. — Вдруг рукой тяжелой
Стучатся к ним. Семья вздрогнула,

Младой еврей встает и дверь
С недоумением отворяет —
И входит незнакомый странник.
В его руке дорожный посох.

1826

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь прашуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...

Скучно, грустно... завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ящик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

1826

НЯНЕ

Шодруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе

1826

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827

ЗОЛОТО И БУЛАТ

«**В**се мое», — сказало злато;
«Все мое», — сказал булат.
«Все куплю», — сказало злато;
«Все возьму», — сказал булат.

1827

СОЛОВЕЙ И РОЗА

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь — она цветет; зываешь — нет ответа.

1827

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах все темно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит, полна вчерашней казни.
Мучений свежий след кругом:
Где труп, разрубленный с размаха,
Где столп, где вилы; там котлы,
Остывшей полные смолы;
Здесь опрокинутая плаха;
Торчат железные зубцы,
С костями груды пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...
Недавно кровь со всех сторон
Струею тощей снег багрила,
И подымался томный стон,

Но смерть коснулась к ним, как сон,
Свою добычу захватила.
Кто там? Чей конь во весь опор
По грозной площади несется?
Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздается?
Кто сей? — Кромешник удалой.
Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье.
Он говорит: «Мой конь лихой,
Мой верный конь! лети стрелой!
Скорей, скорей!..» Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчатся был готов,
Но борзый конь под плетью бьется,
Храпит, и фыркает, и рвется
Назад. «Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!..» И конь усталый
В столпы под трупом проскакал.

ЕК. Н. УШАКОВОЙ

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хóчу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

1827

АНГЕЛ

В двѣрях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, — он рек, — тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не все я в небе ненавидел,
Не все я в мире презирал».

1627

АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны весла. В тишине,
На руль склонясь, наш кормщик
умный
В молчаньи правил грузный чолн;
А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

1827

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит
Последний ключ — холодный ключ забвенья.
Он слаще всех жар сердца утолит.

1827

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

1827

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальных умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отрыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

1827

19 ОКТЯБРЯ 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

1827

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;

И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя, —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

ПОСЛАНИЕ ДЕЛЬВИГУ

Прими сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну, словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон,
Конечно, был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен, впрочем, был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик, и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать об Лотхен, или с горя
Стихи писать да бить жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один;
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира
Висели на стене рядком.
Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона

Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу —
Предмет занятий разнородных
Ученого да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердце высоких отпечаток.
Студент, однако ж, наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет,
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет;
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображенье
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорит: «Нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?»

Клянусь тебе айдесским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей».
Смутился кистер изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Идти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сонм почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?»
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нем.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет все готово,
И другу назначает час.
Они расстались.

День угас;
Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо пробовое,

Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастью, похищение совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении баронских костей из погреба в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою *будущего*, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай
И скандинавов рай воинский
В пирах домашних воскрешай,
Или, как Гамлет-Баратынский,
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвой проповедник,
Вином ли полный иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

1827

ДРУЗЬЯМ

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнаньи жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещения плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

В черновой рукописи стихотворение имеет следующее продолжение:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.

Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу <моему> наносит хладный
свет

Неотразимые обиды.

Я слышу <вкруг меня> жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шепот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавый.
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые, — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.
Но оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

1828

НАПЕРСНИК

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Тай, тай свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

1828

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;

И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

1828

УТОПЛЕННИК

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».
«Врите, врите, бесенята, —
Заворчал на них отец. —
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?» — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,

Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалась река,
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика;
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» — «Эй, впусти, хозяин!» —
«Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Черт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно». —
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Все в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!» —
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясса ночь он напролет,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;

Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

1828

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого
Не убитого, живого.

1828

ЕЕ ГЛАЗА

● Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

1828

АНЧАР¹

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,

¹ Древо яда.

С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы,
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

1828

ПОЭТ И ТОЛПА

Procul este, profani.

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;

Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог! . . так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагоприятны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!

Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

1828

Tel j'étais autrefois et tel je suis encore.

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиления,
Без робкой нежности и тайного волнения.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы...

1828

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

1828

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы...

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

1828

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

1828

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрую рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости золотой.

Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснойбай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.

Но ни один волшебник милый,
Владелец умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

1828

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

1829

ПРИМЕТЫ

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было;
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

1829

КАЛМЫЧКЕ

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног;
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: *Ma dov'ée*,
Галоп не прыгаешь в собранье. . .
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.

Друзья! не все ль одно и то же:
Забиться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

1829

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

1829

ДЕЛИБАШ

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы? ..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

1829

ИЗ ГА ФИЗА

(Лагерь при Евфрате)

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встретит:
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

1829

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне,
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;

И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

1829

К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

1829

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома! ..
Ну, пошел же, погоняй! ..

Как сатирой безымянной
Лик зойла я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В полученьи оплеухи
Расписался мой дурак?

1829

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних воли упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, осwirелев,
Свои берега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал,

И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.

1829

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысю по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и позднеей уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко. . . Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет. . . Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор

О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевели,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы), —
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и выюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

1829

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный, —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.

Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И наведем поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1829

(При посылке бронзового Сфинкса)

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные
розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто славянин молодой, грек духом, а родом
германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

1829

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь господина Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу век
Не случилось паладину,
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
В встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

Lumen coeli, sancta Rosa! —
Восклицал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Все влюбленный, все печальный,
Без причастья умер он;

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,

Душу рыцаря собирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

1829

ЭПИГРАММА

Мальчишка Фебу гимн поднес.
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лет ему, вопрос?» —
«Пятнадцать». — «Только-то? Эй, розгу!»
За сим принес семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций,
И Фебу вслух прочел Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев, как от дурмана,
Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

Δ829

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

ДОН

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

1829

Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва
И ты по приговору света
На честь утратила права, —

Один, среди толпы холодной,
Твои страдания я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья:
К забвенью сердце приготовь;

Не пей мутительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

1829

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

1830

ОТВЕТ

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных жаракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам. . . столь неправым,
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

1830

В часы забав иль праздной скуки
Бывало лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

1830

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, иступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

1830

СОНЕТ

Scorn not the sonnet, critic.

Wordsworth

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камознс облакал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы, в размер его стесненный,
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гексаметра священные напевы.

1830

К ВЕЛЬМОЖЕ

(Москва)

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесть его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распростишься, увидел ты Версаль.

Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало все. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир,
То читатель промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деиству,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкий отрока восторгов полный сон,
Где жены вечером выходят на балкон,

Глядят и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный, в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Там лавры зыблются, там апельсины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,
Как златом усыплен надзор угрюмой тетки;
Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Все изменилось. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиную Версаль и Трианон
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Диде́рот,
Энциклопедии скептический причет,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Все новое кипит, бывшее истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились молодые поколения.
Жестоких опытов собирая поздний плод,

Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры,
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

Один все тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переносусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги
праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

1830

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Клянусь коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Клянусь речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковерных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

1830

ПОЭТУ

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

1830

МАДОННА

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, среди медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

1830

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин. . .
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик! . . .» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;

Там верстою` небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне. . .

1830

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

1830

ОТВЕТ АНОНИМУ

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим, —
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагодарно кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
«Тем лучше, — говорят любители искусств, —

Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастье поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

1830

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны
разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

1830

ПРОЩАНИЕ

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбуду.
Пронется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь? .. Уж нет ли
Соперника здесь? ..

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

1830

Румяный критик мой, насмешник

толстопузый,

Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.
Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь
оставить!

И песенкою нас веселой позабавить? —

Куда же ты? — В Москву — чтоб графских
именин

Мне здесь не прогулять.

— Пстой — а карантин!

Ведь в нашей стороне индийская зараза.

Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа

Бывало сиживал покорный твой слуга;

Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

1830

РИФМА

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пенея.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушна памяти
строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

1830

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

В нем веры чистый луч потух:
В нем жены по кладбищам ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черпем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены там сидят.

Алла велик!

К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар —
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рушука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликав псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернели.
Алла велик. — Тогда султан
Был духом гнева обуян.

ЗАКЛИНАНИЕ

О, если правда, что в ночи.
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы, —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно, сюда! сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,

Не для того, что иногда
Сомнением мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

1830

ГЕРОЙ

Что есть истина?

Д р у г

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сил избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

П о э т

Все он, все он — пришлец сей бранный.
Пред кем смирилися цари,
Сей ратник, вольноотбою венчаный,
Исчезнувший, как тень зари.

Д р у г

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля, — и молчит?

П о э т

Нет, не у счастья на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне;
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмураясь, ходит меж одрами

И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Д р у г

Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас, —¹
И где ж очарованье света!

П о э т

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

Д р у г

Утешься

29 сентября 1830
Москва

1 Mémoires de Bourrienne.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

1830

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

1830

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят.
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.
Блещут оба красотою,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни им она дороже
И, как слава, им мила;
Но один ей мил — кого же
Дева сердцем избрала?
«Кто, реши, любим тобою?» —
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

1830

ИЗ BARRY CORNWALL

Here's a health to thee, Mary.

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;-
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.

1890

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Смесь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не ассессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен превратность.
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рождением знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов,

И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало нами дорожили;
Бывало... но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы.
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Post scriptum

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап

Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он? .. он в Мещанской дворянин.

1830

Глухой глухого звал к суду судьи глухого.
Глухой кричал: «Моя им сведена корова!» —
«Помилуй, — возопил глухой тому в ответ, —
Сей пустошью владел еще покойный дед».

Судья решил: «Чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата».

1830

ЦЫГАНЫ

Над лесистыми берегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

1830

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой. .
Все спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин.
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатери́нинских орлов.

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас. . .

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас,
О старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвеньё
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный?
Но храм — в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон...

1831

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

❶ чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славяннов кровь;
Но тяжело будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошенные гости!
Уж Польша вас не поведет:

Через ее шагнете кости!..»
Сбылось — и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы:
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

В бореньи падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?

За кем останется Волянь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: все стоит она!
А вокруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;

Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

1831

ЭХО

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
 На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
 Родишь ты вдруг.

Ты внимлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
 И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
 И ты, поэт!

1831

Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш,
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

МАЛЬЧИКУ

(Из Каталла)

Minister vetuli, puer,

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Вы же, воды, прочь теките
И струей, вину враждебной,
Строгих постников поите:
Чистый нам любезен Бахус.

1882

ГНЕДИЧУ

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.
И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаясь лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,
Разбил ли ты свои скрижали?
О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой.
Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Вослед Бовы иль Еруслана.

КРАСАВИЦА

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце не питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

1832

К***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется? . . . Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Все — даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

1832

(ИЗ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКОГО)

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши
блистают;
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
Ладана сладостный дым; другой открывает
амфору,
Запах веселый вина разливая далече; сосуды
Светлой студеной воды, золотистые хлебы,
янтарный
Мед и сыр молодой — все готово; весь убран
цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы,
о други,
Должно творить возлиянья, вещать благовещие
речи,
Должно бессмертных молить, да сподобят нас
чистой душою
Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы
приступим:
Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться;
но слава
Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

1832

*

(ИЗ АФЕНЕЯ)

Славная флейта, Феон, здесь лежит.

Старец, ослепший от лет, некогда Скирпал
И, вдохновенный, нарек младенца Феоном.

Сладостно Вакха и муз славил приятный
Славил и Вáтала он, молодого красавца:

Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй,
Феон!

1832

Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций,
Обнаженных и стыдливых,
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружбе многолетней.
Мудрый после третьей чаши
Все венки с главы слагает
И творит уж возлиянья
Благодатному Морфею.

1832

ГУСАР

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу шей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой —
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином — хоть пару поддавай,
А молодницы-молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки *чернобровой*.
Одним, одним не хороши...»
— А чем же? Расскажи, служивый.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка!

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: Эй, кума! —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись, о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно;
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря

(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря),

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,

Разделась дбнага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу — и улизнула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя! ..
И с печки слез — и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь! .. И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало,
И все: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! все в печку поскакало.

Кой черт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей! .. и на зсмь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! Но я, не струся:

Домой? да! черта с два! почему
Мне знать дорогу? — Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.

— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты дура!

Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вот и конь. —
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

— Садись. — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: все так же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вот что случается порою».

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали зиды».

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал. .

1833

ВОЕВОДА

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей, ты, кликнул, чертов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы! — Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. Я ж ее!»

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,

На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Все пропало,
Чем лишь только я бывало
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье. . .
Воевода все купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья,
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать».

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
«Пан мой, делить мне не можно, —
Бедный хлопец прошептал. —
Ветер, что ли; плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал». —

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Ныне сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от прусаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета;
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха:
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж, верно, оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела — что котенок у печки,
И как роза румяна, а бела что сметана;
Очи светятся будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе жонку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку».

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж, видно, убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.
«Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли
ли?» —
«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?» —
«Нет, отец мой; полячка младая».

ОСЕНЬ

(Отрывок)

Чего в мой дремлющий тогда
не входит ум?

Державин

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной
я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр
и волен,

Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги —
Медведю надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы-старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,

Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;

Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривую, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно, — а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,

ВИНО

(Ион Хиосский)

Злое дитя, старик молодой, властелин
добронравный,
Гордость внушающий нам, шумный заступник
любви!

1833

Не дай мне бог сойти с ума
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума —
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку, как зверка,
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
 Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих
Да брань зрителей ночных,
 Да визг, да звон оков.

1833

Сват Иван, как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать так поминать,
Начинать так начинать,
Лить так лить, разлив разливом.
Начинай-ка, сват, пора.
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый раз помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогам да вином,
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отраднo,
И не пил бы и не ел,

Все бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам недосужно)
Надо будет помянуть —
Помянуть и этих нужно...
Слушай, сват, начну первой,
Сказка будет за тобой.

1833

Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом —
и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром.

1834

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Предисловие

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года, под названием *La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine*. Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, кри-

тик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них странную диссертацию.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен; С. А. Соболевский, по моей просьбе, писал о том к Мери-ме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо: *

Париж, 18 января 1835

Я думал, милостивый государь, что у Гузлы было только семь читателей, в том числе вы, я и корректор: с большим удовольствием узнаю, что могу причислить к ним еще двух, что составляет в итоге приличное число девять и подтверждает поговорку — никто не пророк в своем отечестве. Буду отвечать на ваши вопросы чистосердечно. Гузлу я написал по двум мотивам, — во-первых, я хотел посмеяться над «местным колоритом», в который мы слепо ударились в лето от рождества Христова 1827. Для объяснения второго мотива расскажу вам следующую историю. В том же 1827 году мы с одним из моих друзей задумали путешествие по Италии. Мы набрасывали карандашом по карте наш маршрут. Так мы прибыли в Венецию — разумеется, на карте, — где нам надоели встречавшиеся англичане и немцы, и я предложил отправиться в Триест, а оттуда в Ра-

* Далее следует текст письма по-французски. Приводим здесь его перевод. — *Ред.*

гузу. Предложение было принято, но кошельки наши были почти пусты, и эта «несравненная скорбь», как говорил Рабле, остановила нас на поддороге. Тогда я предложил сначала описать наше путешествие, продать книгопродавцу и вырученные деньги употребить на то, чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись. На себя я взял соби́рание народных песен и перевод их; мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов. Осень я провел в деревне. Затра́к у нас был в полдень, я же вставал в десять часов: выкурив одну или две сигары и не зная, что делать до прихода дам в гостиную, я писал балладу. Из них составилась томик, который я издал под большим секретом, и мистифицировал им двух или трех лиц. Вот мои источники, откуда я почерпнул этот столь превознесенный «местный колорит»: во-первых, небольшая брошюра одного французского консула в Банялуке. Ее заглавие я позабыл, но дать о ней понятие нетрудно. Автор старается доказать, что босняки — настоящие свиньи, и приводит этому довольно убедительные доводы. Местами он употребляет иллирийские слова, чтобы выставить напоказ свои знания (на самом деле, быть может, он знал не больше моего). Я старательно собрал все эти слова и поместил их в примечания. Затем я прочел главу: *Dei costumi dei Morlachi* [О нравах Морлаков] из «Путешествия по Далмации» Фортиса. Там я нашел текст и перевод чисто иллирийской заплачки жены Ассана-Аги; но песня эта переведена

стихами. Мне стоило большого труда получить построчный перевод, для чего приходилось сопоставлять повторяющиеся слова самого подлинника с переложением аббата Фортиса. При некотором терпении я получил дословный перевод, но относительно некоторых мест все еще затруднялся. Я обратился к одному из моих друзей, знающему по-русски, прочел ему подлинник, выговаривая его на итальянский манер, и он почти вполне понял его. Замечательно, что Нодье, откопавший Фортиса и балладу Ассана-Аги и переведший с поэтического перевода аббата, еще более опозитизировав его в своей прозе, — прокричал на всех перекрестках, что я обокрал его. Вот первый стих в иллирийском тексте: «Scto se bieli u *gorie zelenoj*», Фортис перевел: «*Che mai biancheggia nel verde Bosco*». Нодье перевел *Bosco* — *зеленеющая равнина*; он промахнулся, потому что, как мне объясняли, *gorie* означает: *гора*. Вот и вся история. Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался, и проч.

1

В П Д Е Н И Е К О Р О Л Я

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят — королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,

Голову отсечь ему грозитя
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воеет ночная птица,
Она чует беду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.

Не сова воеет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви божией не видит,
Лишь король то слышал и видел:
Из палат своих он выходит
И идет один в божию церковь.

Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь божию входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.

Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку² ему достигает...

Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги *богумилы*.³
На амвоне сам султан безбожный,
Держит он на-голо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.

Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный справа,
Униженно стоя на коленях,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленях,
Его сын, Радивой окаянный,
Басурманскою чалмою покрытый
(С тою самую веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный *фалангой*.⁴

И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами,
И промолвил потом Радивою:
«Будь над Боснией моей ты властелином,
Для гяур-християн беглербеем».⁵
И отступник бил челом султану
Трижды пол окровавленный целуя.

И султан прислужников кликнул
И сказал: «Дать кафтан Радивою! ⁶
Не бархатный кафтан, не парчовый,
А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного».
Бусурмане на короля наскочили,
Донага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожу Радивоя.

Громко мученик господу взмолился:
«Прав ты, боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!»

При сем имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло,
Все исчезло — будто не бывало.

И король ошупью в потемках
Кое-как до двери добрался
И с молитвою на улицу вышел.

Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба, ⁷
И пошли бусурмане на приступ.

ЯНКО МАРНАВИЧ

Что в разъездах бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья.
Но он бродит, как гайдук бездомный,
С той поры, как Кирила умер.

В церкви Спаѣа они братовались,⁸
И были по богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.

Веселбе было пированье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие беи побранились.

Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он, тоскуя, бродит,
Словно вол, ужаленный змиею.

Наконец он на родину воротился
И вошел в церковь святого Спаса.
Там день целый он молился богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
«Посмотри, жена, ты в окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселе?»
Жена встала, в окошко поглядела
И сказала: «На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно».
Повернулся Янко Марнович
И тихонько стал читать молитву.

Помолившись, он опять ей молвил:
«Посмотри, что ты видишь в окошко?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу, вон, малый огонечек
Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою».
Улыбнулся Янко Марнович
И опять стал тихонько молиться.

Помолясь, он опять жене молвил:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что там еще видно?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу я на реке сиянье,
Близится оно к нашему дому».
Бей вздохнул и с постели свалился.
Тут и смерть ему приключилась.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ⁹

Радивой поднял желтое знамя:
 Он идет войной на бусурмана.
 А далматы, завидя наше войско,
 Свои длинные усы закрутили,
 Набекрень надели свои шапки
 И сказали: «Возьмите нас с собою: ¹⁰
 Мы хотим воевать бусурманов».
 Радивой дружелюбно их принял
 И сказал им: «Милости просим!»
 Перешли мы заповедную речку,
 Стали жечь турецкие деревни,
 А жидов на деревьях вешать. ¹¹
 Беглербей со своими бошняками
 Против нас пришел из Банялуки; ¹²
 Но лишь только заржали их кони
 И на солнце их кривые сабли
 Засверкали у Зеницы-Великой,
 Разбежались изменники далматы;
 Окружили мы тогда Радивоя
 И сказали: «Господь бог поможет,
 Мы домой воротимся с тобою
 И расскажем эту битву нашим детям».
 Стали биться мы тогда жестоко,
 Всяк из нас троих воинов стоил;
 Кровью были покрыты наши сабли
 С острия по самой рукояти.
 Но когда через речку стали
 Тесной кучкою мы переправляться,
 Селихтар ¹³ с крыла на нас ударил

С новым войском, с конницею свежей.
Радивой сказал тогда нам: «Дети,
Слишком много собак-бусурманов,
Нам управиться с ними невозможно.
Кто не ранен, в лес беги скорее
И спасайся там от Селихтара».
Всех-то нас оставалось двадцать,
Все друзья, родные Радивою,
Но и тут нас пало девятнадцать;
Закричал Георгий Радивою:
«Ты садись, Радивой, поскорее
На коня моего вороного;
Через речку вплавь переправляйся,
Конь тебя из погибели вымчит».
Радивой Георгия не послушал,
Наземь сел, поджав под себя ноги.
Тут враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

4

ФЕОДОР И ЕЛЕНА

.
.

Стамати был стар и бессилен,
А Елена молода и проворна;
Она так-то его оттолкнула,
Что ушел он, охая да хромая.
Подделом тебе, старый бесстыдник!
Ай да баба! отделалась славно!

Вот Стамати стал думать думу:
Как ему погубить бы Елену?
Он к жиду-лиходею приходит,
От него он требует совета.
Жид сказал: «Ступай на кладбище,
Отыщи под камнями жабу
И в горшке сюда принеси мне».

На кладбище приходит Стамати,
Отыскал под камнями жабу¹⁴
И в горшке жиду ее приносит.
Жид на жабу проливает воду,
Нарекает жабу Иваном
(Грех велик христианское имя
Нареши такой поганой твари!).
Они жабу всю потом искололи,
И ее — ее ж кровью наполни;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспелую сливу.

И Стамати мальчику молвил:
«Отнеси ты Елене эту сливу
От моей племянницы в подарок».
Принес мальчик Елене сливу,
А Елена тотчас ее съела.

Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодежи,
Что змия у ней в животе шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.

Та ее молоком напоила,
Но змия в животе все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будет ей от мужа,
Как воротится он из-за моря!
И Елена стыдится и плачет,
И на улицу выйти не смеет,
День сидит, ночью ей не спится,
Поминутно сестрице повторяет:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый год проходит, и — Феодор
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бежит к нему навстречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как ни ищет он ее глазами.
«Где ж Елена?» — наконец он молвил;
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.

Пришел он в дом свой — и видит,
На постеле сидит его Елена.
«Встань, Елена», — говорит Феодор.
Она встала, — он взглянул сурово.
«Господин ты мой, клянусь богом
И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди».

Но Феодор жене не поверил:
Он отсек ей голову по плечи.
Отсекши, он сам себе молвил:
«Не сгублю я невинного младенца,
Из нее выну его живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так, наверно, отца его узнаю
И убью своего злодея».

Распорол он мертвое тело.
Что ж! — наместо милого дитяти,
Он черную жабу находит.
Взвыл Феодор: «Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди».

Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провещала:

«Я невинна. Жид и старый Стамати
Черной жабой меня окормили».
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.

И Феодор Стамати зарезал,
А жида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.

ВЛАХ В ВЕНЕЦИИ¹⁵

Как покинула меня Парасковья,
И как я с печали промотался,
Вот далмат пришел ко мне лукавый:
«Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины что у нас каменя:

Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротись в шитом долимане
С кинжалом на серебряной цепочке.

И тогда-то играй себе на гусях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь».

Я послушался лукавого далмата.
Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне как камень,
Я неволен, как на привязи собака.

Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай;
Я завял, как пересаженный кустик.

Как у нас бывало кого встречу,
Слышу: «Здравствуй, Дмитрий Алексич!»
Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь я точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.

6

ГАЙДУК ХРИЗИЧ

В пещере, на острых камнях
Притаился храбрый гайдук Хризич.¹⁶
С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выйти.
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,
В них прицелятся тотчас сорок ружей.
Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красно солнце,
И вода во впадине иссякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь бог! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не смели;
Они только очи отирали,
Как от них отворачивался Хризич.

В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую мать,
Будто волк на спящую козу.
Его брат, видя то, испугался.
Закричал он старшему брату:
«Милый брат! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умрем мы голодную смертью,
Станем мы выходить из могилы
Кровь сосать наших недругов спящих». ¹⁷
Хризич встал и промолвил: «Полно!
Лучше пуля, чем голод и жажда». ¹⁸
И все трое со скалы в долину
Сбежали, как бешеные волки.
Семерых убил из них каждый,
Семью пулями каждый из них
прострелен;
Головы враги у них отсекли
И на копыта свои насадили, —
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич
с сыновьями.

7

**ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ
И АКИНФА МАГЛАНОВИЧА** ¹⁸

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты, как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдется как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров, — и сына Яна
Мне хозяйка родила.

Деду в честь он назван Яном;
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом
И стреляет из ружья.

Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.
Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет — узнаешь сам.

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава бсгу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

МАРКО ЯКУБОВИЧ

У ворот сидел Марко Якубович;
Перед ним сидела его Зоя,
А мальчишка их играл у порогу.
По дороге к ним идет незнакомец,
Бледен он и чуть ноги волочит,
Просит он напиться ради бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:
«Это что под горою там видно?»
Отвечает Марко Якубович:
«То кладбище наше родовое».
Говорит незнакомый прохожий:
«Отдыхать мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж недолго».
Тут широкий розвил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
«Три дня, — молвил, — ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.
Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин».

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.
Вдруг сказала молодая Зоя:

«Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле».
Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.

Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу
И с молитвой мертвеца схоронили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Все лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу калуер приходит,
Посмотрел на ребенка и молвил:
«Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зуб вурдалака,¹⁹ поверь мне».

Вся деревня за старцем калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят — труп румяный и свежий,
Ногти выросли, как вороны когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы, —
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.

Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трещали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.

Калуер могильною землею ²⁰
Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним молитвы.
На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому две недели,
В эту пору умер злой прохожий».

Вдруг собака громко завывала,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Марко,
Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник раскрывши,
Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.

На другие сутки в ту же пору
Пес залаял, дверь отворилась,
И вошел человек незнакомый.

Был он ростом как цесарский рекрут.
Сел он молча и стал глядеть на Марко;
Но старик молитвой его прогнал.

В третий день вошел карлик малый, —
Мог бы он верхом сидеть на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его прогнал,
И с тех пор уж он не возвращался.

9

БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ

«Черногорцы? что такое? —
Бонапарте спросил. —
Правда ль: это племя злое
Не боится наших сил?

Так раскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам».

Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

Нам сдаваться нет охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем, —
Вот они вступили в горы,
Истребляя все кругом.

.
.

Идут тесно под скалами.
Вдруг, смятение!.. Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

«Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!»

Ружья грянули — упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам. «Это что? —
Удивясь, они сказали. —
Эхо, что ли?» Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

10

СОЛОВЕЙ

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота —
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота —
Красну девицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.

ПЕСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМ

Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
«Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты господ бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?»
Отвечает Георгий угрюмо:
«Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи».
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
«Воротися, отец, воротися!
Отпусти мне невольное слово».
Старый Петро не слушает, грозитя:
«Вот ужо, разбойник, тебе будет!»
Сын ему вперед забегаает,
Старику кланяется в ноги.
Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий
И хватает за сивую косу.

«Воротись, ради господа бога:
Не введи ты меня в искушенье!»
Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.
Закричал Петро, зашатавшись:
«Помоги мне, Георгий, я ранен!»
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему навстречу.
«Что, Георгий, куда делся Петро?»
Отвечает Георгий сурово:
«За обедом старик пьян напился
И заснул на белградской дороге». ²¹
Догадалась она, завопила:
«Будь же богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!»
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.

12

ВОЕВОДА МИЛОШ

Над Сербией смилуйся ты, боже!
Заедают нас волки янычары!
Без вины нам головы режут,
Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку

Распевать зазорные песни
И плясать бусурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали, —
Уж и им нестерпимо насилье.
Гусяры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уж не сербы, — цыганы?
Или вы не мужчины, — старухи?
Вы бросайте ваши белые дома,
Уходите в Велийское ущелье, —
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.

13

В У Р Д А Л А К

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой.

Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит —
Кто-то кость, ворча, грызет.

Ваня стал — шагнуть не может.
Боже! думает бедняк,

Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Что же? вместо вурдалака —
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

14

СЕСТРА И БРАТЬЯ²²

Два дубочка выросли рядом,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядом выросли,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула,
А меж ими сестра их Елица.
Сестру братья любили всем сердцем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорит она Радуловой любе:
«Невестушка, по богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такого,

Чтоб сестра омерзела братьям?»
·Отвечает Радулова любя:
«По богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такого;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братья мои любили,
И мне всякую оказывали милость».
·Вот пошла Павлиха к водопою,
·Да зарезала коня вороного
·И сказала своему господину:
·«Сам себе назло сестру ты любишь,
·На беду даришь ей подарки:
·Извела она коня вороного».
·Стал Елицу допытывать Павел:
·«За что это? скажи бога ради».
·Сестра брату с плачем отвечает:
·«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
·Клянусь жизнью твоей и моею!»
·В ту пору брат сестре поверил,
·Вот Павлиха пошла в сад зеленый,
·Сивого сокола там заколола
·И сказала своему господину:
·«Сам себе назло сестру ты любишь,
·На беду даришь ты ей подарки:
·Ведь она сокола заколола».
·Стал Елицу допытывать Павел:
·«За что это? скажи бога ради».
·Сестра брату с плачем отвечает:
·«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
·Клянусь жизнью твоей и моею!»
·И в ту пору брат сестре поверил.
·Вот Павлиха по вечеру поздно

Нож украла у своей золовки
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая.
«Сам себе назло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Заколола у нас она ребенка.
А когда еще ты мне не веришь,
Осмотри ты нож ее злаченный».
Вскочил Павел, как услышал это,
Побежал к Елице во светлицу:
На перине Елица почивала,
В головах нож висел злаченный,
Из ножен вынул его Павел, —
Нож злаченный весь был окровавлен.
Дернул он сестру за белу руку:
«Ой, сестра, убей тебя боже!
Извела ты коня вороного
И в саду сокола заколола,
Да за что ты зарезала ребенка?»
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли ж ты не веришь моей клятве,
Выведи меня в чистое поле,
Привяжи к хвостам коней борзых,
Пусть они мое белое тело
Разорвут на четыре части».
В ту пору брат сестре не поверил;
Вывел он ее в чистое поле,
Привязал ко хвостам коней борзых

И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха все хворает, —
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павлиха;
Говорит она своему господину:
«Слышишь ли, господин ты мой, Павел,
Сведи меня к золовкиной церкви,
У той церкви, авось, исцелюся».
Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья».
Как услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господин ты мой! прошу тебя богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих ко́ней
И пусти их по чистому полю».
Своей любви послушался Павел.
Привязал ее к хвостам своих ко́ней
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросло там тернье да крапива;

Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Ворон конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,
На той люльке сидит сокол-птица,
Лежит в люльке маленький мальчик;
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоченый.

15

ЯНЫШ КОРОЛЕВИЧ²⁸

Полюбил королевич Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красные лета,
В третье лето вздумал он жениться
На Любусе, чешской королевне.
С прежней любой идет он проститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Да гремучие серьги золотые,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Сам ей вдел он серьги золотые,
Навязал на шею ожерелье,
Дал ей в руки с червонцами черес,
В обе щеки поцеловал молча
И поехал своею дорогой.
Как одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Из ушей выдернула серьги,
Ожерелье надвое разорвала,

А сама кинулась в Мораву.
Там на дне молодая Елица
Водяною царицей очнулась
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вот проходят три года и боле,
Королевич ездит на охоте,
Ездит он по берегу Моравы;
Захотел он коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запененную морду
Сунул конь в студеною воду,
Из воды вдруг высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернул голову в испуге,
На узде висит Водяница,
Как на уде пойманная рыбка, —
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздою золотою;
Но стряхнуть Водяницы не может.
Чуть в седле усидел королевич,
Чуть сдержал коня вороного,
Осадив могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорит ей Яныш королевич:
«Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль богом проклятая Вила?»
Отвечает ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отец Яныш королевич,

А зовут меня Водяницей». Королевич при таком ответе Соскочил с коня вороного, Обнял дочь свою Водяницу И, слезами заливаясь, молвил: «Где, скажи, твоя мать Елица? Я слышал, что она потонула». Отвечает ему Водяница: «Мать моя царица водяная; Она властвует над всеми реками, Над реками и над озерами; Лишь не властвует она синим морем, Синим морем властвует Див-Рыба». Водянице молвил королевич: «Так иди же к водяной царице И скажи ей: Яныш королевич Ей поклон усердный посылает И у ней свидания просит На зеленом берегу Моравы. Завтра я заеду за ответом». Они после того расстались.

Рано утром, чуть заря зарделась Королевич над рекою ходит; Вдруг из речки, по белые груди, Поднялась царица водяная И сказала: «Яныш королевич, У меня свидания просил ты: Говори, чего еще ты хочешь?» Как увидел он свою Елицу, Разгорелись снова в нем желанья, Стал манить ее к себе на берег.

«Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мне на зеленый берег,
Поцелуй меня попрежнему сладко,
Попрежнему полюблю тебя крепко».
Королевицу Елица не внимает,
Не внимает, головою кивает:
«Нет, не выду, Яныш королевич,
Я к тебе на зеленый берег.
Слаще прежнего нам не целоваться,
Крепче прежнего меня не полюбишь.
Расскажи-ка мне лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любовью, молодой женою?»
Отвечает Яныш королевич:
«Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит».

16

К О Н Ъ

«**Ч**то ты ржешь, мой конь
ретивый,

Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удиц?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?»

Отвечает конь печальный:
«Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж недолго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей шеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чапрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».

П р и м е ч а н и я

¹ Фома I был тайно умерщвлен своими двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан, по внушению папского легата, решился воевать с турками. Он был побежден и бежал в Ключгород, где Магомет осадил его. Захваченный в плен, он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу.

² *Щиколодка*, по московскому наречию щиколка.

³ Так называют себя некоторые иллирийские раскольники.

⁴ *Фаланга*, палочные удары по пятам.

⁵ Радивой никогда не имел этого сана; и все члены королевского семейства истреблены были султаном.

⁶ *Кафтан*, обыкновенный подарок султанов.

⁷ Анахронизм.

⁸ Трогательный обычай *братования*, у сербов и других западных славян, освящается духовными обрядами.

⁹ Неизвестно, к какому происшествию относится эта песня.

¹⁰ Потеря сражения приписывается далматам, ненавистным для влахов.

¹¹ Жида в турецких областях суть вечные предметы гонения и ненависти. Во время войны им доставалось от мусульман и христиан. Участь их, замечает В. Скотт, походит на участь летучей рыбы. — Мериме.

¹² *Банялука*, прежняя столица Боснийского пашалыка.

¹³ *Селихтар*, меченосец.

¹⁴ Все народы почитали жабу ядовитым животным.

¹⁵ Мицкевич перевел и украсил эту песню.

¹⁶ *Гайдук*, глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями.

¹⁷ Западные славяне верят существованию *упырей* (vampire). См. песню о *Марке Якубовиче*.

¹⁸ Мериме поместил в начале своей *Gizla* известие о старом гусяре Иакинфе Маглановиче;

неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта. *

Заметка об Иакинфе Маглановиче

Иакинф Магланович — единственный мне знакомый гуслир, который в то же время был бы поэтом; большинство гуслиров повторяют старые песни или самое большое — сочиняют подражания, заимствуя стихов двадцать из одной баллады, столько же из другой и связывая все это при помощи скверных стихов собственного изделия.

Поэт наш родился в Звониграде, как он сам говорит об этом в балладе «Шиповник в Велико». Он был сын сапожника, и его родители, по видимому, не сильно беспокоились о его образовании, ибо он не умеет ни читать, ни писать. В возрасте восьми лет он был похищен *чинженегами*, или цыганами. Эти люди увели его в Боснию, где и обучали своему искусству и без труда обратили его в магометанство, исповедуемое большинством среди них.¹ Один «айан», или старшина, в Ливно отнял его у цыган и взял себе в услужение, где он и пробыл несколько лет.

* Далее следует французский текст. Приводим здесь его перевод. — *Ред.*

¹ Все эти подробности были сообщены мне в 1817 году самим Маглановичем.

Ему было пятнадцать лет, когда один католический монах обратил его в христианство, рискуя быть посаженным на кол в случае обнаружения этого, ибо турки отнюдь не поощряют миссионерской деятельности. Юный Иакинф недолго задумывался над тем, чтобы покинуть своего хозяина, достаточно сурового, как и большинство босняков; но, уходя из его дома, он задумал отомстить за дурное обращение. Однажды ночью, в грозу, он ушел из Ливно, захватив с собой шубу и саблю хозяина, с несколькими цехинами, какие ему удалось похитить. Монах, окрестивший его, сопровождал его в бегстве, совершенном, вероятно, по его совету.

От Ливно до Синя, в Далмации, миль двенадцать. Беглецы скоро прибыли туда, под покровительство венецианского правительства, в безопасности от преследований айана. Здесь-то Магланович сочинил свою первую песню; он воспел свое бегство в балладе, которая привлекла внимание некоторых, и с нее-то началась его известность.¹

Но он был без средств к существованию, а по природе своей не был расположен к труду. Благодаря морлацкому гостеприимству некоторое время он жил на подаяния сельских жителей, оплачивая им пением какой-нибудь заученной им старой песни. Вскоре он сочинил несколько новых песен на случаи свадеб и погребений, и его

¹ Я тщательно разыскивал эту балладу. Сам Магланович ее забыл или, может быть, стыдился петь мне первый свой поэтический опыт.

присутствие стало настолько необходимым, что ни один праздник не считался удачным, если на нем не было Маглановича со своей гузлой.

Так он жил в окрестностях Синя, мало беспокоясь о своих родных, судьба которых ему доныне осталась неизвестной, так как со дня похищения он ни разу не бывал в Звониграде.

Двадцати пяти лет это был красивый молодой человек, сильный, ловкий, прекрасный охотник и, сверх того, знаменитый поэт и музыкант; его уважали все, в особенности девушки. Та, которой он отдавал предпочтение, звалась Марией и была дочерью богатого морлака, по имени Злариновича. Он легко добился взаимности и, по обычаю, похитил ее. У него был соперник по имени Ульян, нечто вроде местного сеньора, который заранее проведаль о похищении. Иллирийские нравы таковы, что отвергнутый любовник легко утешается и не косится на своего счастливого соперника; но этот Ульян решил ревновать и препятствовать счастью Маглановича. В ночь похищения он явился с двумя слугами в ту минуту, когда Мария села на лошадь, чтобы следовать за возлюбленным. Ульян угрожающим голосом приказал остановиться. Соперники, по обычаю, были вооружены. Магланович выстрелил первый и убил сеньора Ульяна. Если бы у него была семья, то она поддержала бы его, и он не покинул бы страны из-за таких пустяков; но он был одинок, против него — готовая на месть семья убитого. Он быстро пришел к решению и

скрылся с женой в горах, где присоединился к гайдукам.¹

Он долго жил с ними и даже был ранен в лицо при схватке с пандурами.² Наконец, заработав кое-какие деньги, как я полагаю, не особенно честным способом, он оставил горы, купил скот и поселился в Каттаро с женой и детьми. Дом его около Смоковича, на берегу речонки или потока, впадающего в озеро Врана. Жена и дети заняты коровами и фермой; он же вечно в разъездах; часто посещает он своих старинных друзей гайдуков, но не принимает уже участия в их опасном промысле.

Я встретил его в Заре впервые в 1816 г. В то время я свободно говорил по-иллирийски и сильно желал услышать какого-нибудь известного поэта. Мой друг, уважаемый воевода Николай ***, встретил в Белграде — месте своего жительства — Иакинфа Маглановича, ему ранее известного, и, зная, что он направлялся в Зару, снабдил его письмом ко мне. Он писал мне, что если я желаю послушать гуслеяра, то должен сперва подпить его; ибо вдохновение на него сходило лишь тогда, когда он бывал почти пьян.

Иакинфу было в то время около шестидесяти лет. Это — высокий человек, еще крепкий и сильный для своего возраста, широкоплечий, с необычайно толстой шеей; лицо его удивительно загорелое, глаза маленькие и слегка приподнятые по

¹ Род разбойников.

² Полицейские солдаты.

углам, орлиный нос, довольно красный от крепких напитков, длинные белые усы и густые черные брови, все это вместе дает образ, незабываемый для того, кто видел его хоть раз. Прибавьте к тому длинный шрам через бровь и вдоль щеки. Непостижимо, как он не лишился глаза при таком ранении. Голова у него была бритая, по почти всеобщему обычаю, и носил он черную барашковую шапку; платье его было очень поношенное, но притом весьма опрятное.

Войдя ко мне в комнату, он передал мне письмо воеводы и присел без стеснения. Когда я прочел письмо, он сказал тоном довольно презрительного сомнения: — Так вы говорите по-иллирийски. — Я отвечал немедленно на этом языке, что достаточно понимаю по-иллирийски, чтобы оценить его песни, которые мне очень хвалили. — Ладно, ладно, — отвечал он, — но я хочу есть и пить; я буду петь, когда поем. — Мы вместе пообедали. Мне показалось, что он голодал по меньшей мере дня четыре, с такой жадностью он ел. По совету воеводы, я подливал ему, и друзья мои, которые, услышав о его приходе, пришли ко мне, наполняли его стакан ежеминутно. Мы надеялись, что когда этот необычайный голод и жажда будут удовлетворены, наш гость соблаговолит нам что-нибудь спеть. Но ожидания наши оказались напрасны. Вдруг он встал из-за стола и, опустившись на ковер у огня (дело было в декабре), заснул в пять минут, и не было никакой возможности разбудить его.

Я был удачливее в другой раз, я постарался напоить его лишь настолько, чтобы воодушевить его, и тогда он спел мне много баллад, находящихся в этом сборнике.

Должно быть, голос его был прежде хорош, но тогда он был немного разбит. Когда он пел, играя на гузле, глаза его оживали, и лицо принимало выражение дикой красоты, которую художники охотно заносят на полотно.

Он со мною расстался довольно странным способом: пять дней жил он у меня и на шестой утром ушел, и я тщетно ждал его до вечера. Мне сказали, что он ушел из Зары к себе домой; но в то же время я заметил исчезновение пары английских пистолетов, которые, до его поспешного ухода, висели у меня в комнате. Я должен добавить к его чести, что он мог равным образом унести и мой кошелек и золотые часы, которые были раз в десять дороже, чем взятые им пистолеты.

В 1817 году я провел дня два в его доме, где он принял меня, выказав живейшую радость. Жена его и все дети и внуки окружили меня и обнимали, а когда я ушел от них, старший сын служил мне проводником в горах в течение нескольких дней, причем невозможно было уговорить его принять какое бы то ни было вознаграждение.

¹⁹ *Вурдалаки, вудкодлаки, упыри* — мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей.

²⁰ Лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из его могилы.

²¹ По другому преданию, Георгий сказал товарищам: «Старик мой умер; возьмите его с дороги».

²² Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских песен Вука Стефановича.

²³ Песня о Яныше королевиче в подлиннике очень длинна и разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то не всю.

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1834

(ИЗ АНАКРЕОНА)

Отрывок

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

1835

ОДА LVI

(ИЗ АНАКРЕОНА)

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне не много
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда.

ОДА LVII

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

1835

ПОЛКОВОДЕЦ

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных

мадонн,

Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...

Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой

Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем далее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп
голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый!.. Суров был
жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый не влюбя,
Своими криками преследуя тебя.
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал..
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был непоколебим пред общим заблужденье;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1835

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Шокров, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
Алкиду передан. Алкид его приял.
В божественной крови яд быстрый побежал.
Се — ярый мученик, в ночи скитаясь, воеет;
Стопами тяжкими вершину Эты роет;
Гнет, ломит древеся; исторженные пни
Высоко громоздит; его рукой они
В костер навалены; он их зажег; он всходит;
Недвижим на костре он в небо взор возводит;
Под мышцей палица; в ногах немейский лев
Разостлан. Дунул ветер; поднялся свист и рев;
Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
Уносит к небесам бессмертный дух героя.

1835

...**В**новь я посетил

Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, ввечер еще бродил
Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно синяя стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой

Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилиу крылья
Ворочая при ветре...

На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их
МИМО

Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я, и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
Попрежнему все пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук

Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

1835

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА

Подражание латинскому

Ты угасал, богач молодой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Займодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
 Не трогалась с ковра.

В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей
Смущеньем лица омрачались;
Вздыхали верные рабы
И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, что сулили
 Им тайные судьбы.

А между тем наследник твой,
Как ворон, к мертвечине падкой,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.

Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.

Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану няньчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трын-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая, ликуют;
Рабы, как добрая семья,
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: бесценный дар она;
Умей же пользоваться ею;
Укрась ее; года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Ваш брак благословят.

ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу *деда*
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,

И раздался в честь науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг
задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

1835

ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ

Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Тот же в нас огонь мятежный,
Жизнью мы живем одной.
Не боюсь я насмешек:
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под единой скорлупой.

1835

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

1835

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В БАБКИ

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой
о колени
Бодро оперся, другой поднял меткую кость
Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ
любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удалой
игре.

1836

От меня вечер Леила
Равнодушно уходила.
Я сказал: «Постой, куда?»
А она мне возразила:
«Голова твоя седа».
Я насмешнице нескромной
Отвечал: «Всему пора!
То, что было мускус темный,
Стало нынче камфора».
Но Леила неудачным
Посмеялася речам
И сказала: «Знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам».

1836

Д. В. ДАВЫДОВУ

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир;
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач — при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

1836

(ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ)

Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей
И бросил труп живой в гортань геенны
смрадной
гладной...

Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лице
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

1836

(ИЗ ПИНДЕМОНТИ)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, *слова, слова, слова.*¹
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья,
Вот счастье! вот права...

1836

¹ Hamlet.

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут, —
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать. . .

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;

Наместо праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колбясь и шумя...

1836

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех среди песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем Лицея день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть
века!

Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали царь;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник Лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей, —
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас. . . и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!

Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их

1836

Exegi monumentum.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Велению божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глумца.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является собранием избранных стихотворных произведений Пушкина. Объем издания заставил соответственно ограничить его состав. Поэтому здесь мало представлены лицейская лирика и незавершенные стихотворения. Стремясь отразить в сборнике свойственное Пушкину разнообразие жанров и тем, мы в то же время добивались такого подбора произведений, который дал бы представление о творческом развитии поэта и о многообразии его творчества.

Тексты даны по полному собранию сочинений Пушкина в десяти томах, изданному Академией наук СССР в 1951 году. Орфография и пунктуация по возможности приближены к современным нормам.

Случаи, когда принадлежность того или иного стихотворения Пушкину считается спорной, оговорены в примечаниях. Даты написания произведений даны при текстах.

В примечаниях, в соответствии с принципами издания, даются лишь краткие, необходимые для понимания текста справки. Мифологические имена, упоминаемые в печатаемых здесь произведениях Пушкина, объяснены в словаре, приложенном к третьему тому.

Подготовка издания закончена в 1953 году.

СТИХОТВОРЕНИЯ

К другу стихотворцу. Это стихотворение является первым произведением Пушкина, появившимся в печати («Вестник Европы», 1814, № 13). Предполагают, что оно обращено к В. Кюхельбекеру. *Арист* — условное имя стихотворца. *Отец второй «Тилемахиды»* — вероятно, Кюхельбекер. «Тилемахида» — очень тяжелый стихотворный перевод Третьяковского романа Фенелона «Похождения Телемаха». *Витгенштейн* Петр Христиан (1768—1842) — русский генерал, участвовавший в войне 1812 года. *Рифматов, Графов, Бибрус* — сатирические прозвища участников шишковской «Беседы» Ширинского-Шихматова С. А., гр. Хвостова Д. И. и Боброва С. С. *Глазунов* — петербургский книгопродавец. *Руссо* Жан-Батист (1670—1741) — французский лирик. *Камюэнс* Луис (1524—1580) — португальский поэт, автор героико-эпической поэмы «Лузиады». *Костров* Е. И. (1750—1796) — поэт и переводчик. *Ювенал* (ок. 50 г.—127 г. н. э.) — знаменитый древнеримский сатирик. *Рамаков* — литературный критик Макаров П. И. (1765—1804).

Пирующие студенты. Стихотворение написано в лицее, когда, как рассказывает И. Пущин, Пушкин лежал в лазарете. В каждой строфе Пушкин упоминает кого-либо из своих лицейских товарищей. *Кант* Иммануил (1724—1804) — немецкий философ-идеалист. *Сенека* (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — римский философ из школы

стойков. *Тацит* (I—II в. н. э.) — знаменитый римский историк. *Галич* А. И. (1783—1848) — профессор, преподававший в лицее русскую и латинскую словесность в 1814—1815 годах. Лекции его пользовались большим успехом у лицеистов. *Эпикур* (IV—III в. до н. э.) — греческий философ, проповедовавший, что цель жизни — наслаждение. *Дельвиц* А. А. (1798—1831) — поэт, друг Пушкина. *Сиятельный повеса* — Горчаков А. М. (1798—1883) — лицеист, сделавший впоследствии блестящую карьеру. *Товарищ милый* — Пущин И. И. (1798—1859), впоследствии декабрист. В строфе 6, возможно, имеется в виду М. Л. Яковлев (1798—1868), один из лицейских поэтов. *Повеса из повес* — Малиновский И. В., которого в лицее звали «казаком». *Платов* М. И. (1751—1818) — атаман донских казаков, прославившийся в Отечественной войне 1812 года. *Милый наш певец* — Корсаков Н. А. (1800—1820). *Роде записной* — Яковлев М. Л., игравший на скрипке. Роде — известный в то время скрипач. *Вильгельм* — Кюхельбекер В. К. (1797—1846).

Воспоминания в Царском Селе. Прочитано Пушкиным на публичном экзамене в лицее в присутствии Державина в январе 1815 года. В 1819 году Пушкин переделал это стихотворение, устранив из него упоминание об Александре I, но не напечатал в новой редакции (вероятно, потому, что оно было уже широко известно в первом варианте). *Петров* В. П. (1736—1799) писал оды А. Г. Орлову, М. А. Румянцеву

и на отдельные победы Суворова. *Коварством, дерзостью венчанного царя* — т. е. Наполеона. *Воитель поседельный* — великий русский полководец Кутузов М. И. (1745—1813). *Галлия* — древнее название Франции. *Скальд России* — В. А. Жуковский, воспевавший подвиг 1812 года в стихотворении «Певец во стане русских воинов».

Г о р о д о к. *Рифмов* — условное имя бездарного поэта. *Фернейский злой крикун и отец Кандида* — французский писатель и публицист Вольтер Франсуа-Аруэ (1694—1778), автор повести «Кандид»; Ферней — местность в Швейцарии, где жил Вольтер. *Эврипид* (485—406 до н. э.) — древнегреческий драматург, младший из трех знаменитых греческих трагиков (Эсхил, Софокл, Эврипид). *Ариосто Лодовико* (1474—1533) — знаменитый итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд». *Торквато Тассо* (1544—1595) — итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим». *Виргилий* (Публий Виргилий Марон, 70—19 годы до н. э.) — римский поэт, автор героической поэмы «Энеида». *Гораций* (65—8 годы до н. э.) — римский поэт. *Наперсник милый психеи златокрылой* — И. Ф. Богданович (1743—1803) — автор шуточной поэмы «Душенька». *Лафонтен Жан* (1621—1695) — французский поэт-баснописец. *Дмитриев И. И.* (1760—1837) — поэт, единомышленник и друг Карамзина. *Вержье Жак* (1657—1720) — французский поэт, в свое время особенно известный непристойными сказками. *Парни Эварист Дефорж* (1753—1814) — французский поэт-лирик. *Грекур*

Жозеф (1683—1743) — французский аббат, поэт, автор фривольных сказок. *Озеров В. А.* (1769—1816) — известный в то время драматург, автор ряда трагедий. *Расин Жан* (1639—1699) — знаменитый французский драматург. *Княжнин Я. Б.* (1742—1791) — поэт и драматург. *Аристарх* (II в. до н. э.) — александрийский грамматик, автор комментариев к греческим писателям. Имя его стало нарицательным для придирчивого литературного критика. *Лагарп Франсуа* (1739—1803) — французский писатель-классицист, друг Вольтера, автор многотомного труда «Лицей, или Курс древней и новой литературы». *Визгов* — Висковатов С. И. (1786—1831), бездарный драматург. *Буянова певец* — Василий Львович Пушкин, дядя А. С. Пушкина, автор нашумевшей в свое время шуточной рукописной поэмы «Опасный сосед», героем которой был Буянов. *И ты, шутник бесценный*, — Крылов И. А. (1769—1844), баснописец и автор сатирических пьес. *Чернавка* и *Подципла* — персонажи шутотрагедии И. А. Крылова «Трумф». *Свистов* — в первом случае И. Барков (1732—1768), автор непристойных стихов, во втором — Хвостов Д. И. (1757—1835), бездарный поэт, приверженец устарелых форм поэзии XVIII в.

К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин»). *Каверин П. П.* (1794—1855) — офицер гвардейского полка, стоявшего в Царском Селе.

Товарищам («Промчались годы заточенья»). Написано при окончании лицея. *Крас-*

ный колпак — фригийская шапочка, служившая во время французской революции символом свободы.

К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада. *Огарева* Е. С. (1786—1870) — светская красавица, с которой Пушкин встречался в Царском Селе в доме Карамзина.

Кривцову («Не пугай нас, милый друг»). *Кривцов* Н. И. (1791—1843) — приятель Пушкина, брат декабриста С. И. Кривцова.

Вольность. Ода была написана на квартире декабриста Н. И. Тургенева, из окон которой был виден Михайловский замок («памятник тирана» — Павла I). Стихотворение это, распространившееся в России в огромном количестве нелегальных списков, послужило одной из основных причин ссылки Пушкина на юг. *Возвышенный галл* — французский революционный поэт Экушар Лебрэн (1729—1807). *В сгущенной мгле предрассуждений*. — Пушкин имеет в виду религиозные предрассудки. *Восходит к смерти Людовик* — подразумевается казнь французского короля Людовика XVI. *Злодейская порфира* — диктатура Наполеона I. *Самовластительный злодей* — повидимому, Наполеон (но эту строфу относили к Александру I). *Забвенью брошенный дворец* — Михайловский замок, в котором был убит Павел I (это убийство описывается в следующих

строфах). *Калигула* — один из самых деспотических и жестоких римских императоров, убитый в своем дворце приближенными.

Сказки. Noël. Написано в связи с приходом Александра I в 1818 году с Аахенского конгресса, где была подписана декларация русского и австрийского императоров, а также прусского короля о политике подавления малейших признаков революционного движения в Европе. Стихотворение посвящено обличению Александра I — *кочующего деспота*, возглавившего контрреволюционный Священный Союз и выступившего в 1818 году на открытии польского сейма с речью, в которой он лицемерно обещал России конституцию. *Noël* — французская народная сатирическая песенка на мотив рождественских песнопений. *Лавров И. П.* — директор исполнительного департамента в министерстве полиции. *Соц В. И.* — секретарь цензурного комитета в министерстве полиции. *Горголи И. С.* — петербургский оберполицмейстер в 1811—1821 годах.

К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы»). Стихотворение было предназначено Пушкиным для нелегального распространения и широко использовалось декабристами в целях революционной агитации. *Чаадаев П. Я.* (1794—1856) — писатель-философ, в молодости офицер гвардейского гусарского полка, член «Союза Благоденствия», впоследствии (1836) автор знаменитого «Философического письма», за которое

был объявлен царским правительством сумасшедшим. Оказал значительное влияние на формирование свободолюбивых взглядов молодого Пушкина.

На Стурдзу. Эпиграмма была широко распространена в списках. *Стурдза А. С.* (1791—1854) — реакционный публицист, апологет Священного Союза. *Герострат* — грек, сжегший храм Артемиды в Эфесе, чтобы прославиться. *Коцебу* Август — немецкий реакционный писатель, убитый студентом Зандом.

На Н. М. Карамзина. Связано с выходом в свет первых томов «Истории Государства Российского» Карамзина. Пушкину приписывались несколько эпиграмм на Карамзина, но, по его собственному признанию, им была написана одна (какая именно — неизвестно). В десятитомном издании сочинений Пушкина Академии наук 1951 года в качестве эпиграммы, скорее всего принадлежавшей Пушкину, печатается следующая:

Послушайте: я сказку вам начну
Про Игора и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,
А может быть, про трозного царя...
— И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».

Мы полагаем, что более вероятным является написание Пушкиным политически-острой эпиграммы. Во всяком случае, приводимая в данном

сборнике эпитаграмма должна вводиться в сочинения Пушкина с оговоркой о том, что авторство Пушкина считается дискуссионным.

Н. Н. (В. В. Энгельгардту). *Энгельгардт В. В.* (1785—1837) — петербургский знакомый Пушкина.

Деревня. Стихотворение было написано в Михайловском, куда Пушкин приезжал летом 1819 года. Распространялось в рукописных копиях. Впервые напечатано полностью в 1870 году.

Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь»). *Толстой Я. Н.* (1791—1867) — приятель Пушкина, один из руководителей общества «Зеленая лампа». *Эпиктет* (I—II в. н. э.) — греческий философ-стоик.

На Аракчеева. *Преданный без лести* — девиз в гербе царского временщика Аракчеева.

К портрету Чаадаева. О Чаадаеве см. стр. 595. *Брут* — республиканец, заколовший римского императора Цезаря. Имя его стало символом борца за свободу. *Периклес* — один из крупнейших государственных деятелей древних Афин, при котором наступил расцвет афинской демократии.

Юрьеву («Любимец ветренных Лаис»). *Юрьев Ф. Ф.* (1796—1860) — лейб-улан, приятель Пушкина по литературному кружку «Зеленая лампа».

«Погасло дневное светило». Написано на корабле по пути из Феодосии в Гурзуф.

Дочери Карагеоргия. Стихотворение написано в Кишиневе. *Карагеоргий* (Георгий Черный — см. Песни западных славян) — один из вождей сербского восстания. Недалеко от Кишинева, в Хотине, жила семья Карагеоргия.

Черная шаль. Впервые опубликовано Пушкиным под заголовком «Молдавская песня».

«Редет облаков летучая гряда». Стихотворение написано в Каменке. *И дева юная* — Пушкин, вероятно, имел в виду Ек. Н. Раевскую.

В. Л. Давыдову («Меж тем как генерал Орлов»). *Давыдов В. Л.* (1792—1855) — один из виднейших членов Южного общества декабристов. В имении Давыдова Каменке, служившем местом совещаний членов тайного общества, Пушкин пробыл с ноября 1820 до начала марта 1821 года. Стихотворение насыщено намеками на кишиневские события. *Генерал Орлов* — Орлов М. Ф. (1788—1842), член «Союза Благоденствия», тогда бывший женихом Ек. Н. Раевской. *Безрукий князь* — Александр Ипсиланти, весной 1821 года возглавивший восстание в Молдавии. *Седой обжора* — кишиневский митрополит Гавриил. *Те и та*: те — члены итальянского общества карбонариев, организовавшего революционные выступления в Италии; та — свобода.

Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»). *Овидий* (Публий Овидий Назон, 43 г. до н. э. — 18 г. н. э.) — древнеримский поэт, сосланный императором Августом в город Томы на берегу Черного моря и умерший в изгнании. *Оратор Лужников* — М. Каченовский, подписывавший некоторые свои статьи псевдонимом «Лужницкий старец». *Шептинг* — знакомый Пушкина, который был известен как скучный, надоедливый человек.

Кинжал. Стихотворение широко распространялось декабристами в рукописных копиях. *Лемносский бог* — Вулкан, бог огня, свергнутый Зевсом на остров Лемнос и ставший там кузнецом. *Апостол гибели* — Марат (1743—1793). ... *дева Эменида* — Шарлотта Кордэ, убившая Марата. *Занд Карл* (1795—1820) — немецкий студент, заколовший кинжалом в 1819 году агента русской полиции, реакционного писателя Коцебу.

Наполеон. Написано по поводу смерти Наполеона. *Тильзит* — город в Восточной Пруссии, где в 1807 году состоялось свидание Александра I и Наполеона и был заключен мир, по которому Россия и Франция обязались помогать друг другу. *Австерлиц* (Аустерлиц) — город в Моравии, у которого в 1805 году Наполеон одержал победу. В 1812 году, перед Бородинским сражением, когда показалось солнце, Наполеон воскликнул: «Солдаты, это солнце Аустерлица!» Но Бородинский бой был началом сокрушительного разгрома Наполеона.

Война. Написано в связи с восстанием греков против турецкого владычества. В это время распространились слухи о том, что Россия выступит в защиту греков. Пушкин мечтал участвовать в войне на стороне восставших.

«Гречанка верная! не плачь, — он пал героем». Стихотворение связано с греческим восстанием 1821 года. *Аристокитон* (VI в. до н. э.) — римский юноша, составивший вместе с братом Гармодием заговор против тирана Гиппарха. Гармодий был убит телохранителями Гиппарха, Аристокитон — казнен.

К Овидию. *Скифия* — древнее название южной России. *Истр* — Дунай. Под именем *Октавия* Пушкин подразумевал Александра I.

В черновом и одном из белых рукописных текстов последних шести стихов нет, и после стиха «Не славой — участью я равен был тебе» следовали два заключительных:

Но не унизил век изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

Песнь о вещем Олеге. Сюжет заимствован из рассказа летописца о смерти Олега. «Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия — да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического», — писал Пушкин в 1825 году в письме к А. Бестужеву.

Из письма к Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша»). *Толстой Я. Н.* — см. стр. 597. В послании упоминаются собрания «Зеленой лампы». *Калмык* — слуга Всеволожского, прислуживавший во время пирушек.

Иностранке. В рукописи имеется пометка «Гр<ечанке?>». Возможно, адресовано гречанке Калипсо Полихрони, которую Пушкин знал в Кишиневе. Ей же посвящено стихотворение «Гречанке» (см. стр. 219).

Послание цензору. При жизни Пушкина не печаталось и распространялось в рукописных копиях. Стихотворение обращено к одному из наиболее реакционных и тупых цензоров царской России, А. С. Бирукову; Пушкин развертывает здесь своеобразную политическую декларацию. *Бунина А. П.* (1774—1829) — поэтесса, состоявшая в реакционной «Беседе любителей русского слова». *Бюффон Луи* (1707—1788) — французский естествоиспытатель. *Куницын* — профессор, преподававший в лицее, автор запрещенного в 1821 году курса Естественного права. *Певец Пиров* — Баратынский Е. А. *Барков И.* (1732—1768) — автор непристойных стихов. *Шаликов П. И.* (1768—1852) — поэт сентиментальной школы. *Наказ Екатерины* — инструкция для «Комиссии по составлению нового уложения», написанная в либеральном духе. *Сатирик превосходный* — Фонвизин Д. И. (1745—1792). *Кутейкин* — герой его комедии «Недоросль». *Бентам И.* (1748—1832) — ан-

глийский буржуазный правовед-моралист. *Миллот* (1726—1785) — аббат, французский историк.

Ф. Н. Глинке («Когда среди оргий жизни шумной»). *Глинка* Ф. Н. (1786—1880) — поэт, один из вождей «Союза Благоденствия». В связи с ссылкой Пушкина обратился к нему в печати с приветственным посланием, ответом на которое и является это стихотворение. *Аристид* (IV—V в. н. э.) — афинский государственный деятель, слывший образцом честности и справедливости.

«Свободы сеятель пустынный». Стихотворение отражает настроения Пушкина в связи с укреплением реакции в России и разгромом революционного движения на Западе.

«Недвижный страж дремал на царственном пороге». Стихотворение характеризует реакционную деятельность Александра I (*Владыки Севера*), возглавившего Священный Союз. *Чудный муж* — Наполеон. В 4-й строфе речь идет о революционных движениях 1820—1821 годов в Италии и Испании.

К Языкову («Издравле сладостный союз»). *Языков* Н. М. (1803—1846) — поэт. Находился под большим влиянием поэзии Пушкина. В это время жил в Дерпте, учась в университете.

К морю («Прощай, свободная стихия»). Написано в связи с отъездом Пушкина из Одессы в ссылку в Михайловское. Строфы о Наполеоне были прибавлены Пушкиным позже. *Другой от нас ум-*

чался гений — Байрон, умерший в апреле 1824 года. *Заветным умыслом томим* — намек на неудавшийся замысел Пушкина бежать из Одессы.

Подражания Корану. Эти стихотворения являются свободной переработкой отдельных глав (сур) Корана. Высокую оценку «Подражаниям» дал Белинский, назвавший этот цикл «блестящим алмазом в поэтическом венке Пушкина». Большая часть «Подражаний» была написана в Тригорском, имени П. А. Осиповой.

Чаадаеву («К чему холодные сомненья?»). Пушкин датировал это стихотворение в печати 1820 годом, отмечая, что написал его в Крыму, на месте, где, по преданию, находился древнегреческий храм Артемиды. В действительности стихотворение было написано после того, как Пушкин прочел книгу И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде», вышедшую в 1823 году и утверждавшую, что храм Артемиды находится не у Георгиевского монастыря. Стихотворение основано на мифе о бегстве Ифигении с братом Орестом, который был осужден на приношение в жертву Артемиде. *Провозвестница Тавриды* — Ифигения. *Святое дружбы торжество* — имеется в виду дружба Ореста и Пилада (Пилад хотел заменить Ореста, осужденного на жертву Артемиде).

Второе послание цензору. Свя-
зано с надеждами Пушкина на изменение цензур-
ной политики после назначения министром про-

свещения А. С. Шишкова. Стихотворение не было рассчитано на печать и преследовало ту же цель, что и первое «Послание цензору». Положительную оценку Шишкову Пушкин, по его собственному признанию, дал, имея в виду «пользу нашей словесности и усмирение кичливого Красовского» (невежественного и самонадеянного цензора). *Тимковский* И. О. (1768—1837) был одним из самых придирчивых цензоров в Петербурге. *Святой отец* — Голицын А. Н. (1773—1844) — министр народного просвещения и духовных дел. *Омар* (VII в.) — калиф, уничтоживший, по преданию, знаменитую Александрийскую библиотеку. *Гали* (602—661) — арабский калиф, основавший религиозную секту шиитов. *Бантыш-Каменский* В. Н. (1788—1850) — старший сын археографа, известный своими пороками. *Магницкий* М. Л. (1778—1855) и *Кавелин* Д. А. (1778—1851) — реакционеры, принимавшие деятельное участие в разгроме Петербургского университета. *Галич* А. И. — см. стр. 591; в то время был профессором Петербургского университета, был обвинен в атеизме и раскаялся.

На *Фотия*. Принадлежность эпиграммы Пушкину окончательно не установлена. *Фотий* (1792—1838) — один из влиятельных реакционных церковников конца царствования Александра I, пособник Аракчеева.

На *Воронцова* («Сказали раз царю, что наконец»). *Риего* — испанский революционер, казненный в Мадриде 7 ноября 1823 года. *Усердный*

льстец — гр. Воронцов, сказавший Александру I при получении известия об этой казни: «Какое счастливое известие, ваше величество, одним мерзавцем меньше».

Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову. Пародия эта, адресованная бездарному виршеписцу Хвостову, направлена против авторов «торжественных од» вообще. *Фемистокл* (V—IV в. до н. э.) — знаменитый государственный деятель и полководец Афин. *Мильтиад* (VI—V в. до н. э.) — афинский полководец, победитель персов при Марафоне.

Жив, жив в Курилка! Эпиграмма направлена против редактора «Вестника Европы» Каченовского. В феврале 1825 года в этом журнале появились «Мысли и замечания», подписанные «Юст Веридиков» и направленные против Пушкина. Появление этих заметок и послужило непосредственным поводом для создания эпиграммы. Кто такой Юст Веридиков, точно не установлено. Полагают, что это либо Каченовский, либо его единомышленник и сотрудник его журнала М. Дмитриев.

Ех ипגיע Ιεοπεт. По поводу стихотворения Пушкина «Прятелям» (стр. 278) издатель журнала «Благонамеренный» А. Е. Измайлов в анонимной заметке писал: «Страшно, очень страшно. Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть когти». Ответом на этот отзыв и является эпиграмма.

Андрей Шенье. *Андрэ Шенье* (1762—1794) — политически умеренный поэт французской революции, казненный по обвинению в монархическом заговоре. Пушкин же изобразил здесь Шенье человеком, преданным до конца идеям свободы. В лирическом монологе Шенье Пушкин отразил личные переживания. Об этом свидетельствуют и слова Пушкина в одном из писем к Вяземскому: «Суди об нем, как иезуит — по намерению». Отрывок из монолога Шенье распространялся после декабрьского восстания в нелегальных списках с надписью «На 14 декабря» и вызвал политический процесс, окончившийся для Пушкина установлением секретного полицейского надзора.

К*** («Я помню чудное мгновенье»). В этом стихотворении Пушкин вспоминает первую встречу с А. П. Керн в 1819 году в доме Олениных; вторично поэт встретился с ней уже через несколько лет, будучи в ссылке в Михайловском. 19 июля 1825 года, в день отъезда Керн из Тригорского, где она гостила, Пушкин передал ей эти стихи.

19 октября («Роняет лес багряный свой убор»). Посвящено ежегодно праздновавшейся лицейской годовщине (19 октября — день открытия лицея). Содержит упоминания ряда лицестов: в четвертой строфе говорится о Корсакове, умершем в Италии в 1820 году, в пятой — о моряке Матюшкине, в девятой — вспоминается по-

сещение Михайловского Пушкиным 11 января 1825 года, в десятой — встреча с Горчаковым в сентябре 1825 года, в одиннадцатой — приезд Дельвига в Михайловское в апреле 1825 года, в тринадцатой — содержится обращение к Кюхельбекеру. В рукописи имеется ряд зачеркнутых строф и, в частности, следующая (после стиха «Он взял Париж, он основал Лицей»):

Куницу дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию — и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Д в и ж е н и е. *Мудрец брадатый* — греческий философ Зенон (V в. до н. э.), утверждавший, что движение является суммой положений, из которых каждое отдельно взятое есть покой. *Другой* — Диоген.

«Люблю ваш сумрак неизвестный». В рукописи, являющейся ранней редакцией стихотворения и относящейся к 1822 году, имеются следующие стихи, в которых Пушкин говорит о «загробном» существовании:

Ты, сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,

Ничтожество! пустой призра́к,
Не жажду твоего покрова;
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливых дней не зная от века,
Я всё не верую в тебя.
Ты чуждо мысли человека!
Тебя страшится гордый ум!
Так путник, с вышины внимая
Ручьев альпийских вечный шум
И взоры в бездну погружая,
Невольным ужасом томим,
Дрожит, колеблется — пред ним
Предметы движутся, темнеют,
В нем чувства хладные немеют,
Кругом оплота ищет он, —
Все мчится, меркнет, исчезает,
И хладный обморока сон
На край горы его бросает...

Сцена из Фауста. Представляет собою вполне самостоятельное произведение, не связанное с «Фаустом» Гете и другими произведениями на эту тему.

К Вяземскому. Написано в связи со слухами (оказавшимися впоследствии ложными) о том, что деятель тайного общества декабристов Н. И. Тургенев арестован в Англии и пересылается морем в Петербург. Стихи посланы в письме Вяземскому и являются откликом на присланное им Пушкину стихотворение «Море».

К Языкову («Языков, кто тебе внушил»). Написано в ответ на послание Н. М. Языкова Пушкину, посвященное воспоминаниям о встрече поэтов летом 1826 года в Тригорском.

Песни о Стеньке Разине. Песни написаны по фольклорным и историческим источникам.

Признание. Обращено к А. И. Осиповой, падчерице соседки Пушкина по Михайловскому, хозяйки Тригорского П. А. Осиповой.

И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный»). Стихотворение это, в котором Пушкин вспоминает проезд к нему Пущина в 1825 году в Михайловское, было отправлено Пущину на каторгу вместе с адресованным декабристам посланием («Во глубине сибирских руд»). В более раннем, неоконченном послании И. И. Пущину 1825 года после стиха «Твой колокольчик огласил» следовало:

Забывтый кров, шалаш опальный
Ты вдруг отрадой оживил,
На стороне глухой и дальней
Ты день изгнанья, день печальный
С печальным другом разделил.
Скажи, куда девались годы,
Дни упований и свободы,
Скажи, что наши? что друзья?
Где ж эти липовые своды?

Где ж молодость? Где ты? Где я?
Судьба, судьба рукой железной
Разбила мирный наш лицей,
Но ты счастлив, о брат любезный,
На избранной чреде своей,
Ты победил предрассуденья
И от признательных граждан
Умел истребовать почтенья,
В глазах общественного мненья
Ты возвеличил темный сан.
В его смиренном основаньи
Ты правосудие блюдешь,
Ты честь
.

Стансы («В надежде славы и добра»). Стихотворение отражает кратковременные, неосуществившиеся надежды Пушкина на то, что он сможет повлиять на Николая I, склонить его к необходимости проведения программы широких реформ. С этой целью деятельность Петра Великого, который «смело сеял просвещение», приведена здесь Николаю I в качестве примера для подражания. В конце стихотворения указывается на необходимость смягчения участи осужденных декабристов. Но стихотворение было не понято даже друзьями Пушкина, оно было воспринято как отход от вольнолюбивых убеждений (подробнее о нем см. во вступительной статье). *Долго-рукий* Я. Ф. (1659—1720) — государственный деятель эпохи Петра I, пользовавшийся репутацией смелого и честного советника царя.

Няне. Обращено к Арине Родионовне, няне Пушкина. Стихотворение не было закончено.

«В глубине сибирских руд». Пушкин передал это стихотворение в начале января 1827 года жене декабриста Н. М. Муравьева, уезжавшей к мужу в Сибирь. На это послание декабрист А. Одоевский ответил стихами «Струн вещей пламенные звуки».

«Какая ночь! мороз трескучий». Стихотворение не окончено и является, повидимому, частью задуманного Пушкиным произведения из эпохи Ивана Грозного. *Кромешник* — опричник.

Е. К. Н. Ушаковой («В отдалении от вас»). Стихотворение написано перед отъездом Пушкина из Москвы в Петербург. У Пушкина в это время были серьезные опасения в связи со следствием по поводу распространения стихов из элегии «Андрей Шенье». *Ушакова Е. Н.* (1809—1872) — московская знакомая Пушкина.

Арион. Стихотворение аллегорически изображает связь Пушкина с восстанием декабристов. *Арион* — древнегреческий поэт и музыкант (VII—VI в. до н. э.), по преданию спасенный дельфином от гибели. Существенно видоизменив этот миф, Пушкин под именем Ариона разумел самого себя и прокламировал в стихотворении свою верность революционным идеям декабристов.

«Близ мест, где царствует Венеция златая». *Ринальд, Годфрид, Эрминия* — герои поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». *Веспер* — вечерняя звезда (планета Венера).

19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои...»). Написано к очередной лицейской годовщине (в этот день в 1811 году был открыт лицей). В последнем стихе имеются в виду находившиеся на каторге друзья Пушкина — И. Пущин и В. Кюхельбекер.

Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю»). Написано в ответ на упреки, вызванные напечатанием «Стансов» («В надежде славы и добра», стр. 346).

«Дар напрасный, дар случайный». Написано 26 мая — в день рождения Пушкина. Ответом на эти стихи явилось стихотворение московского митрополита Филарета. Пушкин ответил Филарету стихотворением «В часы забав иль праздной скуки» (стр. 427), которое, по всей вероятности, было продиктовано желанием отвести от себя содержащиеся в стихах Филарета прямые намеки на безверие поэта.

На персник. Обращено, вероятно, к А. Ф. Закровской (1799—1879), знакомой Пушкина, имевшей много поклонников. Ей же посвящено стихотворение «Когда твои молодые лета» (см. стр. 424).

Предчувствие. Стихотворение связано с привлечением Пушкина к секретному следствию по делу о поэме «Гавриилиада».

Ее глаза. Написано в ответ на стихотворение Вяземского «Черные очи», адресованное А. О. Россет. *Оленина А. А.* (1808—1888) — дочь президента Академии художеств, любителя искусств и литературы. Пушкин был одно время увлечен ею.

Анчар. При появлении в «Северных цветах» на 1830 год стихотворение было резко осуждено шефом жандармов Бенкендорфом. В последней строфе вместо слова «князь» было напечатано «царь», в связи с чем Пушкину пришлось давать объяснения Бенкендорфу, увидевшему здесь политическое иносказание. В следующем издании стихотворения Пушкин вновь вернулся к первоначальному тексту рукописей, где всюду стоит «князь».

Поэт и толпа. Первоначально печаталось Пушкиным под названием «Чернь». Подготавливая в 1836 году новое издание стихотворений, Пушкин изменил название. Под именем «толпы» Пушкин имел в виду придворную аристократию и правительственные круги, стремившиеся направить творчество поэта на служение их целям. Первоначально Пушкин начал стихотворение так:

Толпа холодная поэта окружала
И равнодушную хвалу ему жужжала,
Но равнодушно ей, задумчив, он внимал
И звучной лирою рассеянно бряцал.

В рукописи, вместо стиха «Довольно с вас, рабов безумных!» было:

Довольно с вас. Поэт ли будет
Возиться с вами сгоряча
И лиру гордую забудет
Для гнусной розги палача!
Певцу ль казнить, клеймить безумных?

Эпиграф взят из 6-й песни «Энеиды» Вергилия.

«Каков я прежде был, таков и ныне я». Эпиграф взят из Андрэ Шенье.

«В прохладе сладостной фонтанов». Стихотворение окончательно не отделано.

«Подъезжая под Ижоры». Обращено к Е. В. Вельяшовой, с которой Пушкин встретился в 1828 году в Тверской губ.

Калмычке. По словам Пушкина, стихотворение было написано «на одной из кавказских станций» во время его поездки на Кавказ, в Эрзерум (Арзрум), после того как он посетил калмыцкую кибитку. *Сен-Мар* — роман французского писателя Альфреда де Виньи. *Ma dou'è* — ария из оперы «Покинутая Дидона».

Д е л и б а ш. *Делибаш* — по-турецки — отчаянная голова. *Лавы* — определенное построение казачьего отряда.

И з Г а ф и з а («Не пленяйся бранной славой»). Написано Пушкиным в дни пребывания в действующей армии во время русско-турецкой войны.

К бюсту завоевателя. В стихотворении говорится о бюсте Александра I работы Торвальдсена.

«Как сатирой, безымянной». Направлено против критика Н. И. Надеждина, который в 1829 году злобно напал на Пушкина в статье, напечатанной в «Вестнике Европы» и подписанной псевдонимом «С Патриарших прудов».

«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?» В стихотворении дана характеристика Дельвига, о котором Пушкин писал в 1827 году: «Идиллии Дельвига удивительны. Какую должно иметь силу воображения, дабы из России так переселиться в Грецию, из XIX столетия в золотой век. . .» *Феокрит* (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор «буколических» поэм.

О т в е т («Я вас узнал, о мой оракул!»). Обращено к Е. Н. Ушаковой (см. стр. 611).

Сонет. Эпиграф к стихотворению взят из сонета английского поэта Вордсворта (1770—1850). *Творец Макбета* — Шекспир. *Певец Литвы* — великий польский поэт Адам Мицкевич.

К вельможе. Послание обращено к кн. Н. Б. Юсупову в ответ на приглашение приехать в его подмосковную усадьбу Архангельское. По определению Белинского, в послании дано «изображение целой эпохи в лице одного из замечательнейших ее представителей». *Аристипп* (IV в. до н. э.) — древнегреческий философ, проповедовавший культ наслаждений. *Циник поседельный* — Вольтер. *Армида* — Мария Антуанетта, жена Людовика XVI (названа здесь по имени прекрасной волшебницы из «Освобожденного Иерусалима» Тассо). *Трианон* — один из павильонов парка в Версале. *Двойственный собор* — нижняя и верхняя палаты в английском парламенте. *Севи́лла* — Севилья. *Д'Ольбах*, *Морле* — французские ученые-энциклопедисты. *Гальяни* (1728—1787) — итальянский экономист. *Касти Джамбаттиста* (1724—1803) — итальянский поэт, автор сатирических и эротических стихов. *Темира* — условное женское имя. *Алябьева А. В.* и *Гончарова Н. Н.* (будущая жена Пушкина) пользовались в Москве славой первых красавиц.

Мадо́нна. Сонет обращен к Н. Н. Гончаровой, которая тогда была невестой Пушкина.

Отвeт анониму. Написано в ответ на приветственное стихотворение, анонимно послан-

ное Пушкину ученым-египтологом И. А. Гульяновым в связи с предстоявшей женитьбой Пушкина.

Труд. Написано в связи с окончанием «Евгения Онегина».

«Стамбул гяуры нынче славят». Стихотворение было введено в «Путешествие в Арзрум» в сокращенной редакции.

Герой. Написано в связи с известием о приезде Николая I в Москву, где свирепствовала холера. Подписано стихотворение датой приезда Николая в Москву — 29 сентября 1830 года. Пребывание Николая I, встревоженного ожиданием массовых бунтов в связи с эпидемией, расценивалось в придворных кругах как поступок героя. *Пришлец сей бранный* — Наполеон, о посещении которым чумного госпиталя в Яффе Пушкин рассказывает далее. В последних стихах («Оставь герою сердце») Пушкин вновь указывал на необходимость смягчения участи декабристов.

«Для берегов отчизны дальной». Стихотворение посвящено памяти Амалии Ризнич (умерла в 1825 году в Италии).

Из Ваггу Согпwall («Пью за здравие Мери»). Эпиграф («Пью за твое здоровье, Мери») взят из стихотворения английского поэта Барри Корнуола (1787—1874).

Моя родословная. Написано в ответ на появившуюся в «Северной пчеле» пасквильную

статью о предках Пушкина, принадлежавшую перу продажного журналиста, полицейского шпиона Фаддея Булгарина (в конце стихотворения он назван *Фиглярин*). Первая строфа содержит указание на журнальную травлю Пушкина и его товарищей по «Литературной газете» как «литературных аристократов». Намеки Пушкина на «новую знать» имеют в виду конкретных лиц: *торговал блинами* — кн. А. Д. Меншиков, *ваксил царские сапоги* — гр. И. П. Кутайсов, камердинер Павла I, *пел с придворными дьячками* — гр. А. Г. Разумовский, фаворит Елизаветы, *из хохлов* — кн. А. А. Безбородко, приближенный Екатерины II, *беглый солдат* — гр. П. А. Клейнмихель. *Нижегородский мещанин* — К. М. Минин-Сухорук, организатор нижегородского ополчения. *С Петром мой пращур не поладил* — речь идет о Ф. Пушкине, участвовавшем в заговоре против Петра I и казненном им. *Мой дед, когда мятеж поднялся* — об Л. А. Пушкине, посаженном в крепость после дворцового переворота 1762 года, во время которого Миних пытался организовать сопротивление Екатерине II. *Мусины-Пушкины* — одна из ветвей рода Пушкиных, принадлежавшая к придворной аристократии. *Мещанская* — улица в Петербурге, где находились в то время публичные дома. В одном из таких домов, по слухам, жила до замужества жена Булгарина.

«Перед гробницею святой». Обращено к М. И. Голенищеву-Кутузову (1745—1813),

главнокомандующему русской армией в войне 1812 года с Францией. *Гробница святая* — гробница Кутузова в Казанском соборе в Петербурге. Стихотворение написано в июне 1831 года, когда русская армия терпела временное поражение в войне с войсками восставшей Польши, когда обострились международные отношения России, в связи с чем Пушкин опасался интервенции иностранных государств.

Клеветникам России. Написано в связи с антирусскими выступлениями в иностранной прессе и во французском парламенте во время польского восстания. «Того и гляди навяжется на нас Европа», — писал Пушкин Вяземскому, опасаясь иностранного вмешательства и серьезных международных осложнений. *Народные витии* — парламентские ораторы.

Бородинская годовщина. Стихотворение написано по поводу взятия Варшавы; весть об этом привез внук Суворова; этот день совпал с годовщиной Бородинского сражения. Во второй строфе этого стихотворения имеется в виду угроза иностранного вмешательства в русско-польскую войну. *Наследие Богдана* (Хмельницкого) — Украина. *Пред кем смирилась Эривань* — речь идет о Паскевиче, взявшем некогда Эривань и руководившем взятием Варшавы. В девятой строфе Пушкин имеет в виду взятие Суворовым в 1794 году предместья Варшавы — Праги.

«Чем чаще празднует Лицей». Написано к лицейской годовщине 19 октября 1831 года. *Шесть мест упраздненных* — шесть умерших лицейских товарищей Пушкина (в том числе близкий друг Пушкина — Дельвиг).

Гнедичу. *С Гомером долго ты беседовал один* — обращено к Гнедичу, который в это время окончил многолетнюю работу над переводом «Илиады» Гомера. Ему же посвящено стихотворение «На перевод Илиады» (см. стр. 458). Стихи 17—20 в рукописи зачеркнуты. *Илион* — другое название Трои.

Красавица. Написано в альбом графини Е. М. Завадовской (1807—1874).

К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»). Относится, по всей вероятности, к Н. Л. Соллогуб, петербургской знакомой Пушкина.

(Из Афеней) («Славная флейта, Феон...»). Стихотворение взято Пушкиным из сборника, составленного греческим грамматиком Афением, и принадлежит древнегреческому поэту Гедилу. Из этого же сборника взяты стихотворения «Из Ксенофана Колофонского», «Бог веселый винограда» и «Вино». *IIIe. "Barquet des sept..."*

Воевода. Будрыс и его сыновья. Первое стихотворение — вольное подражание бал-

ладе польского поэта Адама Мицкевича «Дозор», второе — перевод из Мицкевича («Три Будрыса»).

«Он между нами жил». Стихотворение обращено к Мицкевичу в ответ на его стихи «Русским друзьям».

Полководец. Посвящено М. Б. Барклаю де Толли (1761—1818) — главнокомандующему русской армией до начала августа 1812 года. В начале стихотворения речь идет о портрете Барклая работы художника Доу, находившемся в Зимнем дворце, в галерее портретов участников войны 1812 года. В ответ на обвинение в том, что это стихотворение якобы снижает славу Кутузова, Пушкин напечатал в «Современнике» «Объяснение», в котором подчеркнул величие подвига «спасителя России» Кутузова.

Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью»). Основано на мифе о гибели Геркулеса (Алкида). Кентавр, убитый Геркулесом, дал Деянире, жене Геркулеса, пропитанную ядом рубашку как талисман, удерживающий от измены. Когда Геркулес надел эту рубашку, яд начал жечь кожу. Геркулес пытался сорвать с себя рубашку, но не смог и, сложив на горе Эте костер, вознесся в его пламени на небо.

«Вновь я посетил...» Стихотворение не закончено. Написано Пушкиным в связи с приездом осенью 1835 года в село Михайловское.

На выздоровление Лукулла. Стихотворение является сатирой на министра просвещения и главу цензурного ведомства реакционера С. С. Уварова. Под Лукуллом Пушкин подразумевает гр. Шереметева, наследником которого был Уваров. Непосредственным поводом к написанию стихотворения явилась болезнь Шереметева и попытка Уварова, уверенного в его неизбежной смерти, захватить имущество при жизни Шереметева.

«Я думал, сердце позабыло». Стихотворение не закончено.

На статую играющего в свайку. Имеется в виду скульптура А. В. Логановского «Русский парень, играющий в свайку». *Дискобол* — знаменитая античная статуя.

На статую играющего в бабки. Имеется в виду скульптура Н. С. Пименова «Русский парень, играющий в бабки».

Д. В. Давыдову («Тебе певцу, тебе герою!») *Денис Давыдов* (1784—1839) — поэт, один из организаторов партизанских отрядов во время войны 1812 года.

Художнику. Обращено к скульптору Б. И. Орловскому (1793—1837).

(Подражание итальянскому). Сюжет сонета основан на евангельской легенде о самоубийстве Иуды после предательства Христа.

(Из Пиндемонти). Источник указан Пушкиным фиктивный, для отвлечения внимания цензуры. В рукописи «зависеть от царя» было из цензурных соображений исправлено Пушкиным: «зависеть от властей».

Мирская власть. Написано по поводу того, что возле выставленной для публичного осмотра картины К. П. Брюллова «Распятие» была поставлена вооруженная охрана.

«Была пора: наш праздник молодой». Посвящено двадцать пятой лицейской годовщине. Стихотворение не закончено. Пушкин начал читать его на традиционном праздновании годовщины, но, по рассказу очевидца, «слезы полились из его глаз, и он не мог продолжать чтения». *Агамемнон* — в «Илиаде» вождь царей, осаждавших Трои, здесь — Александр I.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Эпиграф взят из оды Горация «К Мельпомене». *Александрийский столп* — памятник Александру I против Зимнего дворца, открытый в Петербурге в 1834 году. Четвертая строфа в первой редакции читалась:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 285. По когтям узнаем льва. (Латинск.)

Стр. 286. Так, когда я был в печали и в заключении, лира моя все же пробуждалась... (Франц.)

Стр. 292.

¹ Как последний луч, как последнее

веяние ветра

Оживляет вечер прекрасного дня,

Так у подножия эшафота я еще пробую

свою лиру.

(См. Последние стихи Андрея Шенье.) (Франц.)

² Абель, милый, наперсник моих юных тайн
(Элегия I).

Фанни, одна из любовниц Ан. Шенье. См. обращенные к ней оды. (Франц.)

³ См. Юная Пленница (М-ль де Куаньи).
(Франц.)

⁴ См. его ямбы.

Стр. 293.

Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера. — Известно, что король испрашивал у Собрания в письме, испол-

ненном спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье. (*А. Де ла Туш.*) (Франц.)

⁶ В свои последние минуты они беседовали о поэзии. Она была для них, после дружбы, прекраснее всего на свете. Предметом их беседы и последнего их восторга был Расин. Они решили читать его стихи. Выбрали они первую сцену «Андромахи». (*А. Де ла Туш.*) (Франц.)

⁷ Все-таки у меня там кое-что было. (Франц.)

Стр. 325. Пресыщение есть покой. (Латинск.)

Стр. 387. Прочь, непосвященные. (Латинск.)

Стр. 390. Таков я был когда-то, таков я и теперь. (Франц.)

Стр. 398. Но где... (Итал.)

Стр. 418. Радуйся, божья мать. (Латинск.)

Свет небес, святая роза! (Латинск.)

Стр. 429. Не презирай сонета, критик. *Вордсворт.* (Англ.)

Стр. 456. ¹ Воспоминания Бурьена. (Франц.)

Стр. 461. Барри Корнуол. Пью за твое здоровье, Мери. (Англ.)

Стр. 464. *Буквально:* после написанного (латинск.), приписка в конце письма.

Стр. 479. Мальчик, старого (фалернского). (Латинск.)

Стр. 510. Гузла, или сборник иллирийских стихотворений, собранных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцоговине. (Франц.)

- Стр. 513.* Что белеет на горе зеленой. (Сербск.)
 Что же белеет в зеленой роще. (Итал.)
- Стр. 546.* Вампир. (Франц.)
- Стр. 579.* Гамлет. (Англ.)
- Стр. 586.* Я воздвиг памятник. (Латинск.)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. *А. С. Пушкин*. С портрета работы В. А. Тропинина. Фронтиспис.
2. *Последняя квартира Пушкина*. Гравюра Л. С. Хижинского. Между стр. 80—81.
3. *Лицей*. Гравюра Л. С. Хижинского. Между стр. 112—113.
4. *А. С. Пушкин*. Гравюра Л. С. Хижинского. Между стр. 256—257.
5. *Домик няни*. Гравюра Л. С. Хижинского. Между стр. 320—321.

СОДЕРЖАНИЕ *

А. С. Пушкин. Вступительная статья	
Б. Мейлаха	5

СТИХОТВОРЕНИЯ

К другу стихотворцу	95	<i>590</i>
Пирующие студенты	99	<i>590</i>
Воспоминания в Царском Селе	103	<i>591</i>
Романс	109	
Городок	112	<i>592</i>
Лицинию	127	
Певец	130	
Желание	131	
Пробуждение	132	
Друзьям («Богами вам еще даны»)	134	
К Каверину	135	<i>593</i>
Товарищам	136	<i>593</i>
К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего саду	138	<i>594</i>
Кривцову	139	<i>594</i>

* Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Вольность	140	594
Торжество Вакха	144	
Сказки. No 1	147	595
К портрету Жуковского	149	
Жуковскому	150	
К Чаадаеву	151	595
На Стурдзу	152	596
На Н. М. Карамзина	153	596
Н. Н. (В. В. Энгельгардту)	154	597
Деревня	156	597
Русалка	159	
Стансы Толстому	162	597
Возрождение	164	
Дорида	165	
На Аракчеева	166	597
К портрету Чаадаева	167	597
Дориде	168	
Юрьеву	169	597
«Мне бой знаком — люблю я звук мечей».	171	
«Погасло дневное светило»	172	598
Дочери Карагеоргия	174	598
Черная шаль	175	598
К*** («Зачем безвременную скуку»)	177	
Нереида	178	
«Редет облаков летучая гряда»	179	598
Земля и море	180	
«Я пережил свои желанья»	181	
Муза	182	
В. Л. Давыдову	183	598
Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»)	186	599
«Кто видел край, где роскошью природы».	189	

Кинжал	191	599
«Умолкну скоро я!.. Но если в день пecaли»	193	
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет»	194	
Наполеон	195	599
Война	200	600
«Гречанка верная! не плачь — он пал героем»	202	600
К Овидию	203	600
Приметя	207	
«Наперсница волшебной старины»	208	
Друзьям («Вчера был день разлуки шумной»)	209	
Песнь о вешем Олеге	211	600
Из письма к Я. Н. Толстому	215	601
Иностранке	217	601
Узник	218	—
Гречанке	219	
Послание цензору	221	601
Ф. Н. Глинке	226	602
Птичка	227	
«Кто, волны, вас остановил»	228	—
Ночь	229	
«Простишь ли мне ревнивые мечты»	230	
«Свободы сеятель пустынный»	232	602
Демон	233	
«Надеждой сладостной младенчески дыша»	234	
Телега жизни	235	
«Недвижный страж дремал на царственном пороге»	236	602

На Воронцова	239
Прозерпина	240
К Языкову («Издревле сладостный союз»)	242 602
Разговор книгопродавца с поэтом . . .	244
К морю	252 602
Коварность	255
«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла»	257
«Ночной зефир»	258
Фонтану Бахчисарайского дворца . . .	259
Виноград	260
Подражания Корану	261 603
Чаадаеву («К чему холодные сомненья»)	269 603
Второе послание цензору	270 603
Аквилон	273
На Фотия	274 604
«Ты вянешь и молчишь: печаль тебя сне- дает»	275
«Пускай увенчанный любовью красоты» .	276
На Воронцова	277 604
Друзьям	278
Сожженное письмо	279
Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову . . .	280 605
Жив, жив Курилка!	283 605
Соловей и кукушка	284
Ex ungue leonem	285 605
Андрей Шенье	286 606
Желание славы	294
К*** («Я помню чудное мгновенье») . .	296 606
Жених	298
«Если жизнь тебя обманет»	305
Вакхическая песня	306

«Цветы последние милей»	307	—
19 октября	308	606
Движение	314	607
Прозаик и поэт	315	
«В крови горит огонь желанья»	316	
«Вертоград моей сестры»	317	
«Люблю ваш сумрак неизвестный»	318	607
Буря	320	
Зимний вечер	321	
«Всё в жертву памяти твоей»	323	
Сцена из Фауста	324	608
«О муза пламенной сатиры!»	329	
На Александра I	330	
Дружба	331	
«Храни меня, мой талисман»	332	
«Под небом голубым страны своей род- ной»	333	
К Вяземскому	334	608
К Языкову («Языков, кто тебе внушил»)	335	609
Песни о Стеньке Разине	336	609
Признание	339	609
Пророк	341	
И. И. Пущину	343	609
«В еврейской хижине лампада»	344	
Стансы	346	610
Зимняя дорога	347	
Няне	349	611
«Во глубине сибирских руд»	350	611
Золото и булат	351	
Соловей и роза	352	
«Какая ночь! Мороз трескучий»	353	611
Ек. Н. Ушаковой	355	611

Ангел	356
Арион	357 611
«В степи мирской, печальной и безбреж- ной»	358
Поэт	359
«Близ мест, где царствует Венеция зла- тая»	360 612
19 октября 1827	361 612
Талисман	362
Послание Дельвигу	364
Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю»)	370 612
Воспоминание	372
«Дар напрасный, дар случайный»	374 612
«Кобылица молодая»	375
Наперсник	376 612
Предчувствие	377 613
Утопленник	379
«Ворон к ворону летит»	383
Ее глаза	384 613
Анчар	385 613
Поэт и толпа	387 613
«Каков я прежде был, таков и ныне я» .	390 614
«Город пышный, город бедный»	391
«Не пой, красавица, при мне»	392
Цветок	393
«В прохладе сладостной фонтанов» . . .	394 614
«Подъезжая под Ижоры»	396 614
Приметы	397
Калмычке	398 614
«На холмах Грузии лежит ночная мгла» .	400
Делибаш	401 615
Из Гафиза	402 615

Кавказ	403
К бюсту завоевателя	405 615
Дорожные жалобы	406
«Как сатирой безымянной»	408 615
Обвал	409
«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю»	411
«Я вас любил: любовь еще, быть может»	413
Зимнее утро	414
«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?»	416 615
«Жил на свете рыцарь бедный»	417
Эпиграмма	420
«Брожу ли я вдоль улиц шумных»	421
Дон	423
«Когда твои молодые лета»	424
«Что в имени тебе моем?»	425
Ответ	426 615
«В часы забав иль праздной скуки»	427
«Нет, я не дорожу мятежным насла- ждением»	428
Сонет	429 616
К вельможе	430 616
«Когда в объятия мои»	434
Поэту	435
Мадонна	436 616
Бесы	437
Элегия	440
Ответ анониму	441 616
Труд	443 617
Царскосельская статуя	444
Прощание	445

«Я здесь, Инезилья»	446
«Румяный критик мой, насмешник толсто- пузый»	447
Рифма	449
«Стамбул гяуры нынче славят»	450 617
Заклинание	452
Герой	454 617
Стихи, сочиненные ночью во время бес- сонницы	457 M
На перевод Илиады	458
«Для берегов отчизны дальной»	459 617
«Пред испанкой благородной»	460
Из Ваггу Сопwall	461 617
Моя родословная	462 617
«Глухой глухого звал к суду судьи глу- хого»	466
Цыганы	467
«Перед гробницею святой»	468 618
Клеветникам России	470 619
Бородинская годовщина	472 619
Эхо	476
«Чем чаще празднует Лицей»	477 620
Мальчику	479
Гнедичу	480 620
Красавица	481 620
К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»)	482 620
(Из Ксенофана Колофонского)	483
(Из Афенея)	484 620
«Бог веселый винограда»	485
Гусар	486
«Когда б не смутное влечение»	491

Воевода	492	620
Будрыс и его сыновья	495	620
Осень (<i>Отрывок</i>)	498	
Вино	503	
«Юноша! скромно пируй, и шумную Вак- хову влагу»	504	
«Не дай мне бог сойти с ума»	505	
«Сват Иван, как пить мы станем»	507	
«Он между нами жил»	509	621
Песни западных славян	510	
1. Видение короля	513	
2. Янко Марнавич	517	
3. Битва у Зеницы-Великой	519	
4. Феодор и Елена	520	
5. Влах в Венеции	524	
6. Гайдук Хризич	525	
7. Похоронная песня Иакинфа Маг- лановича	526	
8. Марко Якубович	528	
9. Бонапарт и черногорцы	531	
10. Соловей	533	
11. Песня о Георгии Черном	534	
12. Воевода Милош	535	
13. Вурдалак	536	
14. Сестра и братья	537	
15. Яныш королевич	541	
16. Конь	544	
«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит»	554	
(Из Анакреона). <i>Отрывок</i> («Узнают коней ретивых»)	555	

Ода LVI (Из Анакреона) («Поредели, побелели»)	556
Ода LVII («Что же сухо в чаше дно?»)	557
Полководец	558 621
Туча	561
Из А. Шенье	562 621
«...Вновь я посетил»	563 621
На выздоровление Лукулла	566 622
Пир Петра Первого	568
«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила»	570
Подражание арабскому	571
«Я думал, сердце позабыло»	572 622
На статую играющего в свайку	573 622
На статую играющего в бабки	574 622
«От меня вечер Леила»	575
Д. В. Давыдову	576 622
Художнику	577 622
(Подражание итальянскому)	578 623
(Из Пиндемонти)	579 623
Мирская власть	580 623
«Когда за городом, задумчив, я брожу»	581
«Была пора: наш праздник молодой»	583 623
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный»	586 623
П Р И М Е Ч А Н И Я	587
Переводы иноязычных текстов	625
Список иллюстраций	628

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Еголин, В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев,
В. М. Саянов, А. К. Тарасенков,
А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. П. Щипачев*

А. Пушкин — Стихотворения, т. I

Редактор Г. Лапкина

Художник Л. Хижинский

Худож. редактор И. Серов

Техн. редактор В. Комм

Корректоры З. Петрова и П. Суздальский

*Сдано в набор 7/XI 1953 г. Подписано в печать 11/VI 1954 г. М 37762. 84 × 108/16.
Печ. л. 20 (16,4). Уч.-изд. л. 18,54. Тираж
50 000. Цена 10 р. 75 к. Зак. № 1274.*

*Л. о. издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. 28*

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата